

Рудольф Штейнер

Общее учение

о человеке

как основа педагогики

GA 293

*Учебный курс лекций для преподавателей
Свободной вальдорфской школы,
прочитанный 21.VIII—5.IX 1919 г. в Штутгарте*

Перевод с немецкого Д. М. Виноградова

"Парсифаль"

Москва

1996

Штейнер, Р. Общее учение о человеке как основа педагогики.

Перевод с нем. Д. М. Виноградова. М.: Парсифаль, 1996. — 176 с.

«Что такое человек?» — этим вопросом в глубине души задаются многие. Ответ на него составляет предмет предлагаемых лекций основоположника антропософии Р. Штейнера (1861—1925). Фундаментальное обзорное изложение, синтезируя подходы к теме различных академических дисциплин, дополняет их данными антропософского духовного исследования. Умственные, сердечные, волевые аспекты нашего существа рассматриваются в их проявлениях на разных стадиях человеческой жизни. Содержащиеся в учебном курсе знания и рекомендации послужили отправной точкой развития «педагогике духа, души и тела» — вальдорфской педагогике.

Адресованная в первую очередь учителям и родителям школьников книга может быть интересна психологам, философам, врачам и широкому кругу читателей, равнодушных к вопросам духовной жизни и самосознания. На русском языке издается впервые.

Перевод сделан по изданию:

R. Steiner

Allgemeine Menschenkunde als Grunlage der Pädagogik

Rudolf Steiner Verlag

Dornach/Schweiz

9. Aufgabe, 1992

(GA 293)

Виньетка на обложке — по эскизу Рудольфа Штейнера.

Содержание

Первая лекция

Штутгарт, 21 августа 1919 года.....11

Морально-духовный аспект воспитания. Основание школы как «торжественное событие в мироздании». Эгоизм как основа современной культуры. Воспитание как продолжение деятельности высших существ, предшествовавшей рождению. О проблеме «воспитания до рождения». Соединение духовно-душевного с телесно-плотским при нисхождении в земное бытие. Согласование духовно-душевного с телесным как задача воспитания. Значение внутренней духовной связи между учителем и учеником.

Вторая лекция

Штутгарт, 22 августа 1919 года.....23

Психология, основанная на антропософском познании мира, как базис преподавания. О бессодержательности понятий современной психологии. Центральное значение представления и воли. Образный характер представления: отражение бытия до рождения. Воля как зародыш посмертной духовно-душевной реальности. Превращение реальности до рождения в представления посредством силы антипатии; потенцирование антипатии: память и понятие. Потенцирование волевых сил симпатии: воображение и имагинация. Кровь и нерв: тенденция нерва к материализации, тенденция крови к одухотворению. Взаимодействие симпатии и антипатии в головном и спинном мозгу, в симпатической нервной системе.

Трехчастное строение человека: голова, грудь, конечности.
Взаимодействие трех компонентов человеческой организации
и их связь с космосом.

Третья лекция

Штутгарт, 23 августа 1919 года.....37

Всеобъемлющее воззрение на законы мироздания как основа учительского призвания. Двухчленное деление человека — величайшее заблуждение современной психологии. Заблуждения, к которым ведет закон сохранения энергии; возникновение новых сил и веществ в человеке. Охват мертвого в мире рассудком, становящегося — волей. О телесных основах переживания «я». Момент свободы в чистом мышлении. Природа без человека: опасность омертвения. Человеческий труп как фермент в процессе Земного развития. Господство смертоносных сил в (отмирающем) скелете и (отмирающей) нервной системе, животворные силы в крови и мускульной системе; о рахите. Кости «геометризуют». Геометрия как отражение космического движения. Человек — не зритель в мире, но мировая «сцена». Творение новых веществ и сил в соприкосновении крови и нерва. О естественнонаучном методе: постулаты вместо общих определений.

Четвертая лекция

Штутгарт, 25 августа 1919 года.....53

Чувство в отношении к воле. Девятисоставный человек как существо волящее; проявления воли в телесном — как инстинкт

в физическом, как побуждение в эфирном, как вожделение в астральном; проявления воли в душевном — как мотив при приятии воли в «я»; проявления воли в духовном (лишь в зачатках) — как желание в само-духе, как намерение в жизне-духе, как решение в духо-человеке. Психоанализ в поисках бессознательной воли «второго человека» в нас. Интеллектуализм как проявление старческого, чувство как становящаяся воля. О социалистических идеях в образовании. Формирование чувства и воли в воспитании: чувства — посредством бессознательного повторения, воли и способности суждения — посредством повторения сознательного. О значении художественного в этой связи.

Пятая лекция

Штутгарт, 26 августа 1919 года.....67

Взаимное влияние трех душевных деятельностей. Связь мыслительного и волевого; о симпатических и антипатических процессах в акте зрения; более сильная, по сравнению с животным, обособленность человека от окружения. Необходимость взаимопроникновения воли и мышления. Отделение от мира в созерцании, соединение с ним в действии. Преодоление анималистических, «симпатических» инстинктов благодаря моральным идеалам. Влияние душевных деятельностей друг на друга: на примере спора Brentano и Ziegler об объективности суждения. Чувство как задержанное мышление и задержанная воля. Проявления симпатии и антипатии, имплицитно содержащихся в воле и мышлении.

Возникновение чувства при соприкосновении нерва и крови на примере глаза и уха. Современная психология и учение о способностях чувственного восприятия. О заблуждениях кантианства.

Шестая лекция

Штутгарт, 27 августа 1919 года.....79

О строении данного цикла лекций. Рассмотрение человека в предыдущих лекциях в душевном аспекте, в последующих — в телесном аспекте, в настоящей — в духовном аспекте: состояния сознания. Мыслящее познание — как полностью бодрственное состояние, чувство — как грезящее, воля — как бессознательная спящая деятельность. Обхождение с мечтательно-грезящими детьми и детьми-тугодумами. Возможность для «я» полностью бодрственной жизни лишь в образе мира. Жизнь «я» в душе: образно-бодрственная в мыслящем познании, грезящая и бессознательно-инспирируемая в чувстве, спящая и бессознательно-интуитивная в воле; о кошмарах. Более тесная связь интуитивной воли с образным познанием по сравнению со спящим чувством. Воля и голова.

Седьмая лекция

Штутгарт, 28 августа 1919 года.....93

Человек в духовном ракурсе: рассмотрение состояний сознания. О понимании. Тело с возрастом не вмещает духовного. От чувствующей воли ребенка к чувствующему

мышлению старца. Чистая душевность в среднем возрасте; свобода. Отделение чувства от воли как задача воспитания. О сущности ощущения. Грезящая натура телесной периферии как сферы восприятия; чувственно-волевая природа ощущения. Различие в ощущении ребенка и старика. Локализация бодрствования, грезящего состояния и состояния сна в пространственной организации человека. Нервы в отношении к душевно-духовному: создание пустого пространства для последнего благодаря непрестанному отмиранию. Сон и бодрствование в их связи с временным в человеке: вспоминание и забывание.

Восьмая лекция

Штутгарт, 29 августа 1919 года.....

107

Соотнесение процессов вспоминания и забвения с процессами пробуждения и засыпания на примере нарушения сна. Процесс вспоминания. Воспитание способности вспоминания и воли посредством воздействия на привычки. Укрепление памяти благодаря пробуждению живого интереса. Абстрактная общность и синтез раздельного. Двенадцать чувств. О чувстве «я» и о различии между восприятием чужого «я» (познавательный процесс) и переживанием собственного «я» (волевой процесс). О чувстве мысли. Деление двенадцати чувств на познавательные, связанные с внутренним чувством и волевые. Разложение мира двенадцатью чувствами, связывание воедино в суждении. Понимание духовного посредством

состояний сознания, душевного — посредством жизненных состояний, тела — посредством состояний формы.

Девятая лекция

Штутгарт, 30 августа 1919 года.....

119

Три первых семилетия жизни. Три звена логического мышления: заключение, суждение, понятие. Жизнь заключения в бодрствовании, суждения — в грезящем состоянии, понятия — в спящей душе. Формирование душевных привычек посредством суждения. Действие понятия на формирование тела. Необходимость живых понятий: характеризирование вместо определения. Подвижные и застывшие понятия. Идея человека. Бессознательный настрой души ребенка: первое семилетие — «мир морален», подражание; второе — «мир прекрасен», искусство; третье — «мир истинен», естественнонаучные занятия; импульсы будущего.

Десятая лекция

Штутгарт, 1 сентября 1919 года.....

130

Элементы шара в трех телесных компонентах. Череп как метаморфизированный позвонок. Трубчатые кости как «вывернутые наизнанку» кости черепа. Голова и конечности в их отношении к движению космоса. Подражание космическим движениям в танце и их превращение в музыку. Исток

чувственного ощущения и связь пластического искусства с музыкальным. Тело, душа и дух в их связи с головой, грудью и конечностями. Константинопольский собор 869 года. Материализм в естествознании был обусловлен Католической церковью. Переживание связи человека с мировым целым и значение этого для учителя. Педагогика как искусство.

Одиннадцатая лекция

Штутгарт, 2 сентября 1919 года.....

142

Человеческая телесность в ее отношении с душевным и духовным началом. Задачи воспитателя в этой связи: развитие «человека конечностей» и, частично, «человека груди»; пробуждение «человека головы». Воспитующее влияние речи: пробуждение спящего человеческого духа. Пробуждение ума благодаря художественным занятиям. Влияние обучения на силы роста. О необходимости постоянного многолетнего наблюдения за телесным развитием детей и о бессмысленной ежегодной смене учителя. Дети с преобладанием фантазии и дети с преобладанием памяти.

Двенадцатая лекция

Штутгарт, 3 сентября 1919 года.....

152

Связь физического тела с его окружением. Телесное строение человека: непрерывное преодоление исходящих от головы животных форм; мысли как сверхчувственный коррелят

этих форм. Связь грудной организации с растительным царством. Человеческое дыхание как противоположность ассимиляции у растений. Возникновение растительного в человеке как причина болезни. Мир растений как образ болезней. Процесс человеческого питания как средняя фаза процесса сгорания во внешней природе. Дыхание как антирастительный процесс. Связь дыхания и питания, телесного и душевного начал. Связь системы конечностей с минеральным. Непрерывное растворение минерального системой конечностей. Диабет и подагра. Жизнь «я» в теле сил. Человеческое тело: растворение минерального, преодоление растительного, одухотворение животного.

Тринадцатая лекция

Штутгарт, 4 сентября 1919 года.....

163

Формирование человека конечностей снаружи вовнутрь, человека головы — изнутри наружу. Человек как «плотина» для духовно-душевного. Всасывающий характер духовно-душевных процессов.

Избыточная материальность (образование жира грудно-брюшным организмом), уничтожение последней действующим в организме конечностей душевно-духовным началом. Запруживание духовно-душевного в голове и его «откатывание» вдоль нервных путей. Непроницаемость для духа жизненно-органического, духовная проницаемость физически-мертвого. Преобладающая деятельность духовного в телесной работе,

телесного — в духовной. Осмысленная и неосмысленная внешняя деятельность и ее влияние на сон. Спорт как практический дарвинизм. Нарушения сна при духовно-душевной деятельности, чрезмерная сонливость при телесной. Здоровый и нездоровый вид умственной работы.

Четырнадцатая лекция

Штутгарт, 5 сентября 1919 года.....

173

Телесная трехчленность. Трехчастное строение головы. Организация «груди и торса» между головой и конечностями. Задатки верхней половины груди к утонченному головообразованию (гортань, речь). Задатки нижней половины организма груди к огрубленному процессу образования конечностей (органы пола). Фантазия и подготовка учебного материала для старшеклассников. Переживающая воля. Педантизм как аморальность. Мотто для педагогов: фантазия, чувство истины, ответственность.

Примечания.....182

Первая лекция

Штутгарт 21 августа 1919 г.

Дорогие друзья, мы только тогда сможем выполнить нашу задачу достойно, когда станем понимать ее не просто как умственную и душевную, но как в высшем смысле моральную и духовную, и поэтому мы, начиная сегодня эту работу, прежде всего вспомним о связи, которую с самого начала, с ее помощью, хотим обрести с духовным миром. Следуя нашей задаче, мы должны сознавать, что нам надлежит работать не как людям, которые просто живут на физическом плане; такой подход стал особенно популярным в последние столетия, собственно, только он и осуществляется. Обучение и воспитание также подчинены этой господствующей тенденции — что мы и стремимся исправить, ставя перед собой нашу задачу. Поэтому вначале нам следует поразмыслить о том, как мы, каждый в отдельности, можем быть связаны с духовными силами, по заданию которых должны работать. Поэтому я прошу вас рассматривать данное вступительное слово как своего рода молитву, обращенную к тем силам, которым надлежит имагинативно, инспиративно, интуитивно помогать нам, когда мы беремся за исполнение нашей задачи.

[Слова, произнесенные далее, не стенографировались. См. прим. в конце книги]

Мои дорогие друзья! Мы должны почувствовать важность нашей задачи. Это случится, если мы поймем своеобразие задачи, возлагаемой на эту школу. Давайте конкретизируем

наши мысли и действительно направим их так, чтобы осознать, что ее основание представляет собой нечто особенное.

То, что здесь начато, мы не оставим пребывать в повседневности, но будем рассматривать это как торжественное событие в мироздании. Прежде всего мне хотелось бы выразить глубочайшую благодарность — во имя того доброго духа, который должен вывести человечество из нужды и бедствия, во имя того доброго духа, который должен вести человечество к высшим ступеням развития в обучении и воспитании, — выразить глубочайшую благодарность тем добрым духам, которые подвигли нашего дорогого господина Мольта* к благой мысли — в этом месте и именно таким образом сделать для дальнейшего развития человечества то, что он сделал, основав вальдорфскую школу. Я знаю, он сознает: многое в этом направлении сегодня осуществимо лишь в небольшой степени. Но именно благодаря тому, что величие задачи и момента мы переживаем вместе с ним как праздник в мироздании, он сможет с надлежащей силой работать с учителями вместе. Пусть это станет для нас, мои дорогие друзья, отправной точкой нашей деятельности. Посмотрите на себя как на людей, которых карма привела туда, где должно произойти не нечто обыденное, но где должно быть положено начало сотрудничеству, переживаемому как праздник в мироздании.

Дорогие друзья, мы начнем с разговора о нашей педагогической задаче. Пусть то, что я скажу сегодня, послужит введением. Ведь наша педагогическая задача должна

существенно отличаться от педагогических задач, которые ставило человечество до сих пор. Мы различаем их не потому, что впали в гордыню и решили установить новый педагогический миропорядок, но потому, что мы, основываясь на антропософски ориентированной духовной науке, сознаем, что новые эпохи развития человечества ставят новые задачи. Каждая эпоха развития, вплоть до современной, пятой послеатлантической эпохи, ставила перед человечеством свои особые задачи. То же, что человечество должно сделать в определенную эпоху, осознается лишь спустя некоторое время после начала этой эпохи.

Наша эпоха развития началась в середине XV века. И только сегодня, проникнув к глубинным духовным основам жизни, мы понимаем, что мы должны сделать в области воспитания. До сих пор человечество, даже вооружившись самыми лучшими педагогическими намерениями, руководствовалось духом прежнего воспитания, педагогическими методами четвертой послеатлантической эпохи. Многое зависит от того, научимся ли мы понимать, что в нашу эпоху нам нужно придать своей работе определенное направление, которое важно не своей безусловной ценностью для человечества во всех фазах его развития, но именно для нашего времени. Одним из плодов материализма является то, что человечество больше не сознает особых задач той или иной эпохи. Поэтому прежде всего я попрошу вас усвоить, что каждое время ставит свои особые задачи.

Когда вы, как учитель или воспитатель, впервые встречаетесь с ребенком, он уже прошел известное развитие, в предыдущий период жизни он получил от родителей определенное воспитание — быть может, неправильное. Вполне достичь наших целей мы сможем только тогда, когда люди, в том числе и родители, поймут, что в наше время в воспитании ребенка уже в первые годы его жизни стоят особые задачи. Однако многое из того, что было сделано неправильно в первые годы жизни, мы можем исправить в школьные годы. Мы должны целиком проникнуться сознанием того, что нам предстоит в области обучения и воспитания.

Я прошу вас, посвятивших себя этой задаче, не забывать, что вся современная культура, вплоть до сферы духовного, основана на человеческом эгоизме. Рассмотрите непредвзято самую духовную из ее нынешних областей — религиозную — и спросите себя: разве сегодняшняя культура именно в религиозной области не ориентирована на эгоизм? Для проповедников в наше время типично взывать к эгоизму. Возьмите одну из наиболее волнующих проблем, проблему бессмертия, и вы увидите, что сегодня почти все у проповедников направлено на то, чтобы улавливать человека, играя на его эгоизме в отношении сверхчувственного. Из-за этого эгоизма люди хотят пройти через врата смерти, не утратив своей личности, сохранив свое «я». Это один из видов эгоизма, хотя и весьма рафинированный. К нему и апеллирует сегодня религиозное сознание в связи с проблемой бессмертия. Поэтому религиозные конфессии обращаются к человеку, по

большой части забывая об одной границе земного бытия и принимая во внимание только другую: они направляют взгляд на смерть и совершенно забывают про рождение.

Пусть это не всегда проявляется так явно, но в скрытом виде присутствует всегда. Мы живем в эпоху, когда должны быть изжиты любые апелляции к эгоизму, — если только человечество не хочет и дальше следовать тем же путем упадка культуры, по которому оно движется сегодня. Мы должны направлять взор на другую границу земного бытия — на рождение. Мы должны осознать, что человек долгое время развивается в период между смертью и новым рождением, пока в ходе этого развития не достигает того пункта, когда он — в некотором смысле — умирает для духовного мира, когда он в духовном мире попадает в такие условия, что не может развиваться дальше, если не перейдет в другую форму бытия, которую он принимает, облачаясь в физическое и эфирное тела. То, что он получает, облачившись в физическое и эфирное тела, он не мог бы получить, если бы продолжал развиваться в духовном мире. И пусть взирать на родившегося мы можем лишь физическими глазами, нас не должно оставлять сознание: это продолжение. Нас должно интересовать не только то, что происходит с человеческим бытием после смерти, т.е. не только духовное продолжение физического; мы должны сознавать, что физическое бытие является продолжением духовного, что посредством воспитания мы продолжаем то, что делалось без нашего участия духовными существами. Наши воспитание и обучение получают правильную ориентацию только тогда, когда

мы осознаем, что с детьми мы продолжаем делать то, что до их рождения делали высшие существа.

Сегодня, когда человечество уже не связано в мыслях и чувствах с духовными мирами, часто задаются абстрактные вопросы, бессмысленные для духовного понимания мира. Спрашивают, как должно происходить так называемое воспитание до рождения. Многие люди воспринимают вещи абстрактно; если воспринимать вещи конкретно, то подчас оказывается невозможным произвольно нанизывать вопросы. Однажды я уже приводил пример такого вопрошания. При виде следов от колес на дороге можно задаться вопросом: «Откуда они взялись?» — «Их оставила телега». — «Почему она проехала?» — «Потому что сидевшие в ней люди направлялись в город». — «Почему они туда ехали?» В конкретной действительности в какой-то момент этот процесс постановки вопросов прекращается. Если же оставаться в абстрактном, то можно продолжать спрашивать «почему» до бесконечности. Круг вопросов можно крутить без конца. Конкретное мышление рано или поздно доходит до конца. Так же обстоит дело с вопросами, касающимися менее тривиальных вещей. Люди думают о воспитании и ставят вопросы о воспитании до рождения. Но, дорогие друзья, до рождения человек находится под защитой сверхфизических существ. Им должны мы предоставить устанавливать отношения между миром и отдельным человеческим существом. Поэтому воспитание до рождения не представляет собой задачи по отношению к самому ребенку. Оно может быть только бессознательным

следствием того, что делают родители, и особенно мать. Пусть до рождения ребенка мать своим образом жизни выражает то, что в истинном смысле является моральным и интеллектуально правильным, тогда плоды этого «воспитания» перейдут на дитя. Чем меньше думают о воспитании ребенка до того, как он увидел свет, и чем больше думают о правильности своей собственной жизни, тем для него лучше. Воспитание начинается только тогда, когда ребенок действительно становится звеном мирового порядка в физическом мире, когда он начинает дышать внешним воздухом.

Когда ребенок появляется в физическом мире, мы должны осознать, чем для него является переход с духовного на физический план. Мы должны понимать, что человеческое существо действительно состоит из двух частей. Прежде чем человек нисходит на Землю, имеет место связь между духом и душой; духом, под которым мы понимаем то, что в физическом мире еще совершенно скрыто от нас и что мы на языке антропософской духовной науки называем «ду⁰⁰_{1F}хо-че⁰⁰_{1F}ловек», «жизне-дух» и «само-дух». Эти три высших члена существа человека некоторым образом пребывают в сверхчувственной сфере, куда мы еще должны пробиться, и в период между смертью и новым рождением мы определенным образом с ними связаны. Сила, исходящая от этой триады, пронизывает душевное начало в человеке — душу самосознающую, душу рассуждающую и чувствующую, а также душу ощущающую.

Если вы рассмотрите человеческое существо, которое, пройдя путь от смерти до нового рождения, готово низойти в

физический мир, то увидите, что охарактеризованная выше духовность связана с началом душевным. Человек, как духо-душа, спускается из высших сфер в земное бытие. Он облекается в земное бытие. Характеризуя эту следующую часть существа человека, связывающую себя с описанными выше, мы можем сказать: здесь внизу, на Земле, духо-душе выступает навстречу то, что возникает благодаря физической наследственности. Духо-душа соединяется с телесностью, с плотью так, что образуется связь двух триад. В духо-душе духо-человек, жизне-дух и само-дух связаны с душевным началом, т.е. с душой самосознающей, душой рассуждающей и чувствующей и душой ощущающей. Они связаны друг с другом и при нисхождении в физический мир должны соединиться с телом ощущений, или астральным телом, эфирным телом и физическим телом. В свою очередь, и последние — сначала во чреве матери, а затем вовне — соединяются с тремя царствами физического мира: минеральным, растительным и животным; так что и здесь две триады соединены между собой.

Взгляните непредвзято на ребенка — и вы увидите: в ребенке духо-душа еще не связана с телесным существом. Задача воспитания, в духовном смысле, заключается в том, чтобы правильным образом связать духо-душу с телом. Они должны находиться в гармонии, должны быть друг с другом согласованы, ибо вначале, когда ребенок рождается в физическом мире, они еще не подходят друг к другу. Задача воспитателя и учителя состоит в том, чтобы согласовать между собой эти два члена.

Рассмотрим эту задачу более конкретно. Из всего того, чем человек связан с внешним миром, самым важным является дыхание. Оно начинается в тот момент, когда человек вступает в физический мир. Дыхание во чреве матери — это, так сказать, предварительный процесс, только подготовка к дыханию; оно еще не ставит человека в настоящую связь с внешним миром. То, что в истинном смысле может быть названо дыханием, начинается, когда человек покидает чрево матери. Дыхание чрезвычайно много значит для человеческого существа, ибо в нем участвует вся троякая организация физического человека.

Во-первых, к компонентам трехкомпонентного человеческого организма мы причисляем *обмен веществ*. Но обмен веществ, с одной стороны, тесно связан с *дыханием*; процесс дыхания метаболически связан с кровообращением. Вводимые другим путем вещества внешнего мира кровообращение передает всему телу — так что, хотя дыхание имеет свои собственные функции, оно связано со всей системой обмена веществ.

С другой стороны, дыхание связано с жизнедеятельностью *нервной системы и органов чувств*. Делая вдох, мы вдавливаем в головной мозг мозговую жидкость; делая выдох, мы оттягиваем ее обратно в сторону тела. Таким образом, мы распространяем дыхательный ритм на головной мозг. И как, с одной стороны, дыхание связано с обменом веществ, так с другой — оно связано с нервной системой и системой органов чувств. Можно сказать: дыхание — это важнейший посредник между внешним миром и вступающим в него человеком. Мы

должны также сознавать, что в этот период дыхание еще не таково, каким оно действительно должно быть для поддержания физической жизни в человеке, — не таково с одной своей стороны. У человека, вступающего в физический мир, еще нет той гармонии, которая должна установиться между процессом дыхания и деятельностью нервной системы и органов чувств.

Ребенок еще не умеет дышать так, чтобы дыхание правильным образом поддерживало деятельность нервной системы и органов чувств. Знание этого обстоятельства позволяет нам более тонко подойти к воспитанию. Нам нужно вначале понять данное человеческое существо антропологическо-антропософски. Поэтому для воспитателя чрезвычайно важно наблюдать за скоординированностью дыхания с деятельностью нервной системы и органов чувств. В высшем смысле ребенок должен научиться принимать в свой дух то, что может быть ему даровано благодаря тому, что он является дышащим существом. Вы видите, что эта часть воспитания обращена к душевно-духовному: гармонизируя дыхание с деятельностью нервной системы и органов чувств, мы помогаем духовно-душевному излиться в физическую жизнь ребенка. Можно было бы сказать: ребенок внутренне еще не умеет правильно дышать, и воспитание должно состоять в том, чтобы научить его этому.

Но ребенок еще многое другое делает неправильно, и это тоже должно быть учтено, чтобы привести в согласие оба члена его существа: телесную организацию и духо-душу. В начале

жизни он не умеет правильным для человека образом (то, что мы должны подчеркнуть с духовной точки зрения, обычно выглядит, как вы увидите, противоречащим обыденной точке зрения) чередовать сон и бодрствование. Судя по внешнему впечатлению, можно сказать: спать ребенок умеет очень хорошо; он спит гораздо больше, чем взрослый, он спит даже наяву. Однако то, что внутренне лежит в основе сна и бодрствования, он еще не осуществляет. На физическом плане ребенок получает самый разнообразный опыт. Он пользуется своими конечностями, он ест, пьет, дышит. Но, совершая все это, чередуя сон и бодрствование, он не может весь свой опыт на физическом плане, — то, что он видит, слышит, делает руками, — перенести в духовный мир, переработать его там и результаты принести на физический план. Это совсем другой сон, чем у взрослого, он тем и характерен. Взрослый во сне перерабатывает преимущественно то, что с ним происходило между пробуждением и засыпанием. Ребенок же не в состоянии переносить в область сна пережитое им между пробуждением и засыпанием; ибо во сне он еще живет в общем мировом порядке так, что не может внести в этот мировой порядок испытанное внешне в физическом мире. Правильно поставленное воспитание должно помочь ему научиться то, что он испытал на физическом плане, переносить в жизнь духо-души от засыпания до пробуждения. Обучая и воспитывая, мы отнюдь не можем внедрить в ребенка что-либо из высшего мира. Ибо то, что приходит к человеку из высшего мира, приходит к нему в период от засыпания до пробуждения. Мы,

однако, можем время, которое человек проводит на физическом плане, использовать так, чтобы то, что мы делаем вместе с ним, он постепенно научился переносить в духовный мир — а затем это из духовного мира могло бы снова вернуться в физический мир в виде способности, которую он приносит с собой, чтобы в физическом мире стать действительно человеком.

Таким образом, деятельность учителя и воспитателя прежде всего должна быть устремлена к поистине высокой задаче: обучению правильному дыханию, обучению правильному чередованию бодрствования и сна. Само собой разумеется, наши методы воспитания и обучения не имеют ничего общего с тренировкой дыхания или тренировкой в чередовании сна и бодрствования. То, о чем говорилось, остается как бы на заднем плане. Понадобятся же вполне конкретные меры. Однако мы должны вплоть до самых основ сознавать, что, собственно, мы делаем. Давая ребенку тот или иной учебный материал, мы должны понимать, что, действуя в одном направлении, мы более способствуем внедрению духо-души в физическое тело, а действуя иначе — внедрению телесности в область духо-души.

Нельзя недооценивать сказанное здесь, ибо вы никогда не станете хорошими воспитателями и учителями, если будете внимательны только к тому, что вы делаете, и не будете смотреть на то, что есть вы сами. В сущности антропософски ориентированная духовная наука дана нам, чтобы мы могли осознать значение того, что человек в мире действует не только

посредством поступков, но, прежде всего, и тем, что он собой представляет. Это огромная разница, мои дорогие друзья: *тот* ли или *иной* учитель входит в классную комнату к ученикам. И это различие заключается не только в том, что один учитель более умелый или применяет те или иные педагогические приемы; главное, что влияет на процесс обучения: какие мысли он в себе носит, с какими мыслями входит в класс. Учитель, занятый мыслями о становлении человека, влияет на учеников совсем иначе, чем учитель, который об этом никогда не думает. Ибо что происходит, когда вы об этом размышляете, т.е. когда вы начинаете сознавать, какое космическое значение для воспитания имеет процесс дыхания и его преобразование, какое космическое значение имеет ритмический процесс смены состояний сна и бодрствования? Когда вы об этом размышляете, в вас преодолевается все то, что является всего лишь личностным духом. В этот момент ослабляются влияния всех источников личностного духа; отчасти погашается нечто, чем человек обладает именно потому, что он является физическим человеком.

И если в вас смолкло субъективное, то, когда вы входите в класс⁰⁰_{1F}ную комнату, посредством внутренних сил устанавливается связь между учениками и вами. Может даже оказаться, что внешние факты вначале этому как бы противоречат. Вы войдете в школу, и, возможно, ученики встретят вас насмешками. Но вы должны настолько укрепить себя с помощью мыслей, о которых мы говорим, чтобы вообще не обращать внимания на эти насмешки, чтобы воспринимать

их как совершенно внешний факт, подобный тому, что мы выходим на прогулку без зонтика — и неожиданно начинается дождь. Конечно, это неприятная неожиданность. И, хотя обычно человек делает различие между смехом, которым его встречают в классе, и неприятным ощущением от того, что пошел дождь, а у него нет зонтика, различие здесь проводить не следует. Наши мысли должны обладать такой силой, чтобы различие не чувствовалось, чтобы этот смех воспринимался так же, как шум дождя. Если мы прониклись такими мыслями и по-настоящему верим в них, то спустя неделю, или пару недель, или даже более долгий срок, мы сможем стать в такое отношение к детям (пусть даже насмешки и останутся), какое считаем желательным. Благодаря тому, что мы сами из себя сделали, мы, наперекор обстоятельствам, поставим себя в нужное отношение к детям. Мы должны понимать, что наша первая педагогическая задача — самим сделать из себя нечто, что существует мыслительная, духовная связь между учителем и детьми и что мы должны входить в классную комнату сознавая: здесь устанавливается духовная связь, здесь действуют не только слова, которыми я наставляю детей, и не просто умелое преподавание. Это лишь внешняя сторона дела, за которой, конечно, нужно тщательно следить, но и формальные действия мы будем выполнять неправильно, если не поставим во главу угла связь между наполняющими нас мыслями и теми процессами, что должны происходить в душе и теле ребенка во время занятий. Наш образ действий будет оставаться несовершенным до тех пор, пока мы не осознаем:

благодаря тому, что человек рожден, он может делать то, что в духовном мире делать невозможно. Воспитывая и обучая, мы должны гармонизировать дыхание в его отношении к духовному. В духовном мире человек не может чередовать сон и бодрствование так, как он делает это в мире физическом. Посредством воспитания и обучения мы должны отрегулировать этот ритм, чтобы телесный организм человека правильно соединился с духо-душой. Конечно, это должно быть для нас не абстрактным принципом, который мы применяем на уроках, это должно жить в нас как мысль о существовании человека.

Вот все, что я хотел сказать вам во вступительном слове, завтра мы приступим к самой педагогике.

Вторая лекция

Штутгарт 22 августа 1919 г

Все обучение в будущем должно быть построено на реальной психологии, почерпнутой из антропософского миропознания. Что обучение и воспитание вообще должны строиться на психологии, естественно, знали уже давно; например, широко известная в прошлом гербартианская педагогика черпала свою методологию из психологии Гербарта. Но то, что предлагается сегодня и предлагалось совсем недавно — в прошлом веке, не может стать действительно применимой психологией. Это происходит потому, что в эпоху, в которую мы живем, — в эпоху самосознающей души, еще не достигнуто такое духовное углубление, которое необходимо для действительного постижения человеческой души. Те понятия, которые сложились раньше и представляли науку о душе, были заимствованы из древних знаний еще четвертого послеатлантического периода; сегодня они стали более или менее бессодержательными, стали фразой. Тот, кто сегодня возьмет в руки книгу, имеющую хоть какое-нибудь отношение к психологии, обнаружит, что в подобных сочинениях уже нет реального содержания. Создается впечатление, что психологи просто играют понятиями. Кто, например, развивает сегодня ясное, отчетливое понятие о том, что такое представление или воля? Сегодня педагоги и психологи громоздят определение на определение, но действительного представления о представлении, действительного представления о воле эти

определения дать не могут. Они совершенно не в состоянии — разумеется, это обусловлено исторической необходимостью — включить человека в единую картину мироздания также и душевно. Они не в состоянии постичь, как душевное в человеке связано с мирозданием. Только учитывая связь человека со всем мирозданием, мы уясним себе идею существования человека как такового.

Что же такое представление? Мы должны сформировать отчетливое понятие об этом. Непредвзято рассматривающему то, что живет в человеке как представления, тотчас бросается в глаза их образный характер. Представление имеет образный характер. Тот, кто находит в представлении характер бытия, предается иллюзии. Чем бы было для нас представление, получи оно бытие? Мы сами, без сомнения, имеем в себе элемент бытия. Возьмем наш, так сказать, телесный элемент бытия, например наши глаза, которые суть элемент бытия, наш нос — тоже элемент бытия — или желудок. Можно сказать, что вы хотя и живете в этих элементах бытия, но ими не можете создавать представлений. Вы своим собственным существом изливаетесь в элементы бытия, вы идентифицируете себя с ними. Именно то обстоятельство дает нам возможность постигать посредством представлений, что они имеют образный характер, что они не настолько сливаются с нами, чтобы мы сами в них находились. В сущности они не существуют — это просто образы. Огромной ошибкой последней эпохи развития человечества является стремление бытие идентифицировать с мышлением. «Cogito, ergo sum» — это величайшее

заблуждение, положенное во главу угла мировоззрения нового времени, ибо как раз в «cogito» заключено не «sum», а «non-sum». Это означает, что в пределах моего познания, я не существую, я — только образ.

Теперь, имея в виду образный характер представления, мы должны рассмотреть прежде всего его качественную сторону. Обратив внимание на подвижность процесса представления, мы, вероятно, получим не совсем верное понятие о его деятельном бытии, — оно ведь будет напоминать подлинное бытие. Но мы должны понимать, что в мыслительном деятельном бытии мы имеем дело только с образной деятельностью. Все, что в представлении является движением, — это движение образов. Но образы должны быть образами чего-то. Сравнив их с образами в зеркале, можно сказать: хотя в зеркале мы и видим образы, но все, что имеется в этих отраженных образах, находится не в глубине зеркала, а независимо от него существует где-то в другом месте, и зеркалу совершенно безразлично, что в нем отражается; в нем может отражаться все, что угодно. Если таков же характер представляющей деятельности, ее образный характер, то возникает вопрос: образом чего является процесс представления? Внешней науке нечего сказать об этом; ответ может дать только антропософски ориентированная наука. Представление — это прежде всего образ пережитого, того, что пережито нами до рождения, т.е. до зачатия. Вы не достигнете действительного понимания сути представления, если не уясните себе, что прожили жизнь до рождения, жизнь перед

зачатием. И подобно тому как в пространстве возникают обычные зеркальные образы, ваша жизнь между смертью и новым рождением отражается в нынешней жизни, и это отражение есть представление (представляющая деятельность). Итак, вы можете представить себе это схематически: ваш жизненный путь проходит между двумя горизонтальными линиями, справа и слева ограниченными рождением и смертью.

рис.1

Из области по ту сторону рождения сюда непрерывно вливается представление, которое отражается самим человеческим существом. Вы представляете благодаря тому, что деятельность, которую вы осуществляли до рождения, в духовном мире, отражается посредством вашей телесности. Для действительного познания уже само представление, думание является доказательством бытия до рождения, поскольку оно — образ этого бытия.

Я хочу вначале дать вам это как общую идею — мы еще продолжим обсуждение этих вещей — и обратить ваше внимание на то, что мы отходим от голых словесных объяснений психологов и педагогов и приступаем к

действительному постижению того, что есть представление, тогда, когда мы учимся понимать, что в представлении отражается деятельность, которую мы в духовном мире осуществляли до рождения. Все обычные определения бесполезны, так как не несут в себе действительной идеи о том, что есть представление в нас.

Таким же образом мы можем задать себе вопрос о воле. Для обычного сознания воля представляет собой нечто совершенно загадочное; она — крест психологов просто потому, что психологам воля представляется чем-то вполне реальным, хотя в сущности она не имеет действительного содержания. Исследуйте, какое содержание психологи вкладывают в понятие воли, и вы увидите, что это содержание заимствовано у представления. Сама по себе воля не имеет содержания, поэтому ей так трудно дать определение. Но что она есть в действительности? Она — не что иное, как то, что заложено в нас подобно семени, того, что после смерти станет в нас духовно-душевной реальностью. Итак, представьте себе нечто, сущее в нас подобно зачатку, что после смерти станет духовно-душевной реальностью, — и вы получите волю. На нашем рисунке жизненный путь кончается в момент смерти, а воля продолжается дальше.

Представим себе следующее. На одной стороне — представление, которое мы постигаем как образ жизни до рождения, на другой стороне — воля как росток будущей жизни. Я прошу вас обратить внимание на различие между образом и ростком, зачатком. Ибо зачаток есть нечто

сверхреальное, а образ — подреальное; зачаток потом станет реальностью, т.е. он несет в себе зачатки будущей реальности, — так что воля в действительности имеет духовную природу. Это чувствовал Шопенгауэр; однако ему, разумеется, было недоступно знание о том, что воля — это зародыш духовно-душевного, которое после смерти развернется в духовном мире.

Итак, душевную жизнь человека мы разделяем на две области: область образных представлений и область зародышевой воли; между ними проходит граница. Эта граница — жизнь физического человека, который постоянно отбрасывает прошлое (отчего и возникают образы— представления) и не допускает изживаться воле, вследствие чего постоянно содержит ее в себе в виде ростка. Посредством каких сил мы это осуществляем?

Мы должны уяснить себе, что в человеке присутствуют силы, посредством которых мы отражаем *реальность нашего бытия* до рождения и вмещаем зачаток нашей *посмертной реальности*; и здесь мы приходим к важным психологическим понятиям, известным нам из книги «Теософия»: симпатии и антипатии. Как уже говорилось в первой лекции, когда мы больше не можем находиться в духовном мире, мы нисходим в физический мир. Нисходя в него, мы развиваем антипатию в отношении всего, что духовно, так что впоследствии духовную реальность, в которой мы жили до рождения, мы отбрасываем посредством несознаваемой антипатии. Мы несем в себе силы антипатии и благодаря им превращаем элемент жизни до

рождения в образы представлений. А с тем, что как реальность воли за порогом смерти преобразуется в наше бытие, мы связываем себя в симпатии. Мы не можем непосредственно сознавать эти симпатии и антипатии, но они бессознательно присутствуют в нас и представляют собой наши чувства, складывающиеся из ритмического элемента, переливов симпатии и антипатии.

рис.2

представление

воля

образ

зародыш, семя

антипатия

симпатия

чувство

Мы развиваем в себе мир чувств, постоянную игру — систола, диастола — симпатии и антипатии. Это взаимодействие всегда присутствует в нас. Антипатия, идущая в одном направлении, постоянно преобразует нашу душевную жизнь в жизнь представлений; противоположно направленная симпатия преобразует нашу душевную жизнь в то, что мы знаем как нашу волю к действию, в которой, подобно семени, покоится то, что после смерти станет духовной реальностью. Здесь мы подошли к действительному пониманию душевно-духовной жизни: мы создаем зародыш душевной жизни как ритм симпатий и антипатий.

Что отражаем мы в антипатии? Мы отражаем всю жизнь, все, что мы пережили, весь мир, в котором мы жили до рождения. Антипатии присущ познавательный характер. Итак,

познанием мы обязаны отблеску, свету нашей жизни до рождения. Познание, которое до рождения обладало более высокой степенью реальности, посредством антипатии ослаблено до образа. Можно сказать: познание встречается с антипатией и тем самым ослабляется до представления.

Когда антипатия достаточно сильна, происходит нечто совершенно особенное. Мы в обычной жизни после рождения не могли бы представлять, если бы не действовали с помощью той силы, которую получаем из бытия до рождения; ведь, как физический человек, вы образуете представления не посредством земных сил, но с помощью той силы, которую получаете из бытия до рождения, которая еще действует в вас. Ошибаются те, кто думает, что ее действие прекращается с зачатием, — она продолжает в нас действовать. Вы всегда имеете в себе жившее в вас до рождения, и вы имеете в себе также силу, которая его отбрасывает. Оно наталкивается на вашу антипатию. В тот момент, когда вы представляете, представление наталкивается на вашу антипатию, и если антипатия достаточно сильна, то возникает воспоминание, в памяти появляется образ; так что воспоминание — это не что иное, как следствие действующей в нас антипатии. Здесь вы имеете связь между присущим антипатии элементом чувства, который отражает еще неопределенно, и определенным отражением — образной деятельностью восприятия в памяти. Воспоминание — это усиленная антипатия. Вы не можете иметь воспоминаний, если к вашим представлениям вы испытываете такую симпатию, что как бы их «проглатываете»; вы имеете

воспоминания только потому, что испытываете к представлениям своего рода отвращение, отталкиваете их — и благодаря этому даете им возможность проявиться. Это — их реальность.

Если вы проделали всю эту процедуру: представили себе образно, и это прошло через отталкивание в памяти, и образное удержалось, — тогда образуется понятие. Такова одна сторона душевной деятельности: антипатия, связанная с нашей жизнью до рождения.

Теперь рассмотрим другую сторону — то, что в нас является волевым, зародышевым, ориентированным на жизнь после смерти. Воля живет в нас постольку, поскольку мы имеем в себе симпатии, поскольку с этим зародышем, который разовьется только после смерти, мы связываем симпатии. Так же, как представление основано на антипатии, воля основана на симпатии. Если симпатия достаточно сильна, — как сильна бывает антипатия, когда из представления образуется воспоминание, — то из симпатии образуется воображение. И если оно, в свою очередь, достаточно сильно, что в обычной жизни не осознается, если оно будет настолько сильным, что пронизет всего человека, вплоть до чувственного восприятия, вы получите обычные имагинации, посредством которых вы представляете себе внешние вещи. Как понятие образуется из воспоминания, так из воображения образуется имагинация, которая дает чувственные созерцания. Они исходят из воли.

Психологи пребывают в величайшем заблуждении, считая, что мы сначала рассматриваем вещи, затем абстрагируем и в

итоге получаем представление. На самом деле это не так. То, что мы воспринимаем мел белым, обусловлено действием воли, которая через симпатию и воображение становится имагинацией. Совсем другое происхождение имеет понятие, оно образуется из воспоминания.

Невозможно познать человеческое существо, если не проводить различия между симпатическим и антипатическим элементами в человеке. Они вполне выражают себя, как я уже описывал, в душевном мире после смерти. Там господствуют симпатии и антипатии без покрова.

Я описал вам душевного человека. На физическом плане он связан с телесным человеком. Все душевное выражает себя, открывает себя в телесном — и в телесном открывается все, что выражается, с одной стороны, в антипатии, памяти, понятии, которые связаны с телесной организацией нервов. По мере того как образуется нервная система, в теле действует все, что было до рождения. Душевные события, имевшие место до рождения, действуют через антипатию, память, понятия в теле человека и создают нервы. Это истинное понятие о нервах. Всякое деление нервов на сенсорные и моторные, как я уже говорил, — совершенная чепуха.

Равным образом воля, симпатия, воображение и имагинация, в известном смысле, действуют из человека. Они должны всегда оставаться в зародышевой форме, никогда вполне не реализуясь, но пребывая в становлении, возникновении. И здесь мы подошли к чему-то очень значительному в человеке. Вы должны научиться понимать

человека в целом: духовно, душевно и телесно. В человеке постоянно образуется нечто, имеющее тенденцию одухотвориться. Но поскольку из-за любви — разумеется, любви эгоистической — это нечто стремится удерживать в теле, оно не может стать духовным, оно растворяется в телесности. Мы имеем в себе нечто такое, что, будучи по своей природе материальным, постоянно стремится перейти в духовное. Но в тот момент, когда оно готово стать духовным, мы уничтожаем его. Это — кровь, противоположность нервам.

рис.3

					КРОВЬ	
ПОЗНАНИЕ			ВОЛЯ			
АНТИПАТИЯ			СИМПАТИЯ			
ПАМЯТЬ			ФАНТАЗИЯ			
ПОНИМАНИЕ			ВООБРАЖЕНИЕ			
	НЕРВ					

Кровь — это в самом деле «особенный сок». Такой сок, который если бы мог, будучи изъят из тела, не быть уничтоженным другими физическими агентами, но оставаться кровью, — что при обычных земных условиях невозможно, — то эта кровь воспарила бы, как дух. Для того чтобы кровь не воспарила как дух, для того чтобы она могла до самой смерти удерживаться в нас, мы должны ее уничтожать. Поэтому внутри себя мы постоянно осуществляем следующее: образование крови — уничтожение крови, образование крови — уничтожение крови и т.д. — посредством вдыхания и выдыхания.

Мы имеем в себе поляризованный процесс. С одной стороны — процесс, совершающийся в крови, вдоль кровеносных сосудов, который имеет тенденцию перевести наше бытие в духовное. Говорить о моторных нервах в том смысле, как это принято, — бессмыслица, поскольку моторными нервами служат в сущности кровеносные сосуды. С другой стороны, в противоположность крови нервы устроены так, что они постоянно находятся в состоянии отмирания, в состоянии материализации. То, что заполняет нервные пути, — это выделившаяся материя; нерв — это, в сущности, обособившаяся материя. Кровь постоянно стремится стать духовней, нерв — материальней; в этом состоит полярная противоположность.

В следующих лекциях мы рассмотрим подробнее заключающиеся здесь основные принципы и увидим, что их изучение важно для гигиенически правильной организации занятий, что оно поможет вести ребенка к душевному и

телесному здоровью, а не упадку. Собственно, воспитывать мы будем настолько плохо, насколько малы будут наши знания. Физиология надеется чего-то достичь, рассуждая о сенсорных и моторных нервах, но это всего лишь игра словами. О моторных нервах говорят потому, что обнаружили, что при повреждении определенных нервов, например идущих к ногам, человек не может ходить. Говорят: утрата способности ходить обусловлена тем, что парализованы нервы, которые, как «моторные», приводят в движение ноги. В действительности же в этом случае человек не может ходить потому, что не может воспринимать свои ноги. Нашей эпохе надлежало впасть во множество заблуждений, чтобы мы получили возможность, преодолевая их, стать самостоятельными людьми.

Уже из сказанного вы видите, что человека понять можно только в связи с космосом. Ибо, когда мы представляем, в нас действует космическое. Прежде чем родиться, мы находились в космосе, и полученный тогда опыт теперь отражается в нас. Мы снова вернемся в космос, когда пройдем через врата смерти, и семя нашей будущей жизни зреет в том, что свершается в нашей воле. То, что в нас свершается бессознательно, для высшего познания совершенно сознательно свершается в космосе.

Собственно, телесно симпатия и антипатия выражаются тройко. В нашем теле мы имеем три очага сопряжения симпатии и антипатии. Во-первых — голова, с ее взаимодействием крови и нервов, благодаря которому образуется память. Повсюду, где деятельность нервов

прерывается, где совершается скачок, находится такой очаг взаимодействия симпатии и антипатии. Другой подобный скачок совершается в позвоночнике, в том месте, где один нерв подходит к задней ости позвонка, а другой нерв исходит от передней ости. Такой же скачок наблюдается в узлах ганглий, образуемых симпатической нервной системой. Мы не такие уж простые существа, как может показаться. В трех местах нашего организма: в голове, в груди и в нижней части тела — пролегают рубежи, на которых встречаются симпатии и антипатии. Восприятие и воля действуют не так, чтобы нечто переводилось с сенсорных нервов на моторные, но прямой поток перескакивает с одного нерва на другой, и благодаря этому возбуждается в нас душевное: в мозгу и в позвоночнике. В тех местах, где прерываются нервы, мы с нашими симпатиями и антипатиями включены в процессы тела; мы включены в них также и там, где в симпатической нервной системе находятся узлы ганглий.

Нашей душевной жизнью мы включены в космос. Если, с одной стороны, следствия нашей деятельности можно проследить в космосе, то, с другой — космос постоянно действует в нас, порождая деятельность симпатии и антипатии; мы видим себя как результат действия космической симпатии и антипатии. Когда мы развиваем антипатию, нам помогает космос, когда мы развиваем симпатию, он помогает развивать и ее.

Мы, люди, отчетливо расчленены на головную систему, грудную систему и нижнюю часть тела с конечностями.

Конечно, такое членение на системы очень легко оспаривать, поскольку те, кто занимается сегодня систематизацией, хотят видеть отдельные члены четко выделенными. По их воззрениям, каждая система должна иметь свои ясно очерченные границы. Хотят провести линии, отделяющие одну систему от другой, но это противоречит реальности. В голове мы — главным образом голова, но и остальной человек — тоже голова, хотя не главным образом. Ибо, если в голове сосредоточены органы чувств, то и по всему телу распространены, например, чувство тепла и осязание; постольку, поскольку мы ощущаем тепло, мы целиком являемся головой. В самой голове мы — полностью голова, а в остальных частях тела мы, как голова, имеем второстепенное значение. Системы переплетены друг с другом, и мы имеем это расчленение не в таком удобном виде, как хотелось бы педантам. Голова продолжается в остальные части тела. Так же обстоит дело с грудью. Весь человек — это также отчасти грудь. Голова и нижняя часть тела с конечностями — также отчасти грудь. Далее: то, что голова — это отчасти нижняя часть тела, заметили некоторые физиологи, ибо тончайшее образование головной нервной системы лежит не в том, что является нашей гордостью, — не во внешней коре мозга, но под ней. Искусно построенная кора мозга — это, в некотором смысле, образование, претерпевающее обратное развитие; оно скорее представляет собой систему питания в мозговой мантии. Так что человеку, так сказать, нечего воображать об этой коре мозга; мы имеем ее для того, чтобы снабжать питанием

имеющие отношение к процессу познания нервы. И то, что наш мозг превосходит мозг животного, связано с тем, что мозговые нервы лучше питаются. Только потому мы имеем возможность развернуть познание, что питаем наши мозговые нервы лучше, чем это делает животное. Но к действительному познанию мозг и нервная система вообще не имеют никакого отношения, они служат только выражению познания в физическом организме.

Теперь рассмотрим противоположность между головной системой — оставим пока в стороне среднюю систему — и полярной к ней *системой конечностей и нижней части тела*. Дело в том, что наша головная система некогда была «выдохнута» космосом. Голова человека — это следствие антипатии космоса. Когда космос проникается «отвращением» по отношению к тому, что живет в человеке, он выталкивает из себя это образование. В голове человека действительно отображен космос. Это сказывается уже в ее сферической форме. Посредством вселенской антипатии космос создает свой собственный образ: это — наша голова. Мы потому можем сделать голову органом нашей свободы, что она вытолкнута космосом. Неправильно представлять себе голову с той же интенсивностью включенной в космос, что и наша система конечностей и относящаяся к ней сексуальная сфера. Наша система конечностей вчленена в космос, и космос притягивает ее к себе, он находится с ней в состоянии симпатии, тогда как с головой — в состоянии антипатии. В голове наши антипатии сталкиваются с антипатиями космоса. В столкновении наших антипатий с антипатиями космоса возникают восприятия. А на

другом полюсе человека внутренняя жизнь основана на исполненном любви симпатическом поглощении системы конечностей космосом.

Так в телесном облике человека отражено и его душевное происхождение из космоса, и то, что он из космоса воспринимает, уже будучи от него отделенным. Осознав это, вы лучше поймете, сколь огромно различие между образованием воли и образованием представлений. Если вы односторонне заботитесь об образовании представлений, то тем самым вы направляете всего человека в сторону опыта до рождения; вы ему повредите, если будете его воспитывать рационалистически, ибо при этом вы будете ориентировать его волю на то, что уже прошло; на существование до рождения. Вы не должны примешивать слишком много абстрактных понятий к тому, что вы преподаете. Вы должны вносить в преподавание больше образов. Почему? Это можно объяснить на основе проводимого нами сопоставления. Образы — это имажинации, которые приходят путем воображения и симпатии. Сухие понятия — это абстракции, которые через память и антипатию идут из жизни до рождения. Итак, если вы слишком загружаете ребенка абстракциями, то вы стимулируете процесс образования у него в крови углекислоты, процесс отвердения тела, процесс отмирания. Если вы даете ребенку по возможности больше имажинаций, если вы строите процесс обучения так, чтобы нести ему как можно больше образов, то вы делаете его предрасположенным к сохранению кислорода, к постоянному становлению, ибо ориентируете его на будущее,

на жизнь после смерти. Воспитывая, мы как бы продолжаем ту работу, которая производилась над человеком до рождения. Представление — это образная деятельность, связанная с тем, что мы испытывали до рождения. Высшими силами обусловлено, что в нас вложена эта образная деятельность, которая продолжается и после рождения. Давая детям образы, мы способствуем новому восприятию космической деятельности. Мы приносим им образы, которые могут стать зародышами, ибо мы влагаем их в телесную деятельность. Поэтому мы должны постоянно чувствовать: с помощью образов мы воздействуем на всего человека, весь человек отзывается резонансом на это действие.

Воспринять всем сердцем, что воспитание является продолжением совершившейся до рождения сверхчувственной деятельности, — таково необходимое посвящение воспитателя, и без этого посвящения вообще нельзя воспитывать.

Итак, мы усвоили два комплекса понятий: 1) познание, антипатия, память, понятие и 2) воля, симпатия, воображение, имагинация; они будут применяться во всей нашей практической педагогической деятельности. Об этом мы продолжим разговор завтра.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Штутгарт, 23 августа 1919 г.

У современного учителя за всей его деятельностью в школе должно стоять всеобъемлющее воззрение на законы мироздания. Как раз занятия в младших классах требуют связи души учителя с высшими идеями человечества. Раковая опухоль современной школьной системы заключается в том, что учителя младших классов представляются ей менее ценными, чем учителя старших классов. Я не буду здесь углубляться в тему духовных членов социального организма, но хочу обратить ваше внимание на то, что в будущем все учителя будут равноценными и что обществу предстоит проникнуться убеждением, что учитель начальной школы также и в отношении своей духовной конституции не уступает учителю старших классов. Как мы сегодня покажем, основой всякого обучения (также и в младших классах) будет служить нечто, что хотя и нельзя непосредственно применить к детям, но что учитель безусловно должен знать. В противном случае преподавание не будет плодотворным.

В процессе обучения мы, с одной стороны, раскрываем ребенку мир природы, а с другой стороны — духовный мир; ведь мы, люди, живя на Земле, на физическом плане, между рождением и смертью, с одной стороны, родственны природному миру, а с другой стороны — духовному миру.

Психологическая наука в наше время вообще весьма несостоятельна. Психологическое знание страдает от

последствий церковного догматического постановления 869 года, вытеснившего основанное на древнем инстинктивном знании представление о том, что человек состоит из тела, души и духа. Сегодня в связи с психологией почти всегда говорят о двучленности человеческого существа. Говорят, что человек состоит из тела и души либо что он состоит из плоти и духа; тело и плоть, а равно душа и дух рассматриваются при этом как довольно равнозначные вещи. Почти все современные психологические учения построены на этом заблуждении. Невозможно составить себе действительное представление о человеческом существе, если считать это двучленное построение единственно правильным. Почти все, что сегодня называет себя психологией, в высшей степени дилетантично, подчас всего лишь игра словами.

Такое положение в значительной мере было предопределено тем величайшим заблуждением умов, которое столь распространилось во второй половине XIX века из-за неправильного понимания одного крупного достижения в области физики. Вы знаете, что славные жители города Хейльбронна на главной площади установили памятник человеку, который окончил свою жизнь в сумасшедшем доме, — Юлиусу Роберту Майеру. Эта личность, которой очень горды жители Хейльбронна, связана с открытием так называемого закона сохранения энергии, или силы. Он гласит, что сумма всех действующих во Вселенной сил, или энергий, постоянна, что эти силы могут только превращаться друг в друга; так сила, бывшая теплом, в дальнейшем может проявиться, например,

как механическая сила и тому подобное. Но такую форму принимает закон Юлиуса Роберта Майера только тогда, когда его в принципе неправильно понимают! Ибо для этого ученого дело заключалось в рассмотрении метаморфоза сил, а не в формулировании такого абстрактного закона, каким является закон сохранения энергии.

Каково же культурно-историческое значение закона сохранения энергии, или силы? Он ставит величайшее препятствие для понимания человека. До тех пор пока возникновение новых сил будут считать невозможным, не придут к познанию истинного существа человека. Ибо истинное существо человека состоит в том, что через него, посредством его постоянно образуются новые силы. В условиях этого мира человек — единственное существо, образующее в себе новые силы и — как мы еще увидим — новые вещества. Но поскольку современное мировоззрение вообще не хочет принимать в себя такие элементы, с помощью которых человек может быть познан, постольку приходят к закону сохранения силы, который более или менее ничему не мешает, пока речь идет о других природных царствах — минеральном, растительном, животном, — но который уводит от истинного познания, когда мы приближаемся к человеку.

Как учителя, вы должны сделать для учеников понятной природу, а также ввести их в понимание духовной жизни. Без знакомства с природой, хотя бы и весьма поверхностного, без духовных интересов человек сегодня не может участвовать в

жизни общества. Направим наш взор вначале на внешнюю природу.

Внешняя природа так связана с нами, что, с одной стороны, ей противостоит наша жизнь представлений, мыслительная жизнь, которой, как вы знаете, присущ образный характер и которая является своего рода отражением жизни до рождения, а с другой стороны, к природе обращена жизнь воли, являющаяся зародышем жизни после смерти. Так двойко раскрывается нам природа. И вот — поначалу, конечно — природа кажется состоящей из двух членов, чем и вызвано ошибочное представление о двучленности человека. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Когда мы обращены к природе нашей мыслительной стороной, нашими представлениями, мы воспринимаем только то, что является в ней непрестанно умирающим. Это чрезвычайно важное положение. В этом отношении у вас должна быть полная ясность: прекрасные законы природы, найденные с помощью рассудка, с помощью способности представления, распространяются только на то, что в природе уже мертво.

Нечто совсем иное, отличное от распространяющихся на мертвое законов, воспринимает воля, живая, прорастающая воля, когда она направлена на внешнюю природу. Здесь вам, поскольку вы полны еще всевозможными представлениями, сотканными из заблуждений современной науки, встретятся значительные трудности для понимания. Элемент чувственного восприятия, во всех наших двенадцати чувствах, собственно и

связывающий нас с внешним миром, имеет не познавательную, но волевою природу. Сегодня, однако, так уже никто не думает. Поэтому современный человек считает, что столкнулся с детскими представлениями, когда читает у Платона, что в акте зрения из глаза к вещи протягивается как бы ощупывающая рука. Эту руку нельзя воспринять чувственно, а то, что Платон знает о ней, доказывает, что ему был доступен сверхчувственный мир. Действительно, наше зрительное восприятие — это не что иное, как процесс, подобный тому, который разыгрывается, когда мы схватываем вещи, — только более тонкий. Если мы берем, например, кусок мела, то физический процесс совершенно подобен духовному, происходящему, когда из наших глаз мы посылаем эфирные силы, чтобы охватить зрением предмет. Нашему времени недостает умения наблюдать, чтобы на основании рассмотрения природы прийти к подобному заключению. Например: смотрящие в стороны глаза лошади вызывают чувство, что просто благодаря такой их постановке положение лошади в окружающем мире отличается от положения в нем человека. Лучше всего пояснить это можно было бы с помощью следующего воображаемого построения. Допустим, ваши руки устроены так, что впереди они не сходятся, не могут схватить друг друга. Эвритмически вы всегда будете находиться в позиции «А» и никогда не сможете прийти к позиции «О»; противодействующая сила не позволяет вам свести вместе находящиеся впереди руки. Лошадь находится в таком же положении в отношении сверхчувственной «схватывающей

руки» своего глаза: она не может «рукой» правого глаза коснуться «руки» левого глаза. У человека, благодаря присущей ему постановке глаз, «рука» правого глаза и «рука» левого глаза всегда могут касаться друг друга. На этом основано ощущение своего собственного «я» (имеющее сверхчувственную природу). Если бы мы вообще были не в состоянии касаться правым левого или это соприкосновение не имело бы для нас большого значения — как для животных, которые никогда не складывают передние лапы для молитвы или с какими-нибудь другими духовными целями, — то мы никогда бы не пришли к одухотворенному ощущению нашего «я».

Для чувственного восприятия с помощью глаза или уха существенным является не пассивное в них, но активное — то, что силою воли обращено к вещам. Философы последнего времени, иногда предчувствовавшие, как дело обстоит в действительности, изобретали для выражения этой действительности различные слова, по которым, однако, как правило, видно, сколь далеки они были от ее постижения. В философии Лотце можно найти подобные догадки об активной природе волевой жизни восприятий. Дело же в том, что наш организм восприятий, связанный — что вполне очевидно для осязания, обоняния, чувства вкуса — с обменом веществ, связан с ним и в высших чувствах, а метаболизм является волевым по природе.

Поэтому вы можете сказать, что к внешней природе человек обращен своим умственным началом и благодаря этому

постигает все, что в ней мертво, усваивает законы мертвого. Но то, что в природе поднимается из лона мертвого, чтобы стать будущим мира, он постигает посредством своей столь смутной для него воли, простирающейся вплоть до сферы чувственного восприятия.

Подумайте о том, сколь живым станет ваше отношение к природе, если вы будете все это иметь в виду. Вы скажете тогда себе: «Вовне природа является мне в свете и в цвете; воспринимая свет и цвет, я соединяюсь с тем, что она посылает в будущее; когда же, возвратившись в свою комнату, я размышляю о ней, думаю о ее законах, тогда я обращен к тому, что в ней отмирает». В природе тесно связаны умирание и становление. Благодаря тому, что мы носим в себе отражение нашей жизни до рождения, мир рассудка, мир мышления, мы встречаем мертвое, лежащее в основе природы. А наша способность встречать будущее природы основана на том, что с ней взаимодействует организм нашей воли.

Если бы человек был не в состоянии на протяжении своей земной жизни сохранять то, что в нем остается от жизни до рождения, если бы он не мог удерживать в себе нечто от того, что после рождения сделалось обыкновенной жизнью мыслей, он никогда бы не смог прийти к свободе. Ибо тогда человек был бы связан с мертвым, и, желая вызвать к свободе то, что в нем самом родственно мертвой природе, он бы вызывал к свободе мертвое. Если же он захотел бы воспользоваться тем, что связывает его с природой как существо, наделенное волей, он был бы оглушен; ибо то, что связывает его наделенное волей

существо с природой, имеет еще зародышевый характер. Он был бы тогда природным существом, но не свободным существом.

Над этими двумя элементами — постижением мертвого посредством рассудка и постижением живого, находящегося в становлении, посредством воли — стоит в человеке нечто, что только он, единственный из всех живых существ, носит в себе от рождения до смерти: это — чистое мышление, такое мышление, которое относится не к внешней природе, но обращено на сверхчувственное, которое находится в самом человеке, которое делает его автономным существом, стоящим выше сугубо мертвого и сверхживого. Поэтому если мы хотим говорить о человеческой свободе, то нужно рассмотреть эту автономию человека, его чистое, независимое от чувственного восприятия мышление, в котором живет неизменно и воля.

Вы можете сказать себе: «Когда я взираю на природу, через меня проходят потоки умирания и становления: смерть — новое рождение». Об этой связи современная наука знает очень мало, для нее природа — это нечто единое, из умирающего и становящегося наука делает мешанину; так что все, что сегодня говорится о природе, — сплошной конфуз. Чтобы ясно разграничить оба потока, нужно спросить себя: «Что было бы с природой, если бы в ней не было человека?»

Этим вопросом новое естествознание с его философией поставлено в большое затруднение. Представьте себе, что вы спрашиваете современного ученого: «Что было бы с природой, если бы в ней не было человека?» Вначале, разумеется, он

будет сбит с толку: сам вопрос ему покажется странным. Однако он тотчас сообразил бы, какой ответ предлагает ему его наука, и сказал бы: «Тогда на Земле были бы минералы, растения, животные, не было бы только человека, но ход развития шел бы точно так же, согласно теории Канта и Лапласа, начиная с космической туманности». В принципе он и не в состоянии дать другой ответ. Возможно, он бы еще добавил: «Человек обрабатывает почву, меняет облик Земли, или конструирует машины, но изменения, которые он вносит, ничтожны в сравнении с изменениями, вызываемыми самой природой. При всех обстоятельствах, — скажет он, — минералы, растения, животные могли бы развиваться и без человека».

Но это неверно. Если бы человек не участвовал в земной эволюции, то большая часть животного мира отсутствовала бы, ибо высшие животные потому и появились в ходе эволюции, что человек вынужден был — конечно, я говорю сейчас образно — пробивать себе дорогу. На определенной стадии развития он был вынужден из своего собственного существа, которое тогда было еще совсем иным, вытолкнуть, выделить высшие животные виды, отбросить их, чтобы самому продвинуться вперед. Я поясню это с помощью следующего сравнения. Представьте себе сначала жидкость, в которой что-то растворено, а затем — что растворенная субстанция выпала в осадок. Так человек на прежних стадиях своего развития был един с животным миром, а затем выделил его подобно осадку. Животные в ходе земного развития не стали бы такими, каковы они теперь, если бы человек не приобрел нынешний свой

облик. Без участия человека в земном развитии не только животные, но и сама Земля выглядела бы совсем иначе.

Обратимся к минеральному и растительному царствам. Истина состоит в том, что не только низшие животные, но также растительное и минеральное царства давно застыли бы в своих формах, прекратился бы сам процесс их становления, если бы человека не было на Земле. Далее. Современное, основанное на одностороннем естествознании мировоззрение может рассуждать только следующим образом. Когда люди умирают, их тело сжигают или закапывают, т.е. передают Земле; но для Земли это не имеет большого значения, ибо, если бы в ней не было человеческих тел, ее развитие проистекало бы точно так же, как и вместе с ними. Но так рассуждают потому, что совершенно не сознают, что предание человеческих останков земле — неважно, путем кремации или погребения — реальный процесс с действительными последствиями.

Что касается выпечки хлеба, то крестьянки даже лучше горожанок знают, что дрожжи весьма важны, хотя их и требуется небольшое количество; хлеба не получится, если тесто не поднимется. Также и земное развитие давно бы уже исчерпало себя, если бы в него не вливались постоянно силы из тех человеческих тел, которые смерть отделила от духовно-душевного организма. Эти силы поддерживают эволюцию Земли. Благодаря им минералы и по сей день способны к кристаллизации. Без них они бы давно распались. Благодаря этим силам растения и по сей день в состоянии расти. Так же обстоит дело и с низшими животными формами. Вместе с телом

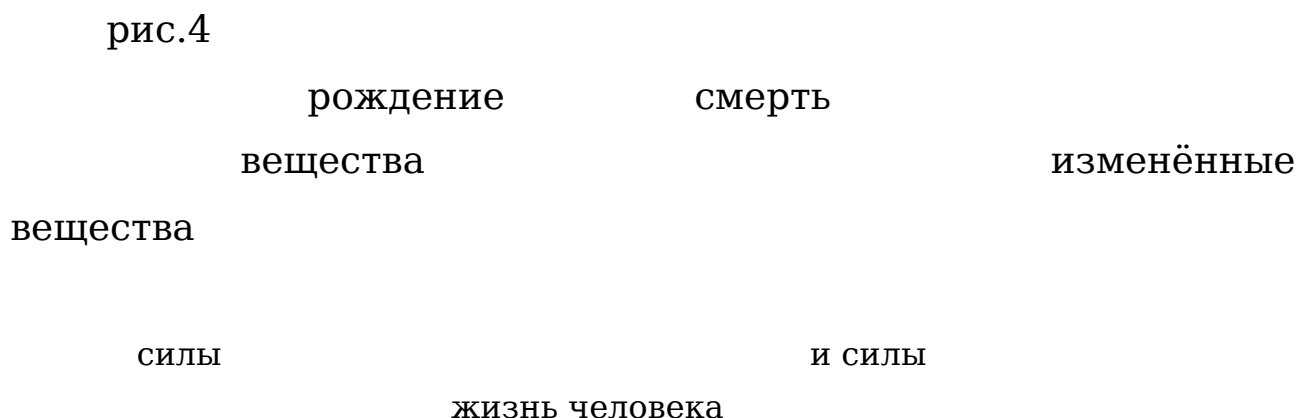

человека Земля получает фермент, действующий на земное развитие подобно дрожжам.

Поэтому совсем небезразлично, живут на Земле люди или нет. И просто не соответствует действительности мнение, что и без человека возможно было бы дальнейшее земное развитие минерального, растительного и животного царств! Человек является неотъемлемой частью целостного, целокупного природного процесса. Человека можно представить себе правильно, только если мыслить его, вместе с его смертью, включенным в космическое становление.

Обдумайте это, и вы вряд ли удивитесь, услышав от меня следующее. Нисходя из духовного мира в физический, человек получает облачение в виде физического тела. Конечно, физическое тело, которое получает ребенок, отличается от физического тела, которое со смертью слагает с себя старик. Происходящее с физическим телом обусловлено тем, что оно пронизывается духовно-душевыми силами человека. Мы едим ту же пищу, что и животные, подобно им, мы преобразуем внешние вещества, но делаем это при помощи того, чего животные не имеют, — того, что низошло из духовного мира, чтобы соединиться с человеческим телом. Мы преобразуем вещества несколько иначе, чем это делают растения и животные. И то, что вместе с останками человека передается Земле, суть преобразованные вещества, отличные от веществ, принятых в себя человеком при рождении. Поэтому можно сказать: вещества и силы, которые при рождении принимает в себя человек, он обновляет на протяжении всей жизни и затем

преобразованными отдает их Земле. Благодаря человеку сверхчувственный мир непрерывно вливается в физические, чувственные процессы. Рождаясь, он приносит с собой нечто из сверхчувственного мира. В продолжение жизни он соединяет это с веществами и силами, образующими его тело, и со смертью передает это Земле. Через человека, посредством его, сверхчувственное непрерывно орошает чувственное. Представьте себе, что из сверхчувственного на Землю идет непрерывный дождь, но его капли были бы совершенно бесплодными для Земли, если бы их не принимал в себя человек. Эти капли, которые он принимает при рождении и отдает, пройдя через смерть, оплодотворяют Землю сверхчувственными силами и поддерживают эволюционный процесс. Без человеческих останков Земля давно уже была бы мертва.

Теперь можно спросить: как действуют силы смерти на человека? Находясь во внешней природе, они постоянно

оказывают на него воздействие; ведь, если бы человек не оживлял природу, она бы умерла. Как действуют эти смертоносные силы в человеческом организме? С их помощью в человеке слагаются все те члены организма, которые лежат на линии «костная система — нервная система». То, что созидает кости и все им родственное, имеет совсем иную природу, чем то, что строит другие системы организма. Мы не препятствуем смертоносным силам действовать в нас, и благодаря этому наше тело получает костяк. Ослабляя действие смертоносных сил, мы получаем нервную систему. Что такое нерв? Это — нечто, что постоянно хочет стать костью и не становится ею только из-за своей связи с другими элементами организма. Нерв непрестанно стремится окостенеть, он постоянно побуждается к отмиранию; ведь кости человека представляют собой нечто в высшей степени отмершее. С костями животных дело обстоит иначе — они гораздо более живые, чем человеческие кости. Итак, характеризуя один из полюсов человеческой природы, вы можете сказать: смертоносный поток действует в костях и в нервной системе.

Другой поток — силы, несущие жизнь, — действует в мускулах и кровеносной системе. Нервы потому и не становятся костями, что они так связаны с кровеносной и мускульной системами, что их стремлению стать костями противостоят силы, действующие в крови и мускулах. Если в период роста организма устанавливается неправильная связь между костями, с одной стороны, и мускулами и кровью — с

другой, то развивается рахит, при котором мускулы и кровь препятствуют нормальному отмиранию костей. Поэтому очень важно, чтобы взаимодействие между *мускульно-кровеносной системой* и *костно-нервной системой* было правильным. Когда в нашем глазу действует нечто из сил костно-нервной системы, но, благодаря упомянутому выше ослаблению этих сил, сквозь оболочку глаза может проникнуть только нерв (как ослабленное выражение этих сил), тогда в глазу создаются условия для того, чтобы живущая в мускулах и крови воля соединялась с деятельностью способности представления, основой которой является костно-нервная система. Здесь мы снова подходим к тому, что играло большую роль в древней науке, хотя современная наука смеется над этим, как над детскими представлениями. Будущая наука снова вернется к этому, но только в иной форме.

Древние всегда чувствовали родство между костной и нервной⁰⁰_{LE} субстанциями и считали, что кости такой же орган мышления, как и нервы. Так это и есть на самом деле. Всему, чего мы достигли в абстрактной науке, мы обязаны нашей костной системе. Благодаря чему человек создает, например, геометрию? Высшие животные не имеют геометрии. Это доказывает их образ жизни. Заблуждается тот, кто говорит: быть может, высшие животные также имеют геометрию, просто люди не знают об этом. Итак, каким же образом человек получает представление о треугольнике? Есть нечто удивительное в том, что он, исходя лишь из своего геометрически-математического воображения, строит

треугольник, абстрактный треугольник, не существующий в природе. В основе явлений мира сокрыто много неизвестного. Представьте себя, например, стоящими посреди комнаты. Как сверхчувственные человеческие существа, вы производите некие движения, о которых обычно ничего не знаете. Это происходит примерно следующим образом: вы перемещаетесь слегка в одну сторону, затем — в другую и снова занимаете прежнее место. Бессознательно описываемая вами фигура в действительности соответствует треугольнику. Подобные движения действительно совершаются, но только они не воспринимаются. Благодаря тому, что ваш позвоночник вытянут по вертикали, вы находитесь в той плоскости, в которой происходит движение.

рис. 5

Животное не находится в этой плоскости, его позвоночник занимает другое положение. Человек не сознает это движение таким образом, чтобы сказать: «Я все время танцую по линиям треугольника». Он чертит треугольник и говорит: «Вот треугольник!» Однако в действительности именно это движение он бессознательно совершает в космосе.

Движения, которые вы фиксируете, чертя геометрические фигуры, вы совершаете вместе с Землей. Земля не ограничивается движениями, предписанными ей системой Коперника, она выполняет и совсем другие, замысловатые движения. Она выполняет, например, такие сложные

движения, которые соответствуют линиям геометрических тел: куба, октаэдра, додекаэдра, икосаэдра и т.п. Эти геометрические тела не выдуманы, они — реальность, но реальность бессознательная. В этих и других геометрических формах заключено бессознательное знание человечества. Они открыты благодаря тому, что в нашей костной системе присутствует знание, хотя наше сознание не простирается до нашей костной системы. Сознание в ней замирает, но рефлекторно оно выражается в образах, которые человек воспроизводит как геометрические построения. Человек поистине вписан в космос. В геометрических построениях он отображает свою деятельность в космосе.

С одной стороны, объемлющий нас мир пребывает в постоянном умирании. Другую его сторону составляет то, что связано с силами мускульно-кровеносной системы: здесь все находится в движении, в непрерывной флюктуации, в возникновении и становлении; это — состояние зачатка, в котором совершенно отсутствует что-либо мертвое. Только мы, люди, способны нести в себе процесс умирания и в умирающее вносить становление. Если бы на Земле не было человека, смерть давно бы уже возобладала над всеми земными процессами и уделом Земли стала бы полная кристаллизация. Но не сохранилось бы отдельных кристаллов. Мы же из этой великой кристаллизации извлекаем отдельные кристаллы и сохраняем их, поскольку нуждаемся в них для нашей человеческой эволюции. Таким образом мы поддерживаем также жизнедеятельность Земли. Мы, люди, неотделимы от ее

жизни. В этом отношении примечательна одна идея Эдуарда фон Гартмана, который, будучи пессимистом, считал, что однажды, когда человечество станет достаточно зрелым, все люди покончат жизнь самоубийством. В таком случае, однако, вовсе не понадобится то, чего затем, вследствие ограниченности своего естественнонаучного мировоззрения, желал Гартман. Ему было недостаточно, что однажды все люди лишат себя жизни, он хотел бы еще, чтобы в результате колоссального взрыва вся Земля взлетела на воздух. Но в этом уже не будет необходимости. Достаточно было бы всеобщего самоубийства, и Земля сама собой постепенно разлетелась бы в прах! Ибо без того, что благодаря людям вносится в Землю, ее дальнейшее развитие невозможно. Мы должны познать это нашим внутренним чувством. И необходимо, чтобы это было понято нашими современниками.

Не знаю, помните ли вы, что в моих самых первых сочинениях я неоднократно указывал на принцип, с помощью которого можно было бы поставить познание на новую основу. В современной философии, сложившейся под влиянием англо-американского мышления, человек является просто зрителем в мире; он, с его душевной жизнью, всего лишь наблюдает мир. Если бы его в мире не было, если бы он не переживал в своей душе происходящее вовне, то от этого ничего бы не изменилось. Такого мнения придерживаются естествознание и философия. Современного философа вполне устраивает роль зрителя в мире, его устраивает, что познание при этом действует умерщвляюще. Я призывал вывести познание за

пределы умерщвляющего элемента и снова и снова повторял, что человек с его душевной жизнью — это арена, на которой разыгрываются мировые события. Ту же мысль можно облечь и в философско-абстрактную форму. Прочтите, например, заключительную главу, посвященную свободе, в моей книге «Истина и наука»; там данная мысль особенно выделена: в человеке происходит не то, что происходит в остальной природе; та часть природы, которая заключена в человеке, и то, что вообще происходит в человеке, является космическим процессом, и душа человека являет собой арену космических, а не просто человеческих процессов. Естественно, сегодня все это встречает мало понимания. Но подлинное воспитание попросту невозможно, если воспитатель не проникнут такого рода представлениями.

Что же в действительности происходит в человеческом существе? Одну его сторону представляет костно-нервная система, другую — мускульно-кровеносная. Благодаря их взаимодействию все время образуются новые вещества и силы. Земля именно потому защищена от смерти, что в человеке образуются новые вещества и силы. Вы можете сопоставить то, о чем мы говорили сегодня — кровь, благодаря соприкосновению с нервами, вновь творит силы и вещества, — с тем, что было сказано вчера: кровь постоянно находится на пути к одухотворению, но это ее стремление постоянно сдерживается. Связав между собой мысли вчерашней и сегодняшней лекций, мы получим основание для дальнейшего рассмотрения. Вы видите, сколь ошибочным является принцип

сохранения силы и вещества в его общепринятой формулировке. Он препятствует познанию существа человека и опровергается тем, что происходит внутри человека. Нужно научиться мыслить синтетически: да, действительно, из ничто не возникнет нечто, — но одно преобразуется так, что исчезает, а на его месте возникает другое. Поставив этот принцип на место принципа сохранения энергии и материи, мы действительно получим нечто плодотворное для науки.

Вы видите, как многое из того, что живет в нашем мышлении, оказывается превратным. Мы устанавливаем, например, закон сохранения силы и вещества и объявляем его универсальным. Это объясняется склонностью нашей способности представления, нашей душевной жизни вообще к односторонним определениям там, где уместны не более чем опирающиеся на представления постулаты. Так, например, в книгах по физике вы найдете представляемый в качестве аксиомы закон непроницаемости тел, гласящий, что в месте, которое в пространстве занимает какое-нибудь тело, не может одновременно с ним находиться никакое другое тело. Это считается общим свойством всех тел. Сказать же можно только следующее: те тела или объекты, которые таковы, что в пространстве, ими занимаемом, невозможно одновременно поместить другой объект того же рода, являются непроницаемыми. Подобные понятия следует употреблять для разграничения областей — следует давать лишь постулаты, а не претендующие на универсальность дефиниции. Нужно не провозглашать закон сохранения силы и вещества, но

исследовать, для каких объектов он справедлив. Деятнадцатый век страдал манией устанавливать законы и провозглашать их абсолютное значение. Лучше было бы, однако, употреблять душевную энергию на то, чтобы ближе знакомиться с самими явлениями.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Штутгарт, 25 августа 1919 г.

В педагогике будущего особое значение будет придаваться воспитанию воли и чувства. Хотя даже те, кто вовсе не думает об обновлении педагогических методов, постоянно утверждают, что особое внимание нужно уделять воспитанию воли и чувств, все же, несмотря на благие намерения, в этом направлении пока ничего не сделано. Все более или менее предоставлено случаю, ибо отсутствует какое бы то ни было представление о действительной природе воли.

В качестве вступления отмечу, что, только по-настоящему поняв волю, можно понять и другую сторону того, что происходит в душе, — жизнь чувства. Что же такое чувство? Чувство, в некотором отношении, сродни воле. Воля, я бы сказал, — это осуществленное, обнаруженное чувство, чувство же — это удержанная воля. Воля, которая себя еще не выразила, которая удерживается в душе, — это чувство; притупленная воля — это чувство. Природу чувства мы поймем только тогда, когда проникнем в природу воли.

Мы уже говорили о том, что действующее в воле не полностью проявляется в жизни между рождением и смертью. В человеке, когда он осуществляет волевое решение, всегда остается нечто, что не исчерпывается до самой смерти, нечто, продолжающее жить, и от каждого волевого решения и волевого деяния нечто продолжается после смерти. На этот

остаток и следует обращать внимание в продолжение всей жизни, и в особенности в детском возрасте.

Человек в целом состоит из тела, души и духа. Сначала рождается тело, по крайней мере в своей грубой части. Подробнее об этом сказано в моей книге «Теософия». Итак, тело включено в поток наследственности, несет в себе наследственные признаки и т.д. Душевым мы называем главным образом то, что из бытия до рождения соединяется с телесным, нисходит в телесное. Духовное же в современном человеке присутствует только в задатках (в отдаленном будущем это изменится). Мы должны это учитывать, закладывая основы благой педагогики. Что же представляют собой духовные задатки, заложенные в человеке для далекого будущего?

Прежде всего в нем есть — также только в виде задатков — то, что мы называем *само-духом*. Современный человек обычно не может наряду с прочими составляющими нашего существа воспринимать само-дух. Однако люди, наделенные способностью видеть духовное, подчас отчетливо его сознают. Вы знаете, что восточная традиция называет само-дух «манасом» и в восточной духовной культуре говорят о манасе как о чем-то, что живет в человеке. Но также и у западного человечества, у его не слишком «ученой» части, есть отчетливое сознание само-духа. Я говорю это вполне обдуманно — отчетливое сознание; ибо в народе то, что остается от человека после смерти, называют — или по крайней мере называли, когда народ еще не был под властью

материалистического образа мыслей, — «манами». Говорят о том, что после смерти остаются маны: манас = маны. Я сказал, что народ имеет об этом отчетливое сознание; ибо народ употребляет множественное число: «маны». Мы, подходя к этому научно и связывая само-дух также с жизнью до смерти, говорим в единственном числе: «само-дух». Народ, говоря о манах, из конкретного наивного знания употребляет множественное число, ибо человек, проходя через врата смерти, принимается множеством духовных существ. В другой связи я уже касался того, что нашим личным духовным руководителем является существо из иерархии ангелов; ступенью выше стоят духи из иерархии архангелов, которые принимают человека тотчас после смерти. Так что человек, в известном отношении, воспринимается как множественность, поскольку в его бытии принимают участие, включены в него множество архангелов. Это очень отчетливо чувствует народ, зная, что человек, представляющий собой здесь, на Земле, нечто единое, после смерти воспринимается, в известной мере, как множественность. Итак, маны — это то, что в наивном народном сознании живет как множественность само-духа, манаса.

Второй, более высокий, член человеческого существа — то, что мы называем *жизне-духом*. Жизне-дух почти невоспринимаем для современного сознания. Это то исключительно высокодуховное в человеке, что разовьется только в очень далеком будущем. И затем — высшее из всего,

что есть в человеке, что присутствует в нем только в виде слабого задатка, — это *духо-человек*.

Но если в современном человеке здесь, на Земле, между рождением и смертью, эти высшие члены присутствуют только в задатках, то в жизни между смертью и рождением они интенсивно развиваются под покровительством высших духовных существ. Когда человек умирает и возвращается в духовный мир, эти три члена развиваются, в известной мере предвосхищая его будущее. И точно так же, как человек развивается духовно-душевно в этой жизни, между рождением и смертью, так и после смерти он проходит через определенное развитие; только тогда он как бы пуповиной связан с духовными существами высших иерархий.

Добавим к этим почти невоспринимаемым в настоящее время высшим членам человеческого существа то, что мы можем воспринимать. Это — *душа самосознающая, душа рассуждающая и чувствующая*, а также *душа ощущающая*, составные части души. Говоря сегодня о душе человека, о том, как она живет в теле, мы должны говорить о трех душевных членах. Если мы говорим о теле, то мы говорим о тончайшем, *ощущающем теле*, называемом еще астральным телом, об *эфирном теле* и о грубом, *физическом теле*, которое мы можем видеть и которым занимается внешняя наука. Тогда мы имеем перед собой всего человека.

Вы знаете, что физическое тело, в которое мы облачены, имеют также животные. Сравнив человека в его девяти началах и животное, мы получим то, что нам необходимо для

понимания воли. Физическое тело животного построено во многом иначе. Собственно говоря, у человека физическое тело не совершенней, чем у животного. Представьте себе какое-нибудь высшее животное, например бобра, когда он строит свое жилище. Ничего подобного человек не может, если не пройдет специального обучения. Бобр строит, опираясь на организацию своего тела, которое сформировано так, что он то, что живет в его собственных физических формах, использует для возведения хатки. Физическое тело является его учителем. Рассмотрим ос, пчел, низших животных — и в формах их физических тел мы найдем воплощенным нечто, чего в таком объеме, с такой силой нет в физическом теле человека. Это то, что мы определяем как инстинкт; и по-настоящему изучить инстинкт мы можем лишь в связи с формой физического тела. В пределах животного царства формы физических тел животных будут служить нам руководством к изучению различного рода инстинктов. Исследуя волю, мы должны обратиться прежде всего к области инстинктов. Когда мы рисуем облики тех или иных животных, мы тем самым изображаем и различные виды инстинктов. То, что представляет собой инстинкт как воля, образно выражается в формах физических тел животных. При взгляде с этой точки зрения картина мира обретает смысл. Рассматривая формы физических тел животных, мы видим изображенные самой природой инстинкты, посредством которых она осуществляет то, что воплощается в бытии.

Вы знаете, в нашем физическом теле живет, пронизывая его и формируя, эфирное тело. Для внешнего восприятия оно сверхчувственно, невидимо. Что же касается воли, то, пронизывая физическое тело, эфирное тело охватывает то, что в физическом теле выражается как инстинкт. Тогда инстинкт становится побуждением. В физическом теле воля выражается как инстинкт; когда эфирное тело овладевает инстинктом, воля становится побуждением. Очень интересно проследить, как инстинкт, представленный взору в конкретной внешней форме, становится более внутренним и единообразным, когда его наблюдают как побуждение. Об инстинкте можно сказать, что животному или, в ослабленной форме, человеку он навязан как бы извне; а в отношении побуждения представляется, что, выраженное более внутренне, оно также и приходит более изнутри: эфирное тело овладевает инстинктом, и он становится побуждением.

Однако человек обладает еще более внутренним, ощущающим телом. Оно, в свою очередь, захватывает побуждение и затем не только делает его более внутренним, но инстинкт и побуждение поднимаются в область сознания — и возникает вожделение. Побуждение и вожделение присущи также и животному, поскольку у него есть эти три члена — физическое, эфирное и ощущающее тела. Когда вы говорите о вожделении, вы совершенно инстинктивно говорите о нем как о чем-то внутреннем. Побуждение от рождения до глубокой старости выражается одинаково; о вожделении же вы говорите как о чем-то, что посредством душевного может ослабляться

или усиливаться. Вожделение не характерологично, не прилеплено к телу, оно возникает и проходит. Тем самым оно обнаруживает более душевную природу, чем побуждение.

Теперь спросим себя: что происходит, когда человек (для животного это уже недоступно) в свое «я» — т.е. в душу ощущающую, душу рассуждающую и чувствующую, душу самосознающую — принимает то, что в его физическом, эфирном и астральном телах живет как инстинкт, побуждение и вожделение? Здесь мы не будем делать такие различия, как в области телесного, поскольку в действительности в душе, особенно у современного человека, все более или менее спутано и перемешано. Это — крест современной психологии, ибо она не знает, следует ли члены души рассматривать строго по отдельности или в смешении. Некоторые психологи еще не отказались от старинного строгого разделения на волю, чувство и ум; другие, ориентированные на психологию Гербарта, во главу угла ставят представление; последователи Вундта выделяют волю. Толком никому не известно, как поступать в этом вопросе. Это происходит оттого, что в повседневной жизни «я» пронизывает все душевные способности, и у современного человека разделенность души на члены проявляется неотчетливо. Поэтому в языке нет слов для дифференцированного обозначения того, что, будучи связано с волей (инстинкт, побуждение, вожделение), под воздействием «я» явлено в душе. Поэтому то, что образуется в человеке, когда инстинкт, побуждение и вожделение захвачены «я», мы, обобщая, определяем как мотивацию; так что, имея в виду

действие воли в самом душевном, в сфере «я», мы говорим о мотивации и знаем, что животные могут иметь вождения, но не мотивации. Только человек способен облагородить вождение, приняв его в свой душевный мир, и стремиться им овладеть. Только у него вождение может быть преобразовано в волевою мотивацию. И действие воли в современном человеке можно описать, сказав: в человеке, как и в животном, живут инстинкты, побуждения, вождения, но он возвышает их до мотиваций. И тот, кто наблюдает человека со стороны его воли, скажет: зная мотивации человека, я знаю его самого. Но не полностью! Наряду с мотивацией в человеке слышится еще призыв чьего-то, и это тихое звучание должно привлечь к себе наше пристальное внимание.

Я попрошу вас проводить точное различие между этим призывом в действии воли и тем, что относится к способности представления. Последнее мы пока оставим в стороне. Например, вы представляете себе: хорошо бы сделать то-то и то-то. Я сейчас имею в виду другое — то, что тихо звучит как одно из проявлений воли, когда мы имеем мотивации, — это желание. Я имею в виду не сильно выраженные желания, из которых образуются вождения, но тот легкий призыв желания, который сопровождает все наши мотивации. Он присутствует всегда. Подобное желание мы особенно сильно чувствуем, когда, выполнив нечто, соответствующее нашей мотивации, говорим себе: «Ты мог бы сделать это лучше». Но из всего сделанного нами в жизни есть ли что-нибудь, о чем мы не можем сказать, что могли бы сделать это лучше? Было бы

печально, если бы мы полностью были чем-то удовлетворены, ибо нет ничего, что мы не могли бы улучшить. Именно тем и отличается выше стоящий в культурном отношении человек от ниже стоящего, что последний может всегда быть собою доволен. Тот, кто достиг высот развития, никогда не бывает полностью удовлетворенным и всегда испытывает легкое желание к улучшению, даже к переделке сделанного. Это желание всегда звучит в нем. Здесь — область многих прегрешений. Люди считают, что они сделали Бог вещь как много, если они раскаялись в каком-нибудь поступке. Но это далеко не лучшее отношение к поступку. Раскаяние часто основано на голом эгоизме: хочется что-то исправить, чтобы стать лучше. Это эгоистично. От эгоизма мы освобождаемся не тогда, когда хотим исправить уже совершённое, но когда стремимся в следующий раз то же самое сделать лучше; не раскаяние, а это стремление является высшим. И звучащее в нем желание — если действительно наблюдать душу — открывается как первый элемент того, что остается после смерти. Нечто остается, когда мы чувствуем: «Я должен это сделать лучше, я хочу это сделать лучше». Это желание принадлежит само-духу.

Оно может конкретизироваться, может принять более отчетливую форму. Тогда оно становится подобным намерению. Мы составляем себе представление о том, как именно можно лучше выполнить то, что было сделано. Но нас сейчас интересует не представление, а сопутствующая мотивации установка чувства и воли: «В другой раз в подобном случае я

поступлю лучше». Здесь в нас сильнее проявляется так называемое подсознательное. Если вы, по собственной воле, совершили какой-нибудь поступок, в обычном сознании вы не сможете создать себе представление о том, как в следующий раз поступить лучше. Однако человек, живущий внутри вас, второй человек, выстраивает — не на основе представления, а на основе воли — отчетливый образ того, как сделать это лучше. Не следует недооценивать пришедшее таким путем знание! Не следует недооценивать живущего в вас второго человека.

Об этом втором человеке много пустословит сегодня то так называемое научное направление, которое именуют аналитической психологией, психоанализом. Обычно психоанализ, когда хочет себя представить, апеллирует к классическому для него примеру. Я уже рассказывал о нем, но было бы хорошо повторить еще раз. В одном доме собралось общество, и было предусмотрено, что по окончании вечера хозяйка дома отправится в поездку. Среди приглашенных была одна дама. Вечер закончился. Хозяйка дома села в экипаж, чтобы ехать на курорт. Гости отправились по домам, и вместе с ними эта дама дошла до перекрестка, где внезапно из-за угла выехала пролетка. Как повели себя эти люди? Они расступились влево и вправо, и только одна эта дама что есть силы побежала посередине мостовой перед лошадьми. Кучеру не удалось остановить лошадей, и все присутствующие были весьма напуганы. Дама же бежала так быстро, что остальные не могли за ней угнаться. Добежав до моста, она бросилась в

воду. Ее спасли и доставили обратно в дом, где была вечеринка, и там она осталась на ночь. Это происшествие приводится в качестве примера в различных изложениях психоанализа. Но все происходившее интерпретируется совершенно неправильно. Что же лежит в основе происшедшего? Воля дамы. Чего она хотела? Она была влюблена в человека, дававшего вечер, и хотела, воспользовавшись отъездом его жены, вернуться в его дом. Однако эта воля не была сознательной, но находилась целиком в подсознательном. Подвальное сознание второго человека, скрытого внутри первого человека, часто куда изощреннее, чем то, что у первого под крышей. В данном случае подсознательное было столь изощренным, что с его помощью дама проделала все эти действия — вплоть до падения в воду — для того, чтобы вернуться в дом человека, дававшего вечер. Она даже предвидела, что будет спасена. Психоанализ хотя и пытается заглянуть в эти сокровенные душевные глубины, но может говорить о втором человеке только в общем. Мы же знаем, что действие подсознательных душевных сил подчас значительно изощреннее нормальных душевных процессов.

В каждом человеке, как бы в подземелье, сидит другой человек. В этом другом живет также тот лучший человек, который, после того как что-то сделано, решает в следующий раз выполнить то же самое лучше; так что всегда присутствует тихий призыв намерения, неосознанного, подсознательного намерения в следующий раз действовать лучше.

Когда же душа освободится от тела, намерение превратится в решение. Намерение сохраняется в душе как зачаток и впоследствии становится решением. Решение коренится в духо-человеке так же, как намерение в жизне-духе и чистое желание в само-духе. Итак, рассматривая человека с точки зрения воли, мы наблюдаем такие составные части, как инстинкт, побуждение, вожделение, мотивация, и слышим легкий призыв того, что живет в само-духе, в жизне-духе и в духо-человеке как желание, намерение, решение.

Все это имеет огромное значение для развития человека. Ибо это тихое звучание, как бы хранящее себя для того, что наступит после смерти, между рождением и смертью проявляется в форме образов, представлений, которые мы называем теми же словами: «желание», «намерение», «решение». И переживание наших желаний, намерений и решений происходит лишь в представлении. Истинное же переживание желания, намерения и решения достигается лишь благодаря сообразному с ними воспитанию. То, чем они являются в глубине человеческой природы, не обнаруживается во внешнем человеке между рождением и смертью. Только их образы выступают в виде представлений. Ведь, обладая лишь обычным сознанием, вы не знаете, что такое желание. Вы всегда имеете только образ желания. То же относится и к намерению, мы имеем о нем только представление. Ведь вы не знаете, что в действительности происходит в глубине души, когда вы собираетесь что-то сделать. А решение?! Кто знает что-нибудь о нем? Обычная психология говорит только в общем.

И тем не менее, учитель и воспитатель должен воздействовать на эти три душевные силы и управлять ими. Если мы хотим быть педагогами, мы должны работать с тем, что разыгрывается в глубине человеческой природы.

Духо-человек	Решение
Жизне-дух	Намерение
Само-дух	Желание

Душа самосознающая

Душа рассуждающая

} Мотив

Душа ощущающая

Тело ощущающее

Вожделение

Эфирное тело

Побуждение

Физическое тело

Инстинкт

Очень важно, чтобы учителя и воспитатели сознавали: недостаточно строить обучение согласно обычным человеческим взаимоотношениям, необходимо, чтобы преподавание складывалось на основе постижения внутреннего существа человека.

Это заблуждение — строить обучение на основе обычных, повседневных отношений — присуще расхожему социализму. Представьте себе школу, соответствующую идеалам современных социалистов-марксистов. В России такая школа уже существует. Школьная реформа Луначарского — ужасна, она смертельна для культуры! В большевизме вообще много

плохого, но хуже всего то, как он решает проблему обучения! Если подобный подход победит, он искоренит все, что было достигнуто предшествующим развитием культуры. Это случится не в первом поколении, но тем вернее — в последующих поколениях, так что всякая культура исчезнет с лица земли. Это следует понимать. Ведь подумайте: пока мы живем в атмосфере дилетантских требований умеренного социализма. Со всех сторон раздаются голоса тех, кто хотел бы перестроить социализм превратнейшим образом. Хорошее они смешивают с дурным. Вы сами в этом зале слышали выступавших, которые славословили большевизм, нисколько не подозревая о том, как по-сатанински он искажает социализм.

Здесь необходима особая осмотрительность. Нужны люди, которые бы знали, что прогрессу в социальной сфере должен сопутствовать тем более тонкий подход в области воспитания, что в будущем от воспитателя потребуются понимание глубин человеческой природы и что обычные взаимоотношения, имеющие место между взрослыми, не могут использоваться при обучении. Однако чего хотят современные марксисты? Они хотят устроить в школе социализм: упразднить ректорат и, ничего не ставя на его место, предоставить детям, по возможности, самим себя воспитывать. Из этого выйдет что-то кошмарное!

Мы как-то посетили один сельский интернат и выразили желание присутствовать там на самом возвышенном — уроке религии. Мы вошли в класс; на подоконнике, свесив ноги наружу, развалился мальчишка, другой сидел на полу, третий

лежал на животе, задрал голову. И все прочие ученики — в том же роде. Затем пришел так называемый учитель религии и без особого предисловия прочел рассказ Готфрида Келлера. С окончанием чтения, которое ученики сопровождали всевозможными выходками, закончился и урок, и все вышли во двор. Мне бросилось в глаза, что тут же неподалеку находится огромная овчарня, и, значит, дети живут в нескольких шагах от нее. Конечно, подобные вещи не следует безоговорочно порицать. В их основе лежит много доброй воли, но ей сопутствует совершенно превратное представление об их значении для культуры будущего.

Что планирует сегодня так называемая социалистическая программа? Хотят, чтобы дети относились друг к другу как взрослые. Но это самый ложный из всех путей в воспитании. Нужно понимать, что при общении детям нужно развивать совсем другие душевные и телесные силы, чем те, которые действуют при общении взрослых. Если не вникать в происходящее в глубине души, ни воспитание, ни обучение не будут успешными. Что же в процессе воспитания и обучения воздействует на волю? Данный вопрос нуждается в серьезном рассмотрении.

Вспомните вчерашнюю лекцию: все интеллектуальное — это состарившаяся воля, воля в старости. Следовательно, обычные рассудочные наставления, обычные нравоучения, всё, что в целях воспитания оформлено в понятиях, — на ребенка вообще не действует. Резюмируем уже известное. Чувство — это находящаяся в становлении воля; воля охватывает всего

человека, и даже в общении с детьми приходится считаться с их подсознательными решениями. Поэтому остережемся верить, что нам удастся повлиять на волю ребенка с помощью того, что, как нам кажется, хорошо обдумано. Спросим себя также: как можно благотворно повлиять на внутреннюю жизнь чувств ребенка? Это возможно лишь благодаря повторяющемуся действию. Импульс воли реализуется не потому, что вы однажды объясните ребенку, что является правильным, но посредством того, что сегодня, завтра и послезавтра ребенок станет выполнять нечто определенное. Верный подход заключается не в том, чтобы призывать ребенка к моральному поведению, — нужно направлять его к тому, что, по вашему мнению, может пробудить в нем чувство правильного и побудить его из дня в день делать это. Такое правильное действие должно стать у него привычкой. Чем дольше он бессознательно будет следовать ей, тем лучше для развития чувства; чем лучше он будет сознавать, что выполняет это действие просто потому, что надо его повторять, потому, что оно должно выполняться, тем больше оно будет восходить к действительно волевому импульсу. Итак, бессознательное повторение культивирует чувство, а сознательное повторение культивирует волю, благодаря ему растет решимость. Решимость, которая обычно скрыта в подсознательном, стимулируется, когда ребенок сознательно повторяет определенные действия. Таким образом, воспитывая волю, мы заботимся не о том, что важно для интеллектуальной жизни. Обращаясь к интеллекту, мы стремимся, чтобы ребенок как

можно лучше понять наши объяснения. Здесь главное заключается в единожды даваемом объяснении, его нужно только усвоить. Но то, что однажды было объяснено и понято, не оказывает влияния на чувство и волю. Чувство и волю формирует повторяющееся действие, которое в силу порядка вещей считается правильным.

Прежнее наивное патриархальное воспитание пользовалось этим приемом. Оно попросту вырабатывало жизненные привычки. Все, что в этом смысле делалось, было по-своему педагогически добротным. Почему, например, каждый день молились все тем же «Отче наш»? Если современному человеку предложить каждый день читать одну и ту же историю, он откажется — ему будет скучно. Современный человек выдрессирован для одноразовости. Люди прежних времен не только ежедневно молились теми же словами «Отче наш», они еще имели «Книгу» историй, которую должны были читать хотя бы раз в неделю. Поэтому воля у них была гораздо сильнее, чем у людей, получивших современное воспитание; ибо воля укрепляется благодаря сознательному повторению. Этим следует руководствоваться. Бесполезно было бы абстрактно декларировать необходимость воспитания воли, и заблуждаются те, кто думает, что нужно лишь умело внедрить в ребенка хорошие идеи о ее формировании. Это ни к чему не приведет. Моральные наставления, нравоучения воспитывают слабость и нервозность в человеке. Внутренняя сила достигается тем, что мы говорим детям: «Ты сделаешь сегодня то-то, а ты — то-то, и вы будете делать это ежедневно». И они

станут делать это под воздействием авторитета, поскольку поймут, что в классе должен велесть один. Итак, всем нужно определить дело на каждый день, ибо ежедневное, на протяжении всего года, исполнение одного дела чрезвычайно способствует формированию воли. Это создает контакт между учениками, утверждает авторитет воспитателя и укрепляюще действует на волю.

Почему художественный элемент особенно благотворно действует на формирование воли? Во-первых, обучение навыкам художественной деятельности основано на повторении, и, во-вторых, повторение усвоенного художественно приносит радость. Художественным наслаждаются не единожды, а каждый раз заново. Вот почему мы стремимся вносить в обучение художественный элемент. Об этом мы продолжим разговор завтра.

Сегодня я хотел показать, что к формированию воли нужно подходить иначе, чем к формированию интеллекта.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Штутгарт, 26 августа 1919 г.

Вчера мы говорили о воле как члене человеческого организма. Теперь давайте наше знание о природе воли сделаем плодотворным для дальнейшего рассмотрения существа человека.

Вы могли заметить, что до сих пор я в основном говорил либо об интеллектуальном в человеке, о познавательной деятельности, либо о деятельности воли. Я показал, что познавательная деятельность связана с нервной системой, а деятельность воли — с кровообращением. Вы, вероятно, готовы спросить: как же обстоит дело с третьим родом деятельности души — внутренним чувством? Им мы еще мало занимались. Но именно потому, что сегодня мы уделим больше внимания внутреннему чувству, мы получим возможность глубже понять две другие стороны человеческой природы — познающую и волевою.

Я только хочу напомнить о том, о чем я уже не раз говорил. Мы не должны педантично разграничивать душевные способности — ум, внутреннее чувство и волю, — потому что в живой душе одна деятельность переходит в другую.

Рассмотрим волю. Мы не в состоянии волевать то, что не пронизано представлением, т.е. познавательной деятельностью. Попробуйте, с помощью хотя бы поверхностного самонаблюдения, сконцентрироваться на вашем

волеизъявлении. Вы увидите, что в волевом акте так или иначе всегда присутствует представление. Вы не были бы людьми, если бы у вас в волевом акте не присутствовал процесс представления. Если бы то, что вы совершаете, не было пропитано представляющей деятельностью, импульсы вашей воли проистекали бы из тупой инстинктивной деятельности.

Как в деятельности воли всегда присутствует представление, так в мышлении всегда содержится воля. Уже при поверхностном самонаблюдении видно, что в процессе мышления в мыслительные образы всегда привносится воля. Образование мыслей, их связь, переход к суждению и заключению — все это пронизано тончайшей волевой деятельностью.

Следовательно, мы можем сказать: волевая деятельность — это главным образом волевая деятельность, но в ней подспудно струится мышление; мыслительная деятельность — это главным образом мыслительная деятельность, но в ней подспудно струится воля. Таким образом, уже при простом наблюдении педантичное разграничение душевных функций оказывается невозможным: одна переходит в другую.

Это перетекание одной душевной деятельности в другую выражается также и телесно. Возьмем, например, человеческий глаз, в котором находятся и нервы, и кровеносные сосуды. Благодаря нервам в него изливается деятельность мысли, познания, а благодаря кровеносным сосудам — деятельность воли. Таким образом, вплоть до

периферии деятельности различных чувств, даже в том, что касается тела, волевое связано с мыслительным. Это справедливо для всех чувств и для всех подвижных членов, которые служат воле: в нашей воле, в наших движениях по нервным путям струится познавательное, по кровеносным сосудам — волевое.

Обратимся к собственно познавательной деятельности. Мы уже говорили о ней, теперь же постараемся вполне осознать весь комплекс связанных с ней явлений. Мы говорили о том, что в познании, в представлении живет антипатия. Как это ни удивительно звучит, но все, что относится к представлению, пропитано антипатией. Вы, может быть, скажете: «Да, но ведь если я что-либо рассматриваю, то не испытываю же я при этом антипатию!» — однако вы испытываете ее! Рассматривая какой-нибудь предмет, вы испытываете антипатию. Если бы в глазу была только нервная деятельность, то все, что вы видите, было бы вам отвратительно, антипатично. Только благодаря тому, что в глазу расположены кровеносные сосуды и осуществляется основанная на симпатии деятельность воли, для вашего сознания ощущение антипатии подавляется и, при взаимной нейтрализации симпатии и антипатии, совершается акт зрения. Устанавливающее равновесие взаимодействие симпатий и антипатий нами не осознается.

В своем учении о цвете, в его физиологическо-дидактической части, Гете углубляется в деятельность зрения, и в рассмотрении цветовых нюансов у него тотчас выступают симпатическое и антипатическое. Достаточно слегка

углубиться в деятельность какого-нибудь органа чувств, чтобы обнаружить в ней проявления симпатии и антипатии. В деятельности внешних чувств антипатия связана с познавательной функцией, с формированием представлений, с нервами, а симпатия — с действием воли, с кровью.

В лекциях по общей антропософии я уже не раз указывал на существенное различие в направленности глаз у человека и у животного. Характерно, что кровоснабжение глаз у животных гораздо интенсивнее, чем у человека. У некоторых животных есть даже органы, обслуживающие эту деятельность крови, это серповидный отросток и гребень. Животное посылает в глаза гораздо больше крови, чем человек, так же обстоит дело с другими органами чувств. Это означает, что животное в своих восприятиях развивает гораздо больше симпатии, инстинктивной симпатии. Человек испытывает к окружающему гораздо больше антипатии, чем животное, но в обычной жизни он этого не сознает. Антипатия только тогда становится осознанной, когда восприятие окружающего мира вызывает впечатление, на которое мы реагируем отвращением; это отвращение есть не что иное, как усиленное впечатление от всякого чувственного восприятия: посредством отвращения вы реагируете на внешнее впечатление. Если вы испытываете отвращение к дурному запаху, то это лишь большая степень того, что хотя и присутствует при всякой деятельности восприятия, но обычно лежит ниже порога сознания. Человек не был бы в такой мере эмансипирован от окружающего его мира, если бы не испытывал к нему больше антипатии, чем

животное. У животного гораздо больше симпатии к своему окружению, и потому оно больше срослось с ним, больше зависит от климата, смены времен года. Поскольку человек испытывает больше антипатии к окружающей среде, он является личностью. То, что, благодаря нашей лежащей ниже порога сознания антипатии, мы можем обособиться от окружающей среды, обуславливает наличие нашего обособленного личностного сознания.

Итак, мы указали на нечто существенно важное для понимания человека. Мы показали, что в познавательной деятельности, в акте представления соединяются мышление, телесно выражающее себя в нервной системе, и воля, телесно выраженная кровообращением.

Точно так же в деятельности воли сливаются вместе представляющая и собственно волевая деятельность. Когда мы чего-то хотим, мы развиваем к предмету желания симпатию. Но это оставалось бы чисто инстинктивной волей, если бы мы посредством антипатии не отделяли себя как личность от предмета желания. Симпатия к желаемому преобладает и в то же время уравнивается привносимой в нее антипатией. Поэтому симпатия как таковая остается ниже порога сознания, лишь некоторая ее часть вливается в желание. В тех немногочисленных случаях, когда мы делаем что-то не просто по указанию рассудка, но с воодушевлением, самоотдачей и любовью, симпатия настолько преобладает в воле, что поднимается над порогом сознания, и сама наша воля предстает пропитанной симпатией, в остальном она

открывается нам как нечто объективное, связывающее нас с миром. Подобно тому как в процессе познания антипатия к окружающему только в особых обстоятельствах достигает сознания, симпатия к окружающему *поднимается в сознание* лишь в исключительных случаях воодушевления, самоотдачи и любви. Иначе мы бы все делали инстинктивно. Чтобы вчленился, как того требует от нас мир, в объективное, например в социальную жизнь, мы должны пронизать нашу волю мышлением — и тогда она вводит нас в общечеловеческое и в мировой процесс как таковой.

Представьте себе, какое опустошение произошло бы в человеческой душе, если бы в обычной жизни сознавалось то, о чем мы сейчас говорим. Если бы все это в обычной жизни сознавалось, тогда человек сознавал бы и часть сопровождающей его действия антипатии. Это было бы ужасно! Тогда человек постоянно чувствовал бы себя в атмосфере антипатии. Мудрое устройство мира заключается в том, что, хотя антипатия как сила и необходима нам, чтобы действовать, мы не сознаем ее, ибо она не поднимается выше порога нашего сознания.

Вглядитесь же в эту удивительную мистерию человеческой природы, которую ощущает каждый человек и которую должен вполне осознать воспитатель. В детском возрасте мы действуем более или менее из чистой симпатии. Как ни странно это звучит, но все, что ребенок делает — и даже когда шалит, — он делает из симпатии к данному действию, из симпатии к шалости. Входя в мир, симпатия проявляется как сильная

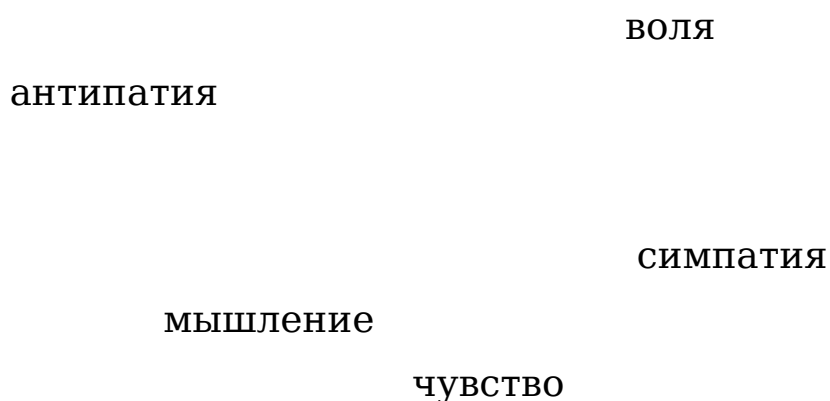
любовь, как сильная воля. Но она не может оставаться таковой, она должна быть пронизана представлением, как бы непрерывно освещаться пониманием. Это происходит всеобъемлющим образом, когда к инстинктам мы присоединяем идеалы, моральные ценности. Теперь вы лучше можете понять значение антипатии в данной области. Если бы присущие ребенку инстинктивные импульсы в продолжение всей жизни сохраняли характер чистой симпатии, то мы развивались бы анималистически. Наши инстинкты должны стать нам антипатичны. Посредством наших моральных идеалов, которым инстинкты антипатичны, мы должны влить в них антипатию. Моральное развитие всегда несколько аскетично. Только это следует правильно понимать. Аскеза здесь означает упражнение в преодолении анималистического.

Все это показывает нам, в какой степени воля является не только волей в практической жизни, но насколько она пронизана представлением, познавательной деятельностью.

Между мышлением и волей находится область внутреннего переживания. В связи с тем что говорилось о воле и мышлении, вы можете сказать: от некоторой средней границы в одну сторону стремится все, что является симпатией, т.е. воля; в другую сторону — все, что является антипатией, то есть мышление. Но при этом человек представляет собой целое, ибо то, что преобладает с одной стороны, действует также и на другой стороне. Посреди, между мышлением и волей, находится внутреннее чувство, переживание, которое, с одной стороны, родственно мышлению, а с другой — воле. Как в

душе в целом невозможно строго разграничить познавательную, мыслительную деятельность и деятельность воли, так же и в области внутреннего чувства мы не можем мыслительный элемент отделить от волевого. В переживании волевой и мыслительный элементы слиты воедино в еще большей мере.

рис. 6

Посредством простого самонаблюдения вы можете убедиться в правильности сказанного. Уже того, что было изложено, достаточно, чтобы видеть эту правильность. Я говорил, что воление, протекающее обычно объективным образом, может преобразоваться в деятельность, исходящую из энтузиазма, из любви. Вызываемая в обыкновенной жизни внешней необходимостью, воля пронизывается тогда переживанием. Если вы совершаете нечто из энтузиазма или любви, то в вас действует пронизанная субъективным чувством воля. Также при внешнем чувственном восприятии вы можете видеть, что к нему примешивается внутреннее чувство

(гетевское учение о цвете). И когда чувственное восприятие перерастает в отвращение или, наоборот, в удовольствие — к примеру, от аромата цветов, — происходит непосредственное распространение внутреннего переживания на процесс внешнего чувственного восприятия.

С другой стороны, внутреннее чувствование пропитывает собою умственную деятельность. Однажды в Гейдельберге состоялся весьма примечательный философский спор — истории мировоззрений известно много подобных философских поединков — между психологом Францем Brentano и логиком Зигвартом. Оба господина спорили о том, как протекает процесс суждения. Зигварт считал: когда выносится суждение — например, «человек должен быть добр», — в него всегда вносится чувство. Brentano утверждал: вынесение суждения и внутреннее чувствование столь различны, что функция суждения, деятельность суждения становится непостижимой, если думать, что в ней присутствует переживание. Ему казалось, что в этом случае в суждение привносилось бы нечто субъективное, тогда как наше суждение должно быть объективным.

На примере этого спора мы видим, что ни психологи, ни логики не пришли к тому, к чему они должны были бы прийти, — к идее о взаимопроникновении душевных деятельностей. Рассмотрим же, что здесь в действительности происходит. Во-первых, мы имеем способность суждения, с помощью которой делаем заключения о чем-либо объективном. То, что человек должен быть добрым, не зависит от нашего

субъективного чувства. Содержанию суждения надлежит быть объективным. Однако формированию суждения сопутствует и нечто иное. Само по себе объективно правильное еще не сознается нашей душой. Прежде чем судить о нем, его следует заполучить в сознание, а это невозможно без участия внутреннего переживания. Поэтому Brentano и Zsigwart могли бы согласиться на следующем: да, объективное содержание суждения устанавливается независимо от деятельности нашего чувства; но для того, чтобы в субъективной человеческой душе появилась уверенность в правильности суждения, должно подействовать переживание.

Вы видите, что с помощью нестрогого философствования, столь распространенного в наше время, трудно прийти к точным понятиям. Сегодня нет другого пути к выведению точных понятий, кроме духовной науки. Внешняя наука мнит себя обладающей точными понятиями и высокомерно относится к данным антропософски ориентированного знания, даже не подозревая о том, что используемые им понятия значительно точнее и строже тех, которыми пользуется она, — ибо они черпаются из самой действительности, а не из игры словами.

Наблюдая то, как переживание, с одной стороны, связано с познанием, с умственной деятельностью, а с другой стороны — с волей, вы можете сказать: чувство находится между ними и излучает себя в обоих направлениях. Чувство — это еще не развившееся познание и еще не развившаяся воля, задержанное познание и задержанная воля. Чувство соткано из

симпатий и антипатий, которые, как вы видели, неявно присутствуют также в познании и воле. Они скрыто присутствуют в познании и воле там, где происходит взаимодействие нервной и кровеносной систем. В области внутреннего переживания они действуют явно.

Какие же процессы в теле соответствуют деятельности внутреннего чувства? Повсюду в теле кровеносные сосуды соприкасаются с нервами. В таких местах и возникает внутреннее чувство. Но в органах внешнего, чувственного восприятия нервы и кровеносные сосуды так утончаются, что внутреннее чувство, переживание уже не ощущается. Легким внутренним чувством пронизаны наши зрение и слух, но мы его не замечаем; мы замечаем его тем менее, чем более орган чувственного схватывания отграничен, эмансипирован от остального тела. В процессе зрения, деятельности глаза, переживание симпатии и антипатии едва уловимо для нас, потому что расположенный в глазнице глаз почти полностью обособлен от остального организма. Идущие к глазу нервы и кровеносные сосуды чрезвычайно утончены. Внутреннее переживание в глазу почти совершенно подавлено. Менее подавлено оно при слуховом восприятии, которое в значительно большей мере связано с общей деятельностью организма. Находящиеся в ухе многочисленные органы полностью отличаются от органов глаза; во многих отношениях ухо является верным отражением того, что происходит во всем организме. Поэтому происходящее в ухе чувственное схватывание внешнего в большей мере сопровождается

внутренним переживанием. И даже те люди, которые обладают хорошим слухом, с трудом различают, что, в услышанном, особенно при слушании музыки, относится к одному познающему схватыванию, а что, к внутреннему чувству. Этому обстоятельству обязаны своим появлением некоторые весьма примечательные явления недавнего времени, непосредственно выраженные также и в художественном творчестве.

Вы все знаете Бекмессера в «Мейстерзингерах» Рихарда Вагнера. Что же представляет собой Бекмессер? Это тип музыканта, совершенно забывающего, что в осуществляемой в процессе слушания познавательной деятельности присутствует элемент чувства, как компонент всего нашего существа. Вагнер, свое собственное понимание музыки давший в образе Вальтера, опять-таки односторонне считал, что главным в ней является переживание. Заблуждение в отношении взаимодействия внутреннего чувства и познания при музыкальном восприятии, приведшее к ошибочному противопоставлению Вальтера и Бекмессера, исторически сказалось в том, что искусство Вагнера нашло себе противника в лице Эдуарда Ганслика из Вены, который все исходящее в вагнеровском творчестве из сферы чувства считал немзыкальным. Немного найдется таких интересных в психологическом отношении сочинений, посвященных искусству, как «О музыкально-прекрасном» Эдуарда Ганслика. Там главным образом развивается мысль о том, что считать действительно понимающим музыку следует не того, кто стремится внести в нее чувство, но только того, кто

собственный нерв музыкального видит в объективных связях между отдельными звуками, в свободных от всякого переживания звуковых орнаментах. С удивительной последовательностью проводит Ганслик требование высшую задачу музыки усматривать в звуковых построениях, арабесках и с насмешкой говорит о вагнеризме, извлекающем музыкальное из эмоционального. Сама возможность подобного спора между Гансликом и Вагнером обусловлена присущей последнему времени смутностью психологических представлений о душевной деятельности; иначе вообще не могло бы возникнуть такой односторонней склонности, как у Ганслика. Но если отвлечься от односторонности и углубиться в сильные с философской точки зрения рассуждения Ганслика, то можно сказать: “Книга «О музыкально-прекрасном» весьма остроумна и талантлива”.

Вы видите, что на периферию, в познающее схватывание внешних восприятий — в зависимости от типа восприятия с большей или меньшей интенсивностью — привносится нечто от всего человека, являющегося в первую очередь существом, наделенным внутренним переживанием.

Также и в связи с педагогикой это должно обратить ваше внимание на нечто, что приводит сегодня к опустошению научного мышления. Если бы мы предварительно не говорили о том, как следует реформировать школьную педагогику, то вам пришлось бы для вашей деятельности в школе выбирать из того, что могут предложить современные направления в области педагогики, психологии, логики и практики

воспитания. Вы должны были бы строить вашу школьную деятельность исходя из общепринятого. Но общепринятое сегодня страдает вредными тенденциями уже в психологии. Во всякой психологии вы находите прежде всего так называемое учение о чувственном восприятии. При этом описывают устройство глаза, уха, носа и т.д. Все вместе объединяют под абстрактным названием «деятельность чувственного восприятия». Это — величайшая ошибка, очевидное заблуждение. Возьмите чувственные восприятия, известные современным психологам и физиологам, и вы увидите, что, судя даже только лишь по телесной организации, зрительное восприятие, например, в корне отличается от восприятия слухового. Глаз и ухо — два совершенно различных создания. А чувство осязания не исследовано даже в той малой степени, в которой исследованы глаз и ухо! Но остановимся на рассмотрении глаза и уха. Деятельность их настолько различна, что объединение зрения и слуха как разновидностей общей «деятельности чувственного восприятия» — мертвая теория. Плодотворно было бы говорить конкретно о деятельности глаза, уха, обонятельного органа и т.д. Тогда обнаружатся такие значительные различия, что пропадает всякое желание строить «общую физиологию чувственного восприятия», как это делают современные психологи.

Понять человеческую душу можно, только оставаясь в пределах, очерченных мною в книгах «Истина и наука» и «Философия свободы». Тогда можно говорить о единой душе и не впадать в абстракцию. Тогда мы стоим на твердой почве; мы

знаем, что человеку в этом мире полная действительность не дана. Вы можете прочесть это в «Истине и науке» и в «Философии свободы». Сначала мы не воспринимаем полной реальности. Человек продолжает развиваться и, только благодаря взаимопроникновению мышления и созерцания, достигает подлинной действительности. Действительность приходится завоевывать. В этом отношении ввевшееся повсюду кантианство учинило ужасные опустошения. Кант догматически утверждает: мир вне нас дан нам в созерцании и в нас живет только его отраженный образ. Отсюда приходит он ко всем остальным своим дедукциям. Ему не удается решить вопрос о том, что же содержит в себе воспринятый окружающий мир. Ведь действительность не вне нас, нет ее и в явлении, она возникает постепенно, по мере того, как мы ее для себя завоевываем; так что действительность — это последнее, что до нас доходит. В сущности подлинной действительностью следовало бы назвать то, что человек видит, когда он уже не в состоянии изъясняться, — в тот момент, когда он проходит через врата смерти.

Очень много ложного влилось в духовную культуру недавнего прошлого, и это решающим образом влияет на педагогику. Мы должны стремиться к тому, чтобы ложные понятия были заменены истинными. Тогда и обучение можно будет поставить правильным образом.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Штутгарт, 27 августа 1919 г.

До сих пор мы пытались понять существо человека, исходя из душевного. Но мы должны проводить различие между духом, душой и физическим телом и, чтобы наша антропология была полной, рассмотреть человека со всех трех точек зрения. Начинать, однако, следует именно с души, ибо в обычной жизни на первом плане находится душевное. Вы видели, что при этом главными понятиями для нас были «симпатия» и «антипатия». Не следовало бы сейчас переходить от душевного непосредственно к телесному, ибо из духовной науки нам известно, что понять телесное можно только как откровение духовного и душевного. Поэтому от проведенного нами в общих чертах рассмотрения человека в аспекте души мы обратимся к рассмотрению его в аспекте духа и зай⁰⁰_{LF}мемся затем собственно антропологией, т.е. тем, как человеческое существо проявляется во внешнем физическом мире.

Чтобы наше рассмотрение человека было плодотворным — независимо от избранной точки зрения, — мы всегда должны различать в душевной деятельности мыслительное познание, внутреннее чувство и волю. Мы уже обсуждали мышление, внутреннее чувство и волю в контексте антипатии и симпатии — теперь рассмотрим их в другом, духовном аспекте.

С этой точки зрения мы также проводим различие между волей, чувством и мыслительным познанием. Обратите

внимание на следующее. Когда вы познаете посредством мышления, вы должны ощущать (я вначале выражу это образно, но образное поможет прийти к понятиям), что вы как бы живете в свете. Вы познаете и чувствуете себя, со своим «я», целиком внутри деятельности познания. В определенном отношении каждая часть, каждый член той деятельности, которую вы называете познанием, присутствует внутри всего того, что делает ваше «я»; и, наоборот, то, что делает ваше «я», происходит внутри деятельности познания. Вы находитесь целиком в светлом, вы живете, выражаясь понятийно, в полностью сознательной деятельности. Плохо, когда познанию сопутствуют не вполне сознательные действия. Представьте себе, что при формировании суждения с вашим «я» происходит нечто подсознательное, а результатом является «логический» вывод! Например, вы говорите: «Этот человек является хорошим человеком», т.е. выносите суждение. Субъект — «человек» и предикат — «он является хорошим» — члены целиком данного вам процесса, который должен быть полностью пронизан светом сознания. Если бы в тот момент, когда вы составляете суждение, какой-нибудь демон или природный механизм связывал «человека» с «являться хорошим», то вы совершали бы этот мыслительный акт не в полном сознании и часть суждения была бы бессознательной. Для познавательной деятельности существенно, чтобы она была пронизана сознанием.

Иначе обстоит дело с волей. Вы знаете, что в простейшем акте воли — хождении — полностью сознательно вы живете

только в вашем представлении о хождении. О том, что происходит в мускулах, когда вы попеременно переставляете ноги, что происходит со всем механизмом тела и вообще со всем организмом, — об этом вы не знаете ничего. Подумайте, сколько всего вам следовало бы знать о мире, чтобы вполне сознательно выполнять все необходимые при хождении действия! Вам следовало бы точно знать, какие процессы должны происходить, какие питательные вещества должны находиться в мускулах ног и в других частях тела, чтобы совершать соответствующие движения. Вы не в состоянии определить, сколько питательных веществ вы используете. Вы знаете, что все проходит в вашем теле совершенно бессознательно. Когда мы волим, в нашу деятельность постоянно вмешивается глубоко бессознательное. Речь идет не только о наблюдении волеизъявления в нашем собственном организме. Направляя волю на внешний мир, мы также не охватываем ее полностью светом сознания.

рис.7

Представьте себе, что мы имеем два поставленных вертикально, в виде колонн, блока. Вы беретесь за дело и кладете сверху на них еще один блок. Теперь обратите внимание на различие между тем, что живет как полностью сознательная постигающая деятельность в том, что вы сделали, и тем, что живет в вашей полностью сознательной

деятельности, когда вы составляете суждение: «человек — добр», когда вы, постигая, целиком стоите внутри совершаемого процесса. Рассмотрите различия между тем, что живет в этом как познавательная деятельность, и тем, о чем вы ничего не знаете, несмотря на то, что столкнулись с этим всей своей волей: почему два столба посредством определенных сил поддерживают поперек лежащую балку? Относительно этого физика и по сей день строит только гипотезы. Те, которые думают, что они знают, почему два блока поддерживают третий, просто находятся во власти своего воображения. Всевозможные понятия, такие, как «когезия», «адгезия», «силы притяжения, отталкивания», — для внешнего знания только гипотезы. Мы считаемся с этими внешними гипотезами, когда действуем: мы рассчитываем, какую толщину должны иметь столбы, чтобы они могли поддерживать поперечную балку. Однако мы не можем проследить весь связанный с этим процесс, так же как при ходьбе мы не можем проследить совершающегося в наших ногах. Здесь в нашей воле присутствует недоступный нашему сознанию элемент. Воля в значительной мере заключает в себе бессознательное.

Внутреннее чувство находится посередине между волей и познающей деятельностью. Одна часть его пронизана сознанием, другая часть — бессознательным. Таким образом, ему отчасти присуще качество познающего мышления и отчасти — чувствующей воли.

К правильному пониманию этого с духовной точки зрения можно подойти следующим образом. В обычной жизни мы

говорим о бодрственном состоянии сознания. Но это бодрственное состояние сознания мы имеем только в деятельности познающего мышления. Действительно, бодрствует человек лишь постольку, поскольку он является мыслящим существом, познающим нечто.

Как же обстоит дело с волей? Вы все знаете состояние сознания — можно сказать, состояние отсутствия сознания — во время сна. Вы знаете: то, что мы испытываем в состоянии сна от засыпания до пробуждения, не поднимается в наше сознание. Точно так же обстоит дело со всем, что бессознательно присутствует в нашей воле. Поскольку мы являемся волящими существами, постольку мы спим даже в состоянии бодрствования. Мы всегда носим внутри себя волящее существо, спящее существо, которое сопровождает бодрствующее, мыслительно познающее существо; постольку, поскольку мы являемся волящими существами, мы спим также и в период от пробуждения до засыпания. В нас всегда спит наше внутреннее волящее существо. Его мы сознаем не более, чем те процессы, которые разыгрываются в нас во время сна. Мы не сможем вполне понять человека, если не будем знать, что, когда человек воит, в его бодрственное состояние вступает сон.

Внутреннее чувство занимает промежуточное положение, и соответствующее ему сознание также занимает промежуточное положение между бодрствованием и сном. Чувства, живущие в нашей душе, мы знаем так же, как знаем свои сновидения; но только сновидения мы вспоминаем, а

чувства испытываем непосредственно. Но внутреннее состояние души, когда мы сознаем наши чувства, не отличается от того, что связано для нас с нашими сновидениями. Вы являетесь бодрствующим человеком, когда вы, мысля, познаете, спящим, когда вы волите, и грезящим, когда вы чувствуете. Таким образом, во время бодрствования мы переживаем три состояния сознания: бодрствующее, грезящее и сознание сна без сновидений. С духовной точки зрения сон без сновидений представляет собой не что иное, как погружение всего душевного существа человека в такое состояние, в каком в течение дня находится его воля. Различие состоит лишь в том, что когда мы в собственном смысле слова спим, то спит и все наше душевное существо, а когда мы бодрствуем, спит только наша воля. Во сне со сновидениями мы всем нашим существом погружаемся в то состояние души, которое мы называем грезящим и в которое, бодрствуя, мы погружены лишь нашим внутренним чувством.

Как педагогов, вас теперь уже не должно более удивлять, что дети столь различаются по степени бодрствования своего сознания. Для вас будет очевидным, что дети с преобладающей жизнью чувства являются грезящими детьми, что, пока такие дети не пробудились к полному мышлению, они легко предаются грезам. Вы должны это учитывать и воздействовать на них посредством сильных чувств. И вы можете надеяться, что сильные чувства пробудят у них способность к ясному познанию; ибо все спящее, следуя самому ритму жизни, имеет тенденцию через некоторое время пробудиться. Если на

погруженного в грезы ребенка воздействовать сильными чувствами, то, войдя в него, они, спустя некоторое время, сами по себе пробудятся в нем в виде мыслей.

У детей-тугодумов, которые туповаты в том, что касается чувств, вы обнаружите особенную предрасположенность к воле. Размышляя об этом, вы приблизитесь к разрешению многих загадок детской жизни. В школе вам может встретиться ребенок, который ведет себя как настоящий слабоумный. Возможно, вы придете к заключению, что это слабоумный, тупой ребенок; возможно, методами экспериментальной психологии, с помощью прекрасно разработанных испытаний в лаборатории педагогической психологии вы установите, что этот тупой ребенок должен обучаться в школе для слабоумных или в столь популярной в наше время школе для малоодаренных детей, — но таким образом вы не приблизитесь к пониманию его существа. А ведь может оказаться, что он особенно сильно предрасположен к воле; может быть, он один из тех детей, которые в последующей жизни от внутренней импульсивности, холеричности переходят к энергичной деятельности. Но вначале воля спит. И если у такого ребенка раскрытие способности к мыслительному познанию задерживается, то и воспитывать его нужно соответствующим образом — так, чтобы впоследствии он смог развить активную деятельность. Подобный ребенок кажется просто тупицей, каковым, возможно, вовсе не является. Нужно стремиться пробудить в нем волю, воздействуя на него так, чтобы в последующей жизни эта спящая, погруженная в состояние сна

воля — возможно, очень сильная — постепенно пробудилась подобно тому, как все спящее следует тенденции к пробуждению. Воспитывая такого ребенка, следует как можно меньше опираться на его познавательные возможности, на понимание, но, так сказать, «вколачивать» в него то, что сильно действует на волю. Вызовите его к доске — у вас ведь не очень много будет таких детей, да и остальным это тоже интересно, — и предложите ему, чтобы, произнося слова, он сопровождал их движением: «Этот(шаг) — человек (шаг) — добр (шаг)!» При этом всем своим существом через волю ребенок участвует в интеллектуальном познании, и вы постепенно пробуждаете его волю — вплоть до мышления. Только понимание того, что в подрастающем человеке мы имеем дело с различными состояниями сознания — бодрствующим, грезящим, спящим, — приведет нас к действительному познанию наших задач.

Теперь мы можем спросить: в каком отношении к различным состояниям сознания находится центр человеческого существа, его «я»? Для начала укажем на нечто очевидное: то, что мы называем миром, космосом, — это сумма деятельностей. Для нас они выражаются в различных областях жизни стихий, пронизанной всевозможными силами. Например, вокруг нас повсеместно действует жизненная сила. Среди стихийных сил и жизненной силы вплетено то, что проявляется как тепло и огонь.

Есть такие места, например в Южной Италии, где достаточно зажечь клочок бумаги — и земля у вас под ногами

тотчас начнет дымиться. Это происходит потому, что вследствие горения бумаги воздух, нагреваясь, утончается и силы, обычно действующие под поверхностью земли, устремляются вверх. Такой эксперимент может провести всякий путешествующий вблизи Неаполя. Это — лишь пример того, что окружающий нас мир повсеместно пронизан силами.

Но есть более высокие силы, чем тепло. Они также присутствуют в нашем окружении. Будучи физическими людьми, мы движемся сквозь них. Наше физическое тело устроено так, чтобы мы это могли вынести.

С нашим «я», самым молодым образованием нашей эволюции, мы не могли бы продвигаться через эти мировые силы, если бы «я» испытывало их непосредственное воздействие. Оно не может предаваться всему, что находится в окружающем его мире. Оно пока должно удерживаться от того, чтобы излить себя в мировые силы. Лишь в будущем оно разовьется до того, что сможет входить в них. Поэтому необходимо, чтобы наше бодрствующее «я» входило не в действительный мир, но только в образ этого мира. Поэтому в нашем мыслительном познании мы также имеем только образы мира (что мы уже рассматривали в аспекте души).

Рассмотрим это в аспекте духа. В мыслительном познании мы живем в образах; и мы, люди, на современной ступени развития в период между рождением и смертью можем с нашим бодрствующим «я» жить только в образах космоса, но не в действительном космосе. Поэтому в бодрственном состоянии

наше тело должно сначала построить образы космоса, отобразить его, а затем «я» живет в этих образах.

Психологи прилагают огромные усилия, стараясь установить, как душа связана с телом. Они говорят о взаимодействии, о психофизическом параллелизме и о прочих вещах. Но все это в сущности детский лепет. Действительность заключается в следующем: когда утром «я» переходит в состояние бодрствования, оно проникает в тело, но не в физические процессы тела, а в тот мир образов, который посредством внешних процессов порождается нашим телом, вплоть до самых телесных недр. Благодаря этому мыслительное познание сообщается, передается нашему «я».

С внутренним чувством дело обстоит иначе. Здесь «я» проникает в само тело, а не просто в образы. Но если бы оно с полным сознанием погружалось в тело, душевно оно бы буквально сгорело. Если бы при внутреннем чувстве происходило то же, что происходит при мышлении, когда мы погружаемся в творимые телом образы, то душевно мы бы сгорели. Погружение, соответствующее переживанию, мы можем переносить только в грезящем, приглушенном состоянии сознания. Только на уровне видения снов вы можете выдержать соответствующее чувству соединение с процессами тела.

А то, что происходит, когда действует воля, вы можете пережить только в состоянии сна без сновидений. Вы испытали бы нечто совершенно ужасное, если бы в обычной жизни вы восприняли действие воли. Ужасная боль охватила бы вас, если

бы вам пришлось действительно пережить, как при ходьбе в ногах расходуются силы, полученные организмом из питательных веществ. К счастью, вы не переживаете этого, точнее, переживаете, но только в глубоком сне. Ведь ощутить это наяву — значит испытывать сильнейшую боль. Можно сказать даже так бодрствование в воле состоит в том, что сопутствующая действию воли боль, обычно заглушаемая состояниемсна, — сознается.

Итак, вы видите, что в действительности переживает «я» в теле, находясь в состоянии, которое обычно называют бодрствованием и которое может выражаться в полном бодрствовании, в грезящем бодрствовании и в спящем бодрствовании. При мыслительном познании «я» бодрствует в теле, но живет только в образах; поэтому человек в период между рождением и смертью мыслит только в образах, — если он не делает упражнений, описанных в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?»

рис.8

(я реализует)	(я
реализует)	реализует)
жизнь в чувстве	мыслящее
познание	
грезящее бодрствуя	полностью
бодрствуя	
в бессознательно	в образах
инспирируемых	

представлениях

\ /

Я

|

(я реализует)

поволенное действие

находясь в состоянии сна без

сновидений

бессознательно в интуиции

Далее, в обычном бодрственном состоянии «я» погружается в процессы, которыми обусловлено внутреннее чувство. Жить в чувстве — значит бодрствовать не полностью, но грезяще бодрствовать. Как же воспринимаем мы эту жизнь чувства? Мы воспринимаем ее посредством того, что называется вдохновениями, инспирациями, инспирированными представлениями, бессознательно внушенными представлениями. В душе художника это — источник всего, что из чувства поднимается к ясному сознанию. Это область всего того, что подчас как озарение вторгается в бодрственное сознание и выражает себя в образах.

То, что в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» названо инспирациями, — это поднявшееся к полному сознанию переживание того, что у каждого человека неосознанно присутствует в инспирациях ниже, в жизни

внутреннего чувства. И когда одаренные в этом люди говорят о своих наитиях, инспирациях, то говорят они в сущности о том, что внешний мир запечатлел их внутреннему чувству и что они, благодаря присущей им одаренности, могут полностью осознать.

Это — точно так же содержание мира, как и то, что, открывается нам в мышлении. В жизни между рождением и смертью бессознательные инспирации отражают такие мировые процессы, которые мы можем переживать только в состоянии грезящего сознания, иначе, участвуя в них, наше «я» сгорело, собственно задохнулось бы. Такое удушье иногда испытывают люди, находящиеся в ненормальных состояниях. Представьте себе, что вы видите кошмарный сон и задыхаетесь. Так преобразается и выражает себя какая-то ненормальность в ваших отношениях с окружающим вас воздухом. Достигая вашего сознания «я», эта ненормальность воспринимается не как обычное представление, но как мучительное представление, кошмар. И подобно тому как нарушенное дыхание вызывает мучительный кошмар, так каждый вдох или выдох доставлял бы мучение, если бы человек полностью сознавал свое дыхание. Он переживал бы его в чувстве, но оно доставляло бы ему мучение. Обычно, однако, переживание дыхания приглушено и не осознается как физический процесс, но переживается только в грезящем чувстве.

Процессы, связанные с действием воли, как я уже указывал, могли бы также причинять ужасную боль. Поэтому там, где осуществляется воля, «я» спит. Здесь переживание

соответствует состоянию сильно подавленного сознания, бессознательной интуиции. Каждый человек постоянно испытывает бессознательные интуиции; они живут в его воле. Но в воле человек спит. Обычно он не может воспринимать их. Доступными восприятию они бывают только в особых случаях; это сопровождается весьма смутным переживанием духовного мира.

Иногда в обычной жизни люди говорят о своих интуициях, которые вызывают у них какие-то смутные чувства. Они рассказывают зачастую нечто чрезвычайно сбивчивое, но это может быть и совершенно верно, хотя и неосознаваемо рассказчиком. Поэт также может говорить о своих интуициях, но он черпает их не из ближайшего источника, т.е. не из возникающих в жизни чувства инспиративных представлений, — свои совершенно бессознательные интуиции он получает из области спящей воли.

Тот, кто умеет всматриваться в эти вещи, в кажущихся случайностях жизни увидит глубокие закономерности. Например, читая вторую часть «Фауста», можно заинтересоваться тем, как же, собственно, создавались эти замечательные стихи. Гете был уже стар, когда работал над второй частью «Фауста», по крайней мере над большей ее частью. Он диктовал, а секретарь записывал. Если бы он писал сам, то, возможно, стихи не получились бы такими чеканными. Диктуя, он все время ходил туда-сюда по своему небольшому кабинету в Веймаре, и это хождение туда-сюда также связано с концепцией второй части «Фауста». Из его активизированной в

хождении воли через интуицию выступало то, что затем выражалось внешним образом и записывалось другим человеком.

Если вы захотите схематически представить жизнь «я» в теле и сделаете это следующим образом:

I бодрствующее бытие — образное познание;

II грезящее бытие — инспирированное
чувствование;

III глубоко спящее бытие — интуитивное воление,

то останется непонятным, почему интуитивное начало легче поднимается к присущему повседневности образному познанию, чем инспирированное чувствование. Вы легче поймете это, представив схему следующим образом: рис. 10

I

бодрствующее
образное
сознание

III

спящее без сновидений
сновидениями

интуитивное
воление

II

грезящее, спящее со
инспиративное
чувство

В направлении, указанном стрелками, образное познание нисходит в инспирацию и снова поднимается из интуиции. Познание, на которое указывает первая стрелка, погружается в тело. Представьте себе, что вы спокойно предаётесь мыслительному познанию, созерцанию внешнего мира и живете в образах. То, что переживает «я» лишь как следствие телесных процессов, теперь нисходит в тело, опускается сначала в чувства, затем в волю. Вы сначала не замечаете, что происходит у вас в области чувства или воли. И если вы встанете, начнете ходить, будете действовать, то вовне вы воспримете прежде не чувство, а волю. При нисхождении в тело и последующем восхождении, указанном второй стрелкой, интуитивное воление оказывается к образному сознанию ближе, чем грезящее инспирированное чувствование. Люди часто говорят: «У меня смутная интуиция», но в этом случае имеют в виду не то, что в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» названо интуицией, а поверхностную интуицию обычного сознания.

Теперь мы лучше сможем понять присущий человеческому телу облик. Представьте себе, что вы идете и разглядываете окружающее. Представьте себе, что ноги несут не нижнюю часть тела, а идут прямо от головы. Тогда ваше видение окружающего и ваша воля должны быть сплетены воедино, а следствием было бы то, что ходить вы могли бы только в состоянии сна. Однако голова водружена на плечи и покоится на туловище. Она покоится, а вы носите ее, передвигая

остальное тело. Голова должна на теле покоиться, иначе она не может быть органом мыслительного познания. Она должна эмансипироваться от спящей воли, ибо, когда она сама начинает двигаться, из состояния покоя переходит к самостоятельному движению, она погружается в сон. Воля движет телом, и голова, будто в карете, едет, куда ей нужно. Именно благодаря тому, что голова помещена «в колеснице тела» и может двигаться вместе с ним, человек способен к бодрственному действию. Только при таком подходе мы можем прийти к пониманию формы человеческого тела.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Штутгарт, 28 августа 1919 г.

Цель наша — понять, что же собой представляет человеческое существо. До сих пор, в связи с общей педагогикой, мы пытались понять это сначала в аспекте души, затем в аспекте духа. Сегодня мы продолжим наши рассмотрения. Разумеется, нам придется постоянно обращаться к понятиям, имеющим хождение в педагогической и психологической науке, ибо вы постепенно познакомитесь с соответствующей специальной литературой, — насколько хватит у вас времени и старания.

Если мы рассматриваем человека в душевном аспекте, то на первом плане у нас стоят закономерности, связанные с симпатией и антипатией. Если же мы рассматриваем его в аспекте духовном, на первом плане должны находиться состояния сознания. Вчера мы говорили о трех состояниях сознания: бодрственном, грезящем и спящем — и показали, что полностью бодрствует человек только в мыслительном познании, что в переживании он грезит, а в воле спит.

Понимание есть не что иное, как знание отношения одного объекта к другому. Это методическое замечание я должен предпослать дальнейшим рассмотрениям. Познавая мир, мы сначала находимся к нему в отношении наблюдателя. Либо, как это обычно бывает, мы наблюдаем посредством внешних чувств, либо, развиваясь дальше, мы наблюдаем посредством души и

духа, как это происходит в имагинации, инспирации и интуиции. Но также и духовный наблюдатель — всего лишь наблюдатель, а за всяким наблюдением должно следовать понимание, которое наступает тогда, когда мы, в мироздании, в окружающем, одно соотносим с другим. Вы сможете создать прекрасные понятия о теле, душе и духе, если охватите взором все течение человеческой жизни. Только имейте в виду, что с помощью тех связей, на которые я вам сейчас укажу, вы получите лишь самые основы понимания. Затем приобретенные таким способом понятия вы должны доработать.

Наблюдая недавно родившегося ребенка — его формы, движения, жизненные проявления, как он кричит, лепечет и т.д., — вы получите картину, представляющую скорее человеческую телесность. Но эта картина человеческого тела будет полной, только если будет связана со средним возрастом и старостью человека. В среднем возрасте человек душевнее, а в старости — духовнее. Последнее может показаться неубедительным, кто-нибудь возразит: «Но ведь многие старики совершенно слабоумные!» Это — излюбленный аргумент материализма против духовно-душевного, что в старости становятся слабоумными; особенно часто материалисты указывают на то, что даже такой великий ум, как Кант, в старости сделался слабоумным. Сами по себе возражения материалистов и приводимые ими факты верны — только на самом деле они ничего не доказывают. Кант, стоя перед вратами смерти, был мудрее, чем в детстве; но в детстве его тело было в состоянии принимать в себя то, что исходило из его

мудрости и что, таким образом, осознавалось в физической жизни. В старости же его тело было уже не в состоянии воспринимать то, что давал дух. Тело перестало быть верным инструментом духа — на физическом плане Кант не сознавал того, что жило в его духе. Сколь бы убедительным ни представлялось возражение материалистов, верным является то, что люди в старости становятся мудрее, умнее, приближаются к духам. Поэтому представление о свойствах духовного можно получить в общении с такими стариками, которые до преклонного возраста сохраняют гибкость ума и жизненные силы. Такие возможности имеются.

В Берлине когда-то жили два профессора. Одному, Михелету, гегельянцу, было уже за девяносто лет. Он еще читал лекции. Другой, Целлер, историк греческой философии, по сравнению с Михелетом был молод, ибо ему было семьдесят. Однако он постоянно жаловался, что его тяготит груз лет, что уже нет сил читать лекции и он хотел бы прекратить их. По этому поводу Михелет говорил: «Я не понимаю Целлера; я могу целыми днями читать лекции, а он, при своей молодости, постоянно твердит, что ему это не по силам».

Итак, действительно, лишь в отдельных случаях внешняя физическая данность позволяет убедиться в высокой духовности старости.

Обратившись к рассмотрению жизненных проявлений и поведения человека средних лет, мы перейдем к познанию в области душевного. При этом человек среднего возраста может даже, так сказать, отречься от душевного. Он может

представляться и бездушным, и очень душевным. То, что многие люди представляются в этот период бездушными, доказывает только, что средний возраст — собственно душевный. Если сравнить непоседливость, неосознанную активность, присущую телесной природе ребенка, с созерцательной, спокойной натурой старика, то в одном случае это будет утверждающее себя, наступающее тело, а в другом — тело, отступившее на второй план, отрицающее себя.

Обратимся к рассмотрению душевного. Человек обладает мыслящим познанием, внутренним чувством и волей. Для душевной организации ребенка характерна тесная связь между волей и внутренним чувством. Можно сказать, что в ребенке воля и переживание срослись. Когда ребенок резвится, скачет, он делает именно те движения, которые в данный момент соответствуют его чувству, он не в состоянии отделить движение от чувства.

Иначе у старика. У него срослись мыслительное познание и внутреннее чувство, а воля выступает самостоятельно. В течение жизни чувство, вначале связанное с волей, постепенно от нее отделяется. С этим отделением чувства от воли мы и имеем дело в воспитании. Отделившись от воли, переживание соединяется с мыслительным познанием. Ребенок будет правильно подготовлен к дальнейшей жизни, если мы позаботимся, чтобы чувство у него могло хорошо отделиться от воли; тогда впоследствии взрослый человек — мужчина или женщина — соединит в себе внутреннее чувство с мыслящим познанием. Почему мы прислушиваемся к рассказам старого

человека? Потому, что в ходе жизни он связал свои переживания со своими понятиями и идеями. Он рассказывает нам не теории, а то, что он лично связал в чувстве с идеями и понятиями. У стариков, которые действительно связали свои чувства с мыслительным познанием, понятия и идеи исполнены тепла, насыщены действительностью, конкретны, личны; у людей, оставшихся великовозрастными мужчинами или женщинами, понятия и идеи звучат более теоретически, абстрактно, наукообразно. В своем душевном развитии человек проделывает путь от чувствующей воли ребенка к чувствующему мышлению старца. Между ними заключена вся жизнь. И хорошо подготовить человека к этой жизни мы сможем, только если будем внимательны к психологической стороне таких процессов.

Теперь обратимся к тому, что выступает прежде всего тогда, когда мы созерцаем мир. Психологи начинают с этого, описывая процесс восприятия, — это ощущение. Когда какое-нибудь из наших чувств устанавливает связь с окружающим миром, мы испытываем ощущение. Мы ощущаем цвет, звук, тепло, холод. Ощущение появляется в результате взаимодействия с внешним миром.

Из обычных описаний ощущения в расхожих психологиях мы не получим о нем правильного представления. Возникновение ощущения обычно объясняют тем, что определенные физические явления — вибрации светового эфира или колебания воздуха — извне достигают наших органов восприятия, раздражают органы чувств. Говорят о

«раздражении», прибегая к выражению, которое находить-то находят, но понимать не хотят. Раздражение органа чувств разрешается в нашей душе в ощущение, качественное ощущение, исходящее от чувственного явления, например от колебаний воздушных волн при слушании. Но что на самом деле происходит, об этом психология и вообще современная наука ничего не говорят.

Вы значительно ближе подойдете к пониманию происходящего, если сами попытаетесь ответить на вопрос: какой душевной способности наиболее родственно ощущение? Психологи не ломают себе над этим голову, они без церемоний относят ощущение к познаванию и говорят: «Сначала мы ощущаем, затем воспринимаем, затем создаем представления, образуем понятия» — и так далее, описывая весь выстраивающийся на первый взгляд процесс. Но им нет никакого дела до того, что это за зверь такой — ощущение.

При достаточной силе самонаблюдения можно увидеть, что ощущение имеет волевою, с примесью внутреннего чувства, природу. Оно родственно не мыслительному познанию, а чувствующей воле, или волящему чувству. Я не знаю, сколько психологов (ибо невозможно знать все несметное число современных психологов) обращали внимание на родственность ощущения волящему чувству, или чувствующей воле. Когда говорят, что ощущение сродни воле, выражаются неточно, ибо оно сродни волящему чувству, или чувствующей воле. Но то, что оно сродни чувствованию, заметил по крайней мере один особенно наблюдательный психолог, написавший свою

собственную психологию, Мориц Бенедикт из Вены. Его коллеги мало обратили внимания на эту психологию. Она — явление весьма своеобразное. Во-первых, Мориц Бенедикт — профессиональный антрополог-криминалист. Во-вторых, он естественник, а пишет о воспитательном значении поэзии, даже анализирует поэтические произведения, чтобы показать, как их применять для целей воспитания. Это ужасно: человек хочет быть ученым, а мнит, что психологи чему-то могут научиться у поэтов! И в-третьих, этот ученый-естественник, еврей свою психологию посвящает католическому священнику Лоуренцу Мюллнеру, который был в то время философом богословского факультета Венского университета. Три чересчур ужасные подробности — чтобы его могли всерьез принимать профессиональные психологи. Но если вы прочтете его психологию, то найдете множество действительно дельных наблюдений и многое для себя почерпнете, хотя и будете вынуждены отвергнуть всю его психологическую систему, весь материалистический образ мыслей Морица Бенедикта. Целое не дает вам ничего, но отдельные замечания — очень многое. Но лучшее нужно брать там, где оно находится. Если некто хорошо видит частности, но у него, как у Морица Бенедикта, негодная общая тенденция, это не основание для того, чтобы пренебрегать его хорошими отдельными наблюдениями.

Итак, ощущение, как оно выступает в человеке, — это волящее чувство, или чувствующая воля. Поэтому там, где внешне находится сфера восприятий, — а орудия внешних чувств расположены, так сказать, снаружи тела, — там в

человеке, до известной степени, локализуется чувствующая воля, или волящее чувство. Если схематически представить человека, то можно сказать: на внешней поверхности человека — мы имеем дело с условной схемой — помещается область чувственных восприятий (см. рис. на стр. 91). Что же происходит с нами на этой поверхности, в области внешних чувств, когда действует чувствующая воля, или волящее чувство? Мы осуществляем деятельность, принадлежащую наполовину состоянию глубокого сна, наполовину — грезящему состоянию: сновидческий транс. Мы спим не только ночью, мы постоянно спим на периферии, на внешней поверхности нашего тела; мы не можем отчетливо воспринять наши ощущения потому, что там, где они локализируются, мы пребываем в грезящем состоянии. Психологи и не подозревают о том, что к ясному осмыслению ощущений они не приходят по той же причине, по которой, пробудившись, мы оказываемся не в состоянии ясно воспринять дневным сознанием наши ночные сновидения. Вы видите, что понятия «глубокий сон» и «грезящее состояние» имеют еще и другое значение, отличное от того, которое мы придаем им в обычной жизни. В обычной жизни о глубоком сне мы знаем только то, что ночью, когда мы лежим в постели, мы спим. Мы не знаем, что глубокий сон — это нечто гораздо более распространенное, с чем мы постоянно имеем дело на поверхности нашего тела; только на поверхности тела мы к глубокому сну примешиваем грезящее состояние. Эти сновидения, или грезы, и есть ощущения, еще не охваченные рассудком и мыслительным познанием.

И в чувственном восприятии ребенка вы должны видеть присутствие воли и внутреннего чувства. Поэтому мы так подчеркиваем, что, интеллектуально воспитывая ребенка, необходимо воздействовать также на его волю; во всем, что мы даем ребенку наглядно, во всем, что он воспринимает, мы должны заботиться о воле и внутреннем чувстве, иначе мы действуем вопреки детскому ощущению. Только обращаясь к старику, к человеку, подводящему итог жизни, мы можем говорить так, будто мы имеем дело с уже метаморфизированными ощущениями. У старика ощущение уже перешло от чувствующей воли к чувствующему мышлению, или мыслящему чувству. У него ощущение стало уже чем-то иным. У него ощущение приняло более характер мысли и, отойдя от беспокойного волевого характера, несет в себе глубокий покой. У старика ощущение, можно сказать, приобрело характер понятия, идеи.

Этого тонкого различия психологи обычно не замечают. Для них ощущение в старости — то же самое, что ощущение в детстве; ощущение для них — это всегда ощущение. Вот логика, подобная той, как если бы, взяв лезвие для бритвы, некто сказал: «Лезвие для бритвы — это ведь лезвие, значит, им можно нарезать хлеб; лезвие оно и есть лезвие». Здесь понятие выводят из слов. Но так делать нельзя, понятия следует получать из фактов. В продолжение жизни характер ощущения изменяется. То, что у ребенка было волевым, у старика становится интеллектуальным. Понятно, что проще все

выводить из слов; поэтому и процветают у нас словообъяснители — и это может совершенно сбивать с толку.

Однажды мне довелось беседовать с моим бывшим однокашником. Мы вместе учились в средней школе; я затем поступил в реальную школу, а он — в учительскую семинарию (к тому же венгерскую, а в 70-х годах это что-нибудь да значило). Мы встретились спустя несколько лет, и у нас зашла речь о свете. Я уже знал, что в физике свет рассматривается как что-то, связанное с колебаниями эфира. Это по крайней мере еще можно было себе представить в качестве причины света. Мой бывший однокашник заметил: «Мы тоже проходили, что такое свет. Свет — это причина зрения!» Просто игра словами! Так понятия выводятся из слов. И можно представить себе, что давалось школьникам; ведь этот господин, пока не вышел на пенсию, успел обучить множество детей. Мы должны оторваться от слов и прийти к духу вещей. Мы не должны, желая что-либо понять, подыскивать слова, мы должны находить действительные отношения. Если же происхождение слова «дух» мы попытаемся отыскать в истории языка Фрица Маутнера, то найдем, что слово «Geist» (дух) родственно «Gischt» (пена) и «Gas» (газ, воздух). Это родство установлено, и из него одного не следует ничего особенного. К сожалению, тот же подход в замаскированном виде используется для толкования Библии. Поэтому Библия — это книга, которая большинством людей, в особенности современными богословами, понимается хуже всего.

Поэтому мы везде, где можно, стремимся предметно подходить к вопросу, мы стараемся получить понятие о духе не из истории слов, а сравнивая телесность ребенка с телесностью старика. Рассматривая связи между фактами, мы получаем реальные понятия.

Так, реальное понятие об ощущении мы получаем, исходя из знания о том, что уже у ребенка оно, как волящее чувство, или чувствующая воля, возникает на периферии тела, которая, в отличие от более внутренней области организма, находится в состоянии сна и при этом грезит. Вполне бодрствуете вы только в процессе мыслительного познания и только внутри вашего тела. На периферии тела, на поверхности тела вы всегда спите. Далее. То, что происходит в окружающей тело среде, или, лучше сказать, на его поверхности, подобным же образом происходит в голове, и чем более мы углубляемся внутрь человека, в сферу мышц, крови, тем сильнее это выражено.

рис.11

сфера органов чувств

волящее чувство

ощущающая вол

пустое пространство

Там, внутри, человек тоже спит и при этом грезит. Человек спит и грезит на поверхности своего тела, но и в глубинах его человек тем более спит и грезит. Поэтому в

недрах организма душевно-волящее чувство, чувствующая воля, наши желания и тому подобное пребывают в грезящем состоянии. Где же мы полностью бодрствуем? В промежуточной зоне.

Как видите, мы подходим теперь с духовной точки зрения: реалии бодрствования и сна приложимы и в рассмотрении пространственной организации человека — так что в духовном аспекте оказывается, что на поверхности своего тела и в своих внутренних органах он спит и только в промежуточной зоне в период между рождением и смертью действительно может бодрствовать. Какие же органы заключает в себе промежуточная зона? Это органы (особенно в голове), которые мы называем нервами, нервной системой. Аппарат нервов простирает свои побеги наружу, к поверхности, и вовнутрь; срединное положение занимают такие образования, как головной мозг, спинной мозг и своеобразный мозг в области живота [солнечное сплетение]. Этим дана телесная возможность действительного бодрствования. Но нервная система находится в своеобразных отношениях с духом. Это система органов, которые вследствие деятельности тела постоянно тендируют к разложению, к минерализации. Если бы у живого человека можно было освободить нервную систему от остального организма — от желез, мускулов и крови (костную систему можно и оставить), — то это был бы труп в живом человеке. В нервной системе происходит постоянное умирание человека. Нервная система — это единственная система, которая не имеет никакой связи с душевно-духовным. Кровь,

мускулы и т.д. всегда непосредственно связаны с душевно-духовным, нервная же система не имеет к нему никакого прямого отношения. Ее отношение к душевно-духовному определяется лишь тем, что она постоянно выделяется из человеческого организма; она не находится в нем, ибо она постоянно разлагается. Другие члены живут, поэтому они непосредственно связаны с духовно-душевно-духовным. Нервная система постоянно отмирает, она как бы говорит человеку: «Ты можешь развиваться, поскольку я тебе в этом не препятствую, поскольку я не присутствую здесь с моей жизнью!» В этом заключено ее своеобразие. Психологи и физиологи определяют нервную систему как орган-посредник ощущений, мышления и вообще духовно-душевного. Но почему она является посредствующим органом? Только потому, что она постоянно вытесняется из жизни и не создает препятствий мышлению и ощущениям; потому, что она не оказывает никакого влияния на мышление и ощущения и пространство, которое она занимает в человеке, для духовно-душевного является пустым. Духовно-душевное, однако, может проходить через это пустое пространство. Мы должны быть благодарны нервной системе за то, что она не заботится о духовно-душевно-духовном, что она не делает всего того, что ей приписывают физиология и психология. Если бы в течение пяти минут она делала то, что ей приписывают физиология и психология, то в эти пять минут мы ничего не знали бы о мире и о самих себе: мы бы просто спали. Ибо нервы были бы вовлечены в деятельность, подобную

деятельности органов-посредников состояния сна, посредников чувствующей воли, волящего чувства.

Да, в наше время люди не склонны проявлять гибкость, когда под вопрос ставится то, что физиология и психология считают истиной. Говорят: «Ты весь мир переворачиваешь с ног на голову». Истиной же является то, что мир уже стоит на голове и что только с помощью духовной науки его можно поставить на ноги. Физиологи утверждают: орган мышления — это нервы, в особенности головной мозг. На самом же деле головной мозг, нервная система имеют к мыслительному познанию только то отношение, что они постоянно стремятся выделиться из организма (благодаря чему и может развернуться мыслительное познание).

Теперь нам предстоит рассмотреть нечто с максимальной точностью, и это потребует от нас известной сосредоточенности. На периферии человека, в сфере органов чувств, протекают реальные процессы, непосредственно включенные в то, что происходит в мире. Предположим, что благодаря глазу на нас действует свет. В глазу протекает реальный процесс, происходит нечто, представляющее собой физико-химический процесс. Он распространяется в глубь тела (на рисунке — заштрихованная область), где также протекают физико-химические процессы. Теперь представьте себе, что перед вами освещенная поверхность и исходящие от нее лучи света попадают в ваш глаз. Совершающиеся в глазу физико-химические процессы распространяются внутрь человека, в сферу мускулов и крови. В промежутке находится образованная

нервной системой пустая зона. В ней не протекают самостоятельные процессы, подобные процессам в глазу или внутри человека, в нее входит то, что существует снаружи: существо света, существо цвета и тому подобное. Итак, на поверхности нашего тела, там, где расположены органы чувств, происходят реальные процессы, зависящие, например, от глаза, уха, органов восприятия тепла. Им подобны процессы, протекающие внутри человека. А в промежуточной зоне, там, где располагаются нервы, пространство поэтому свободно, и в нем мы можем жить вместе с тем, что находится снаружи. Свет и цвет изменяются в глазу. Но там, где проходят нервы, где жизнь уступает место пустоте, — там свет и цвет не изменяются, там вы живете вместе со светом и цветом. В сфере внешних чувств вы обособлены от мира, а внутри, как будто в чаше, вы живете с внешними процессами. Там вы сами становитесь светом, становитесь звуком, там разворачиваются эти процессы, ибо нервы, в отличие от крови и мускулатуры, не препятствуют им.

Таким образом, по отношению к находящейся в нас свободной от жизни области мы бодрствуем, а на поверхности и глубоко в недрах организма мы, когда спим, грезим и, когда грезим, спим. Полностью бодрствуем мы только в промежуточной зоне, между внешним и внутренним.

Однако, рассматривая человека с точки зрения духа, мы должны поставить в связь с бодрствованием, глубоким сном и грезящим состоянием не только пространственные, но и временные отношения.

Предположим, вы нечто изучаете. Это входит в ваше бодрственное сознание. Затем вы переходите к другим занятиям. Другое вызывает у вас интерес, занимает ваше внимание. Что же происходит с тем, что вы изучали, чем вы занимались до этого? Оно погружается в сон, а когда вы вспоминаете о нем снова, оно пробуждается. Вы только тогда разберетесь в этих вещах, когда все словесные ухищрения психологов относительно вспоминания и забывания замените реальными понятиями. Что такое вспоминание? Это пробуждение комплекса представлений. Что такое забывание? Это погружение в сон комплекса представлений. Здесь реальные вещи вы можете сопоставить с реальным опытом, здесь вы имеете дело не со словообъяснительством. Проведите наблюдение над бодрствованием и сном, проследите затем, как засыпаете вы сами или как засыпает другой человек; перед вами будет реальный процесс. Забывание, эту внутреннюю душевную деятельность, вы соотносите с этим реальным процессом (не с каким-нибудь словом!), сопоставляете и говорите себе: «Забывание — это просто засыпание, но в иной сфере, а вспоминание — это происходящее в иной сфере пробуждение».

Вы можете прийти к духовному постижению мира только путем сравнения реального с реальным. Как для того, чтобы действительно найти, хотя бы в зачаточной форме, соотношение между телом и духом, детство нужно сравнить со старостью, так можете вы сравнить и вспоминание с

забыванием, сопоставляя их с реальными процессами — засыпанием и пробуждением.

Это крайне необходимо для будущего человечества: чтобы человек соблаговолил вступить в реальность, в действительность. Сегодня люди мыслят зачастую одни слова, они не мыслят действительности. Откуда современному человеку взять то реальное, которое мы имеем в виду, говоря о воспоминании в связи с пробуждением? В области слов можно услышать самые разные определения воспоминания, но нет и мысли о том, чтобы попытаться понять его, исходя из действительности, из самого предмета рассмотрения.

Поэтому вполне естественно, что, когда мы говорим о трехчленности, т.е. о том, что получено из действительности, а не из абстрактных понятий, люди вначале нас просто не понимают, ибо они не привыкли исходить из действительности. И менее всего склонны к тому, чтобы извлекать понятия из действительности, социалистические вожди в своих теориях; они достигают апофеоза словообъяснительства. Слушая их, люди надеются что-то понять о действительности, но, говоря о ней, они сыпят пустейшей словесной шелухой. Я позволил себе попутное замечание о характере нашего времени, потому что педагог должен знать черты своего времени и понимать детей, которые именно в это время отданы ему на воспитание.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Штутгарт, 29 августа 1919 г.

Вчера мы показали, что такие явления, как память, способность вспоминать, можно понять, только сопоставив их с доступными для внешнего наблюдения процессами: сном и бодрствованием. Таким образом, педагогика, имея дело с идеями, относящимися к области духа, должна стремиться неизвестное сопоставлять с известным.

Вы можете возразить: однако сон и бодрствование ведь не менее темны для понимания, чем вспоминание и забывание, и поэтому немногого можно достичь с помощью такого сравнения. Тем не менее, наблюдая за тем, чего лишается человек вследствие нарушения сна, можно составить себе представление о нарушениях в душевной жизни, происходящих, когда забывание находится в неправильном отношении к вспоминанию. По опыту мы знаем, что человеку необходим достаточно продолжительный сон; иначе присущее «я» сознание будет постепенно ослабевать и он станет слишком сильно отдаваться впечатлениям внешнего мира, всему тому, что из внешнего мира приходит к «я». Уже при относительно небольших нарушениях сна вы можете наблюдать, как это происходит. Предположим, вы плохо спали ночью. Однако вы не потому плохо спали, что были особенно прилежны и использовали ночь для работы; в этом случае все выглядит несколько иначе. Но предположим, что нарушение сна вызвано

чем-либо телесным, скажем, комарами — короче, какими-нибудь внешними для души обстоятельствами. Тогда, возможно, уже на следующий день вы заметите, что вас неприятным образом затрагивает то, что обычно не производит на вас никакого впечатления. Вы, в известном отношении, в вашем «я» стали гораздо чувствительнее.

То же самое происходит, когда процессы вспоминания и забывания нарушаются так, что мы не можем их регулировать. Есть много людей — задатки к этому проявляются уже в раннем детстве, — которые всю жизнь проводят в дремотном состоянии, в полудреме. Внешнее оказывает на них воздействие, они получают впечатления, но не вникают в них, замечая их лишь мельком; посредством своего «я» они, так сказать, не связывают себя как следует с впечатлениями. Они мечтательно погружаются в свободно возникающие представления, если не увлечены как следует внешней жизнью. Чтобы что-то понять, они не обращаются целенаправленно к накопленному ими запасу представлений, но позволяют представлениям как бы самим по себе восходить изнутри. Появление того или иного представления как бы от них и не зависит. Можно сказать, что в значительной мере такое состояние души знакомо многим людям, в особенности же проявляется оно в детском возрасте.

В подобных случаях мы сможем помочь все вспоминать и забывать в большей мере по своему усмотрению, если будем знать, что состояния сна и бодрствования в форме вспоминания и забывания свойственны также и дневному сознанию. Как же

происходит вспоминание? Воля, в которой мы спим, в подсознании захватывает представление и переносит его в сознание. Подобно тому как «я» и астральное тело во время сна отделяются от физического и эфирного тел и собирают в духовном мире силу, чтобы освежить физическое и эфирное тела, так и сила спящей воли движет процессом вспоминания. Но именно потому, что воля спит, вы не имеете возможности непосредственно действовать на ребенка таким образом, чтобы он научился ее употреблять. Ибо побуждать ребенка употребить волю — все равно, что увещевать человека быть побойчее во сне, чтобы, проснувшись утром, он смог перенести эту бойкость в жизнь. Итак, то, что спит в воле, нельзя применить для непосредственного управления процессами памяти. Что же делать? Конечно, нельзя устроить так, чтобы с помощью каких-то конкретных действий человек управлял памятью, но его можно воспитать душевно, телесно и духовно так, чтобы он при случае мог соответствующим образом направить свою волю. Рассмотрим эту проблему более подробно.

Представим себе, что перед нами стоит задача пробудить в ребенке интерес к миру животных. Естественно, этот интерес к животным нельзя развить в один день; мы будем строить занятия так, чтобы пробуждение этого интереса происходило постепенно. И чем живее будет интерес, тем активнее он станет воздействовать на волю, которая тогда приобретет способность при необходимости извлекать из подсознательного, из забвения представления о животных. Только воздействуя на

привычки человека, вы можете укрепить его волю и тем самым его способность вспоминать. Другими словами, все, что пробуждает в ребенке интерес, способствует также укреплению его памяти. Сила памяти развивается благодаря внутреннему чувству и воле, а не посредством умственной тренировки в запоминании.

Итак, вы видите, что в мире, а особенно в человеке, все, в известном смысле, разделено и, будучи разделенным, взаимодействует. Мы не сможем понять душевной организации человека, если не расчленим ее на мышление, или мыслительное познание, внутреннее чувство и волю. Но мыслительное познание, внутреннее чувство и воля нигде не присутствуют в чистом виде, они всегда воздействуют друг на друга, образуя единство, всегда сплетены друг с другом. Так же дело обстоит со всем в человеке, в том числе и с телом.

Я уже говорил, что *головой* человек является главным образом в области головы; но и весь в целом он — также голова. А как *человек груди*, *человек грудной области* он представлен прежде всего верхней частью торса; но весь в целом он также представляет собой, так сказать, грудь, ибо и голова причастна природе груди, и организм конечностей. *Человек конечностей* — это главным образом человек в области конечностей, однако и весь человек — это также человек конечностей; конечности также причастны природе головы и груди; они, например, участвуют также в каждом дыхании и т.д.

Поэтому, если мы хотим приблизиться к действительности, в особенности к действительности человеческой природы, нужно ясно представлять себе, что расчленяется всегда нечто единое; устанавливать абстрактное единство — значит обрекать себя на полное неведение. Если бы мы никогда не отделяли одно от другого, то мир оставался бы чем-то неопределенным, как в ночи все кошки серы. Тот, кто желает охватить мир в абстрактном единстве, видит все как серое на сером. Тот же, кто все стремится только расчленить, разделить, никогда не приходит к действительному познанию, ведь он видит только различия, а познания не происходит.

Все, что есть в человеке, имеет отчасти познающую, отчасти чувствующую, отчасти волевою природу. И то, что является познающим, является таковым по преимуществу, но при этом заключает в себе внутреннее чувство и волю; чувствующее является лишь по преимуществу чувствующим, то же и с волей. Все это вы можете теперь распространить на то, что мы вчера характеризовали как сферу внешних чувств. Если вы хотите понять такую главу, как эта, вы должны отставить в сторону всякий педантизм, иначе то, что говорится сегодня, может показаться вам явно противоречащим тому, что говорилось вчера. Но из противоречий складывается действительность. Мы не сможем понять мир, если не будем видеть в нем противоречий.

В целом человек имеет двенадцать чувств (восприятий. — *Ред.*). Внешней науке известны из них только пять, шесть или семь наиболее явно выраженных, другие выражены менее явно.

Я уже говорил об этих двенадцати чувствах, сегодня мы снова обратимся к ним. Обычно говорят о слухе, чувстве тепла, зрении, вкусе, обонянии, осязании, причем чувство тепла и осязание подчас объединяют в одно, — как если бы кто-нибудь, рассматривая дым и пыль, объединял их в одно, потому что они выглядят похоже. (Нет надобности доказывать, что чувство тепла и осязание — это два совершенно различных вида отношений человека с внешней средой.) Эти чувства и, возможно, еще одно — чувство равновесия — выделяют современные психологи. Некоторые добавляют даже еще одно чувство, но полноты физиологии и психологии чувственного восприятия при этом не достигается; дело в том, что, воспринимая «я» другого человека, мы ставим себя в такое отношение к окружающему, которое подобно восприятию цвета посредством зрения.

Сегодня вообще люди склонны сваливать все в одну кучу. Когда дело касается «я», думают о своем собственном душевном существе, и этим по большей части удовлетворяются. Так же поступают и многие психологи. Они не замечают существенного различия между тем, что словом «я» может обозначаться совокупность нашего собственного опыта, и тем, что находящегося перед нами другого человека мы тоже можем обозначить как «я». Это — две совершенно разные духовно-душевные функции. Когда различные проявления нашей жизнедеятельности мы синтетически сводим к «я», речь идет о внутреннем; когда же я общаюсь с другим человеком и из этого явствует, что он тоже обладает подобным моему «я»,

тогда нечто происходит между мной и другим. Поэтому можно сказать: восприятие моего «я» внутри меня отличается от восприятия, посредством которого я познаю другого человека как «я». Восприятие другого «я» основано на чувствовании «я» так же, как восприятие цвета — на зрении, а восприятие звуков — на слухе. В человеческом существе орган восприятия «я» не так заметен, как орган зрения, но для обозначения восприятия другого «я» о «чувстве “я”» можно говорить с не меньшим основанием, чем о «зрении». Орган восприятия цвета расположен снаружи на теле человека, орган восприятия «я» распределен по всему человеку и состоит из чрезвычайно тонкой субстанции, поэтому обычно не говорят об органе восприятия «я». Этот орган восприятия «я» — нечто отличное от переживания своего собственного «я». Ибо восприятие другого «я» представляет собой познавательный акт, по крайней мере акт, родственный познанию, а переживание собственного «я» — волевой процесс.

Тут педант может подумать, что наступил благоприятный для него момент. Он может сказать: «В предыдущей лекции ты утверждал, что чувственное схватывание — это преимущественно волевая деятельность; теперь ты конструируешь чувство «я» и заявляешь, что это — преимущественно познавательное чувственное восприятие». Однако если вы ознакомитесь с тем, как охарактеризовано чувство «я» в новом издании моей «Философии свободы», то придете к тому, что чувство «я» функционирует действительно очень сложно. На чем же основано восприятие «я» другого

человека? Современные абстрактные мыслители дают довольно нелепые объяснения. Говорят: «Мы видим внешность человека, слышим его голос и понимаем, что сами выглядим так же, как этот другой человек, что и внутри нас, и внутри его находится существо, которое мыслит, чувствует и волит, т.е. душевно-духовное существо». Заключение делается по аналогии. Однако это не более как глупость. Восприятие друг друга у людей представляет собой нечто совсем иное. Когда вы видите, что перед вами находится другой человек, происходит следующее. Человек производит на вас впечатление. Это впечатление вызывает у вас внутреннее неудобство. Вы чувствуете, что другой человек, подобное вам существо, воздействует на вас, как бы атакует вас. Соответственно вы защищаетесь, противитесь этой атаке, становитесь по отношению к нему внутренне агрессивным. Ваша агрессивность слабеет и прекращается — поэтому он снова может производить на вас впечатление. Ваша агрессивность снова усиливается, затем снова слабеет — другой снова производит на вас впечатление и так далее. Так один человек в общении с другим человеком воспринимает его «я»: вникание, обращенность к другому человеку — внутренняя защита, вникание — защита; симпатия — антипатия, симпатия — антипатия. Я говорю сейчас не о внутренних переживаниях, но только о том, как два человека воспринимают друг друга. Душа вибрирует: симпатия — антипатия, симпатия — антипатия... Вы сможете прочесть об этом в новом издании «Философии свободы».

Но имеет место и нечто другое. Развивая симпатию, вы засыпаете, погружаясь в другого человека; развивая антипатию, вы пробуждаетесь. Такая чрезвычайно быстрая смена состояний бодрствования и сна в своего рода вибрации происходит, когда перед нами находится другой человек. Этим мы обязаны органу чувства «я». Он устроен так, что схватывает, постигает «я» другого человека не в бодрственном, но в спящем состоянии; а это добытое в состоянии сна тотчас переводится в познание, т.е. в нервную систему. Таким образом, при правильном взгляде на вещи главным в восприятии другого человека является все же воля — воля не в бодрственном, а в спящем состоянии; ведь мы постоянно вплетаем мгновения сна в процесс восприятия другого «я». Между этими мгновениями действует познание, которое тотчас переносится в область нервной системы; так что восприятие другого человека действительно можно назвать познавательным процессом; нужно только знать, что этот познавательный процесс, представляет собой метаморфоз протекающего в состоянии сна волевого процесса. Данный процесс чувственного восприятия — это волевой процесс, но только мы не познаем его как таковой. Обычно мы не сознаем того, что испытываем во сне.

Другое чувство (восприятий. — *Ред.*), отличное от чувства «я» и от всех прочих чувств, я обозначаю как чувство мысли. Чувство мысли — это чувство не для восприятия собственных мыслей, а для восприятия мыслей других людей. В этой связи психологи строят весьма гротескные теории. Вообще люди

настолько приучены к сопринадлежности языка и мышления, что считают, что вместе с речью всегда воспринимаются и мысли. Но это вздор. Ибо посредством вашего чувства мысли вы можете воспринимать мысли в пространственных жестах так же, как через речь. Фонетическая речь только опосредует мысли. С помощью соответствующего чувства вы могли бы воспринимать мысли сами по себе. И поскольку для всех звуков речи существуют эвритмические жесты, постольку достаточно выразить нечто эвритмически, чтобы вы по эвритмическим движениям восприняли мысли так же, как вы воспринимаете их посредством звучащей речи. Короче говоря, чувство мысли — это нечто иное, нежели то, что действует в фонетическом чувстве, в чувстве звуковой речи. Как таковое чувство речи также стоит в ряду чувств.

Затем следуют слух, чувство тепла, зрение, чувство вкуса, обоняние. Затем чувство равновесия. Мы обладаем таким имеющим природу чувственного восприятия сознанием равновесия. Благодаря особому чувственному восприятию мы соотносим себя с направлениями: вправо, влево, вперед, назад — и поддерживаем равновесие. Если соответствующий орган у нас не в порядке, мы не можем сохранять равновесие точно так же, как не можем различать цвета, если у нас не в порядке глаза. И как для восприятия равновесия мы имеем особое чувство, так для восприятия движения мы имеем чувство, посредством которого мы различаем, находимся ли мы в покое или в движении, напряжены наши мускулы или нет. Наряду с чувством равновесия мы имеем чувство собственного

движения. Кроме того, для восприятия общего состояния нашего тела мы имеем чувство жизни. Очень многие люди находятся в сильной зависимости от этого чувства жизни. Вы воспринимаете, насытились вы или недоели, устали или отдохнули, и испытываете поэтому чувство удовольствия или недовольства. Короче говоря, в чувстве жизни отражается состояние нашего собственного тела.

Итак, перед вами список из двенадцати чувств. В самом деле, человек имеет эти двенадцать чувств.

Устранив на примере одного из внешних чувств упреки со стороны педантов и показав, что познавательное в данном случае скрытым образом основано на воле, мы можем продолжить типологию чувств. Во-первых, мы имеем четыре чувства: осязание, чувство жизни, чувство движения, чувство равновесия. Они пронизаны по преимуществу деятельной волей, и в спектре этих чувств воля активно живет в восприятии. Постарайтесь почувствовать, как в восприятие движения, даже когда вы выполняете движения стоя на месте, вливается воля! Покоящаяся воля действует даже в восприятии равновесия. Она очень сильна в чувстве жизни и в осязании, ведь, когда вы к чему-нибудь прикасаетесь, происходит взаимодействие между вашей волей и окружающим. Чувство равновесия, чувство движения, чувство жизни и осязание — это собственно *волящие восприятия*. Осязая, человек внешним образом видит свое собственное движение: например, прикасаясь к чему-нибудь, он производит движение рукой — и так ему открывается, что он обладает этим чувством. Наличие

у нас чувства жизни, чувства движения и равновесия не столь очевидно, но они волящие восприятия, и человек спит в них, как он спит в своей воле. В большинстве психологий эти чувства вовсе не рассматриваются, ибо вместе с периферией нашего организма наука погружена в сон и слишком многое уютно просыпает.

Далее следуют: обоняние, чувство вкуса, зрение и чувство тепла — внешние чувства, которые суть *переживающее восприятия*. Для наивного сознания наиболее очевидна родственность внутреннему переживанию вкусовых и обонятельных восприятий. То, что эта родственность не столь заметна при зрительных и тепловых восприятиях, имеет свои причины. В отношении восприятия тепла не замечают, что оно весьма родственно внутреннему чувству, и смешивают его с осязанием. Неправильно сопоставляют — и неправильно различают. Осязание гораздо более сродни воле, а чувственное восприятие тепла ближе внутреннему переживанию. Природа переживающего восприятия зрения остается незамеченной, если не проводить наблюдений, подобных тем, что содержатся в гетевском учении о цвете. Там все родственное цвету пронизано внутренним чувством, выливающимся даже в импульсы воли. Но почему же не замечают наличия внутреннего чувства при зрительном восприятии?

В сущности мы почти всегда видим предметы так, что вместе с их цветом видим и границы цвета: линии, формы. Но обычно мы, воспринимая одновременно цвет и форму, не обращаем внимания на то, как именно мы воспринимаем. О

красном круге мы можем сказать: «Я вижу красный цвет, и еще я вижу форму круга». Но тут смешаны две совершенно разные деятельности. Вследствие собственно деятельности глаза воспринимается вначале только цвет. Форму круга вы увидите, если в своем подсознании воспользуетесь чувством движения и бессознательно произведете в эфирном и астральном телах круговое движение, которое затем поднимается в сознание. И когда то, что воспринято посредством чувства движения, будет познано как круг, оно соединится с воспринятым цветом. Форму круга вы черпаете из вашего тела, призывая на помощь распределенное по всему телу чувство движения. Это выражается в процессе, о котором раньше я уже говорил так: «Человек производит в космосе геометрические формы и затем поднимает их к познанию».

Современная официальная наука не поднимается до наблюдений столь тонких, чтобы быть в состоянии провести подобное различие между зрением и дающим восприятие формы чувством движения, — она все сваливает в кучу. В будущем, однако, с таким подходом воспитывать будет невозможно. Ибо как можно, воспитывая, обращаться к способности видеть, не зная, что в процессе зрения окольным путем, через чувство движения, в него изливается весь человек? Но здесь мы должны обратить внимание еще и на нечто другое. Что же происходит, когда мы воспринимаем залитые цветом формы? Это чрезвычайно сложный процесс. Вы, как человек, представляете собой единое целое, и благодаря этому то, что воспринимается вами по двум

совершенно различным путям — посредством чувства зрения и посредством чувства движения, — вы снова можете объединить в себе. Чтобы продвинуться дальше тупого глядения на красный круг, вы должны с двух различных сторон получить как восприятие красного, так и форму круга. Но вы уже не просто тупо глядите, если воспринимаете в двух аспектах: цвет — зрением, а форму — чувством движения — и, следуя внутренним требованиям жизни, то и другое объединяете в одно. Так возникает суждение. Теперь вы понимаете, что суждение — это живой процесс в вашем собственном теле, протекающий благодаря тому, что чувства представляют вам мир аналитически, расчлененным на части. Расчлененным на двенадцать частей представляет нам наше чувственное восприятие мир, и в своих суждениях вы все связываете воедино, ибо отдельное не желает оставаться обособленным. Форме круга вовсе не нравится оставаться только формой круга, какой она предстала чувству движения, цвету не нравится оставаться лишь таким цветом, каким его воспринял глаз. Вещи подталкивают вас соединить их, и вы внутренне готовы к этому. Таким образом, суждение, как деятельность, является выражением всего человека.

Нам открывается теперь глубинный смысл нашего отношения к миру. Если бы у нас не было двенадцати чувств, мы тупо глазели бы на окружающее, внутренне не приходя к какому бы то ни было суждению. Но, обладая двенадцатью чувствами, мы обладаем довольно большим числом возможностей соединить разделенное. Например, воспринятое

чувством «я» мы можем соединить с воспринятым любым из одиннадцати прочих чувств. Число возможных сочетаний еще увеличится, если взаимодействовать будут три чувства — например, чувство «я», чувство мысли и чувство речи. Теперь мы видим, сколь таинственным образом мы связаны с миром. Посредством двенадцати чувств вещи разлагаются на части, и человек должен снова составлять их. Так приобщает он себя к внутренней жизни вещей. Вам должно быть понятно, как бесконечно важно, чтобы воспитание много и равномерно заботилось о развитии способностей чувственного восприятия; для этого нужно совершенно сознательно и систематически изучить связи между всеми двенадцатью чувствами.

Обратим внимание также и на то, что чувство «я», чувство мысли, слух и чувство речи суть скорее *познающие восприятия*, — воля в них именно спит, действительно спит, вибрируя вместе с познавательной деятельностью.

Так, опираясь на бодрствование и сон, живут в сфере «я» воля, переживание и познание.

Итак, вам должно быть понятно, что рассмотрение человека как духа может привести к действительному познанию, только если оно всегда осуществляется с трех разных сторон, с трех точек зрения. Недостаточно просто повторять: «Дух! дух! дух!» Многие люди постоянно твердят о духе, вовсе не умея обходиться с тем, что от духа исходит. Научится этому возможно, только научившись оперировать состояниями сознания. Дух можно постичь, исходя из состояний сознания: бодрствующего, глубоко спящего,

сновидящего. Душу можно постичь, исходя из симпатий и антипатий, т.е. состояний жизни; душа непрестанно проживает их в подсознании. Местом нахождения души является собственно астральное тело, жизни — эфирное тело; они пребывают в постоянном внутреннем сообщении, так что душа выражает себя в состояниях жизни эфирного тела. Тело же можно постичь, исходя из состояний формы. Вчера я употребил форму шара для обозначения головы, форму лунного серпа — для груди, линии — для конечностей; мы еще вернемся к действительной морфологии человеческого тела. Будем, однако, всегда иметь в виду, что мы не сможем правильно говорить о духе, если не опишем, как он проявляется в состояниях сознания; мы не сможем правильно говорить о душе, если не покажем, как она проявляется в симпатии и антипатии; мы не сможем правильно говорить о теле, если не станем постигать его в его истинных формах. И об этом речь будет идти завтра.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Штутгарт, 30 августа 1919 г.

Обладая основательным, пронизанным волей и чувством знанием закономерностей становления человека, вы сможете хорошо обучать и хорошо воспитывать. У вас пробудится педагогический инстинкт, и с его помощью вы в различных областях примените то, что вам даст это знание о становлении ребенка. Только оно должно быть вполне реальным, т.е. основываться на действительном познании мира.

Стремясь к такому действительному знанию, мы рассматривали человека сначала с душевной точки зрения, а затем — с духовной. Мы показали, что понимание человека в аспекте духа предполагает исследование различных состояний сознания, обусловленных тем, что наша жизнь протекает в чередовании бодрствования, грезящего состояния и глубокого сна и что те или иные формы нашей жизнедеятельности должны быть отнесены либо к одному, либо к другому, либо к третьему. Теперь, чтобы охватить всего человека, от духа мы через душу будем постепенно спускаться к телу, с тем чтобы нам предстал целостный образ человека, и завершим наше рассмотрение выводами относительно здорового, так сказать, гигиенического, развития ребенка.

Начнем с того, что возраст, в связи с которым речь идет об обучении и воспитании, охватывает два первых десятилетия жизни. Мы знаем, что эти двадцать лет жизни ребенка делятся

на три периода. До смены зубов характерным является то, что он стремится быть подражающим существом, он хочет подражать всему, что его окружает. От седьмого года до наступления половой зрелости мы имеем дело с ребенком, который в том, что он должен знать, чувствовать, волевать, хочет опереться на авторитет; и только с возрастом половой зрелости в нем пробуждается потребность строить отношения с окружающим миром на основе своего собственного суждения. Поэтому в школе мы всегда должны учитывать, что это — дети, по своей природе стремящиеся к авторитету. Плох тот воспитатель, который не в состоянии поддерживать у них свой авторитет.

Жизнедеятельность человека мы должны уметь характеризовать с точки зрения духа. Деятельность эта объемлет, с одной стороны, познающее мышление, с другой — волю и, между ними, внутреннее чувство. Живя на Земле между рождением и смертью, человек ориентирован на то, чтобы познающее мышление постепенно пронизать логикой, способностью мыслить логично. Однако, будучи учителями и воспитателями, мы то, что нам известно о логике, должны держать на заднем плане. В самом деле, логика — это ведь нечто исключительно научное, но ее существо может открываться ребенку в самом нашем поведении; самое важное в логике мы должны нести в себе.

Когда мы действуем логически, т.е. мыслительно-познавательно, наша деятельность осуществляется в три этапа. Во-первых, в нашем мышлении мы имеем то, что мы называем

выводом, заключением. В обычной жизни мышление выражается в речи. Рассмотрите речевую ткань — и вы увидите, что, говоря, вы всегда строите заключения. Деятельность заключения — самое сознательное в нас. Человек не мог бы выражать себя в речи, не понимал бы того, что говорят ему другие, если бы он постоянно не высказывал сам и не воспринимал от других заключений. Школьная логика расчленяет заключение, тем самым она искажает то, что обычно происходит в жизни. Школьная логика не знает, что, уже видя какую-нибудь единичную вещь, мы выводим заключение. Представьте себе, что вы идете по зверинцу и видите льва. Что вы прежде всего делаете, воспринимая данного льва? Увиденное вы уясняете себе и только благодаря этому осознанию, себе-припоминанию справляетесь с относящимися ко льву восприятиями. Еще до того, как пойти в зверинец, вы уже знали, что существа, которые выглядят как этот лев, суть «животные». То, чему вы раньше научились в жизни, вы применяете теперь в зверинце. Рассматривая льва, вы видите, что он делает именно то, что, как вам известно, делают животные. Вы связываете одно с другим и образуете суждение: «Этот лев — животное». Образовав суждение, вы постигаете единичное понятие «лев». Первое, что вы производите, — заключение, второе — суждение, а третье, последнее, к чему вы приходите, — понятие. Вы, конечно, не отдаете себе отчета в этих трех этапах познавательной деятельности, но без них вы не могли бы жить настолько сознательно, чтобы понимать других людей. Обычно считают,

что вначале человек приходит к понятию. Но это неверно, первым в реальной жизни является заключение. Поскольку восприятие льва в зверинце не выпадает из нашего жизненного опыта, но согласуется с ним, постольку прежде всего мы выводим заключение. То, что мы идем в зверинец и видим льва, — лишь отдельный эпизод нашей жизни. Мы не начали жить в тот момент, когда вошли в зверинец и увидели льва. Это обстоятельство примыкает к остальной жизни, которая отражается в нем, и в то же время — опыт, приобретенный в зверинце, включается в остальную нашу жизнь. Итак, рассматривая весь процесс, видим: вначале данный «лев» — заключение. Чуть позже наш «лев» — суждение. И наконец сей «лев» — понятие.

Если вы познакомитесь с учебниками логики, особенно старого образца, то вы увидите, что под заключением понимают обычно следующее: «Все люди смертны; Кай — человек, следовательно, Кай смертен». Кай — это известнейшая логическая личность. Но в действительности разделение на три суждения: «все люди смертны», «Кай — человек», «следовательно, Кай смертен» — производится только на уроках логики. В жизни эти три суждения сплетены друг с другом, они предстают в единстве, ибо жизнь проходит в непрерывной мыслительно-познавательной деятельности. Они выносятся одновременно, когда мы видим Кая. В нашей мысли о нем уже содержатся три суждения. То есть заключение уже имеется, и мы строим суждение (оно содержится в выводе

(«следовательно, Кай смертен»)). Последним мы получаем индивидуализированное понятие: «смертный Кай».

Итак, три компонента — заключение, суждение и понятие — получают бытие в познании, т.е. в живом духе человека. Как же ведут они себя в живом духе человека?

Заключение может жить только в живом духе человека, только там ведет оно здоровую жизнь; иначе говоря, заключение только тогда здорово, когда оно осуществляется в состоянии полного бодрствования. Как мы увидим ниже, это очень важно.

Поэтому обучение, строящееся на запоминании готовых выводов, заключений, будет разрушительным для души ребенка. Рассмотрим подробнее это фундаментально важное для педагогики обстоятельство. У вас в вальдорфской школе будут дети всех возрастов, со всеми следствиями предшествующего обучения (здесь вам предстоит большая работа). Эти следствия обнаружат себя в заключении, суждении и понятии. Вы будете опираться на то, что детям уже известно; ведь вы не можете каждого ребенка учить всему сначала. В наших обстоятельствах мы не можем возвращать школу снизу, приходится брать сразу восемь классов. Итак, вам предстоит иметь дело с препарированными детскими душами и в первое время заботиться о том, чтобы как можно меньше мучить детей извлечением из памяти готовых заключений. Если готовые заключения уже заложены в душу, оставьте их там лежать и позаботьтесь о том, чтобы в образовании новых заключений участвовала сама текущая жизнь ребенка.

Само собой разумеется, что суждение также образуется в состоянии полного бодрствования. Но суждение может погрузиться в нижние слои души, туда, где душа грезит. Заключение никогда не должно туда погружаться, это допустимо только для суждения. Все наши суждения о мире нисходят в грезящую душу.

Но что представляет собой эта грезящая душа? Она, как мы уже знаем, более сродни внутреннему чувству. Итак, мы выносим суждение и, продолжая жить дальше, несем его через мир, несем его в нашем чувстве. Это означает, что данное суждение становится для нас чем-то вроде привычки. Сообразно тому, как вы учите ребенка образовывать суждения, в нем формируются и душевные привычки. Это должно для вас быть совершенно осознанным. Ведь в жизни выражением суждения является предложение, и с каждым обращенным к ребенку предложением, вы закладываете в ребенке душевные привычки. Пользующийся авторитетом учитель всегда должен помнить, что то, что он говорит, запечатлевается в душевных привычках детей.

Переходя от суждения к понятию, мы должны знать: понятие нисходит в глубины существа человека, погружается в область спящей души, которая постоянно работает над телом. Бодрствующая душа не работает над телом. Немного работает над телом грезящая душа; она производит то, что заключено в его привычных жестах. Но спящая душа воздействует и на формы нашего тела. Образую понятия, прививая людям результаты суждений, вы воздействуете вплоть до спящей

души, иначе говоря, вплоть до тела. Человек рождается с почти готовым для жизни телом, и у души нет другой возможности, как только совершенствовать то, что пришло к человеку из потока наследственности. Живя в мире, мы встречаем различных людей, каждый из них имеет свое особое лицо. Что несут в себе черты этих лиц? Помимо всего прочего — следствия всех понятий, которые учителя и воспитатели вложили в человека в детском возрасте. Лицо взрослого отражает то, что в виде понятий проникло в душу ребенка, ибо спящая душа формирует физиогномию человека в соответствии с укоренившимися в нем понятиями. Такова степень могущества воспитания и обучения. Через формирование понятий они накладывают свою печать на человека вплоть до самого физического тела.

Одной из наиболее характерных особенностей нашего времени является то, что значительно сократилось число людей, обладающих выразительными лицами. В этой связи в одной из берлинских лекций Герман Бар весьма остроумно рассказывал о своих наблюдениях. Он говорил, что уже в девяностых годах прошлого столетия при встрече где-нибудь близ Рейна или в окрестностях Эссена с идущими с фабрики людьми появлялось чувство: они нисколько не отличаются друг от друга; в сущности это один и тот же человек, который все время попадается навстречу, он попросту оттиражирован на какой-то множительной машине. Очень важное наблюдение! А вот другое, также очень важное его наблюдение. Он говорил: «Если в девяностые годы на званом обеде за столом справа и

слева от тебя оказывались две дамы, то в сущности невозможно было их различить; единственным отличием и являлось то, что одна сидела слева, а другая — справа».

Короче говоря, для человечества наступил своего рода век униформизма; и это указывает на то, что в предшествующее время в людях ничего не было воспитано. С помощью подобных примеров можно понять, какого рода преобразование необходимо нашей системе воспитания; ибо воспитание глубоко влияет на всю культурную жизнь. Итак: до тех пор пока жизнь не ставит человека перед лицом того или иного факта, соответствующие последнему понятия живут в бессознательном.

Понятия могут жить в бессознательном. Суждения в форме связанных с ними привычек могут жить в полусознательной, грезящей части человека, а заключения должны жить только в сознательной, бодрственной его части. Это означает, что нужно обсуждать с детьми все, относящееся к заключениям, и оставлять им для запоминания не готовые заключения, но то, что уже развилось до понятия. Что же для этого необходимо?

Представьте себе, что вы образуете понятия и эти понятия мертвы. Затем вы прививаете человеку трупы понятий. Эти мертвые понятия внедряются вплоть до его тела. Каким же должно быть понятие, сообщаемое человеку? Оно должно быть живым, чтобы человек мог с ним жить. Раз человек должен жить — вместе с ним должно жить и понятие. Если в восьмилетнего, девятилетнего ребенка вы вакцинируете понятия, которыми он, став взрослым, должен будет

пользоваться в том же виде и в тридцать, и в сорок лет, то это группы понятий — ведь они не живут вместе с развивающимся человеком. Вы должны давать такие понятия, которые по ходу жизни могут преобразовываться. Воспитатель должен заботиться о том, чтобы преподать ребенку понятия, которые на протяжении жизни человека не будут оставаться такими же, какими он их однажды получил, но будут сами вместе с ним изменяться. Так вы привьете ребенку живые понятия. Ребенок получает мертвые понятия, когда вы даете лишь определения, когда вы говорите: «Лев — это...» — и так далее и заставляете заучивать их наизусть; тогда вы вносите в ребенка мертвые понятия, и в тридцать лет он будет иметь те же понятия, что вы ему некогда преподали. Переизбыток определений делает преподавание мертвым. Как же следует поступать? Мы должны не определять, а характеризовать. Мы характеризуем, если представляем вещи по возможности с различных точек зрения. Если на занятиях естественной историей мы преподаем то, что можно прочесть в современных учебниках по зоологии, то мы только определяем животное. Мы должны на любом этапе обучения постараться охарактеризовать животное не только биологически, например рассказав, как люди постепенно приручили его, применили для работы в домашнем хозяйстве и тому подобное. Характеризующим преподавание делает также такая его постановка, когда вы не просто даете естественнонаучное описание, например, каракатицы, мыши, человека, но сопоставляете каракатицу, мышь и человека, сравниваете их между собой. Открывающиеся при этом

взаимосвязи настолько многогранны, что в результате получается не определение, а характеристика. Правильное преподавание опирается не на определения, а на характеристики.

Чрезвычайно важно всегда иметь в виду, что в подрастающем человеке ничто не должно умерщвляться, что воспитание и обучение должны поддерживать в нем жизнь, действовать так, чтобы он не засох, не окостенел. Поэтому вы должны тщательно различать подвижные понятия и такие, которые не подлежат изменению. Эти последние составят в ребенке как бы скелет его души. Вам, конечно, следует закладывать и то, что должно сохраниться в нем на всю жизнь. Но вы не будете в связи с теми или иными частностями жизни давать мертвые понятия, которые не должны сохраняться как мумии; вы будете давать живые понятия о частных фактах жизни и мира, которые смогут вместе с ребенком органически развиваться. Вообще, давайте все в связи с человеком. Все в сознании ребенка должно в итоге сходиться к идее человека. Идея эта вправе сохраниться. Все, что вы даете ребенку, — когда, имея в виду человека, рассказываете ему басню, когда в учении о животных вы соотносите с человеком каракатицу и мышь, когда вы демонстрируете чудесное действие заземления в аппарате Морзе, — все должно представлять мир как совокупность связанных с человеком фактов. Это то, что может остаться. Понятие «человек» складывается постепенно, а не вручается ребенку готовым. И если мы его выстроим, оно вправе остаться. Собственно, самое прекрасное, что ребенок

может перенести из школы в дальнейшую жизнь, — это многогранная, как можно более содержательная идея человека.

Тому, что действительно живет в человеке, свойственно преобразовываться вместе с самой жизнью. Если вам удастся вложить в ребенка понятия о благоговении, почитании, обо всем том, что в широком смысле можно было бы назвать молитвенным настроением, то сложившиеся таким образом проникнутые благоговением представления сохранятся в ребенке живыми до глубокой старости, когда они преобразуются в способность благословлять, одарять других людей плодами молитвенного настроения. Однажды я так это сформулировал: действительно благословлять в старости способен лишь тот, кто по-настоящему молился в детстве.

Итак, давать ребенку такие понятия, которые связываются с задушевнейшим, глубочайшим в человеке, — значит наделять его живыми понятиями; живое проходит через метаморфозы, оно испытывает превращения вместе с жизнью человека.

Взглянем еще с несколько иной точки зрения на три первые эпохи жизни. До смены зубов человек хочет подражать, до наступления половой зрелости он хочет следовать авторитетам, затем он хочет иметь свое собственное суждение о мире.

Это можно выразить по-другому. Когда человек нисходит из духовно-душевного мира, когда он облачается в тело, к чему он тогда, собственно говоря, стремится? Он стремится пережитое в духовном мире воплотить в физическом. До смены зубов человек еще полностью ориентирован на прошлое. Он

еще исполнен той самоотдачи, которая характерна для духовного мира. В подражании он отдается окружающему. Что же представляет собой главный душевный импульс, бессознательная фундаментальная убежденность ребенка в возрасте до начала смены зубов? Это прекрасная убежденность, которую нужно поддерживать. Она исходит от бессознательного чувства: весь мир морален. Хотя в отношении нынешних душ это не совсем так; но все же, вступая в мир, человек благодаря тому, что он становится физическим существом, предрасположен исходить из бессознательной убежденности в том, что весь мир морален. Все воспитание, связанное с возрастом до начала смены зубов и далее, должно это бессознательное чувство — весь мир морален — учитывать. В том и заключается величие и возвышенность расы детей, что, принадлежа к роду человеческому, они верят в моральность мира и подражают ему. Дети живут в прошлом и являют нам многообразные откровения своего завершившегося рождением духовно-душевного прошлого.

От начала смены зубов до времени наступления половой зрелости ребенок живет в настоящем и интересуется настоящим. Поэтому при обучении и воспитании всегда нужно учитывать, что школьники первых двух ступеней хотят жить в настоящем. Что означает жить в настоящем? В настоящем живут, когда наслаждаются миром — но не как животное, а как человек. Ребенок, будучи учеником, хочет также, и учась, наслаждаться миром. Поэтому мы должны использовать все возможности к тому, чтобы ребенок мог наслаждаться, — не в

животном, а в высшем человеческом смысле, наслаждаться занятиями, они не должны вызывать антипатию или отвращение. В этом отношении уже существуют успешные педагогические попытки. Но здесь заключена и опасность: принцип делать занятия источником радости и наслаждения можно легко опошлить. Чтобы этого не произошло, учитель, преподаватель должен сам постоянно стремиться возвыситься над доморощенной безвкусицей, педантизмом, убогой самодовольной трезвостью и никогда не терять живой связи с искусством. Мир прекрасен — такова предпосылка, из которой исходят те, кто хотят — как люди, не как животные — наслаждаться миром. Ребенок в период от начала смены зубов до наступления половой зрелости исходит из такой бессознательной убежденности в том, что мир прекрасен. И соответственно прекрасными должны быть занятия в школе. Они будут таковыми, если не опираться на банальные, утилитарно ориентированные методы наглядного преподавания и постараться так углубиться в переживание художественного, чтобы художественным стало само преподавание. Подчас при ознакомлении с современными дидактическими материалами бывает ужасно обидно видеть, как их хороший потенциал, с помощью которого преподавание можно было бы обратить в источник радости, остается нереализованным, потому что то, что делает в классе учитель, неэстетично и вызывает впечатление доморощенной серости. Сегодня вошло в моду наглядное обучение по так называемому сократическому методу. Но вопросы, которые предлагают детям, имеют крайне

потребительский характер — и ничего общего не имеют с областью прекрасного. С таким подходом не будет никакого проку от выставленных на обозрение наглядных пособий. Дело не в том, что учитель должен придерживаться того или иного рода наглядных пособий, а в том, чтобы благодаря своим занятиям искусством он развил в себе художественный вкус по отношению к учебному материалу.

Первый период своей жизни, до начала смены зубов, ребенок живет с бессознательным чувством: *мир морален*. Во второй период, от начала смены зубов до наступления половой зрелости, он бессознательно чувствует: *мир прекрасен*. И только с наступлением половой зрелости у него появляются внутренние основания для того, чтобы чувствовать: *мир истинен*. Только тогда занятия начинают приобретать «научный» характер. До наступления половой зрелости нехорошо придавать занятиям однобокий систематизирующий или научный характер; ибо действительное внутреннее представление об истине человек начинает приобретать только с наступлением возраста половой зрелости.

Итак, вы видите, что из высших миров в физический мир вместе с ребенком нисходит прошлое, что с начала смены зубов, когда ребенок вступает в школьный возраст, он живет в настоящем и что затем вступает в тот возраст, когда в его душу вливаются импульсы будущего. Прошлое, настоящее, будущее — все это заключено в развивающемся человеке.

Здесь мы остановимся, а послезавтра продолжим наши рассмотрения, которые будут теперь все более обращаться на практику преподавания.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Штутгарт, 1 сентября 1919 г.

Мы, по крайней мере вкратце, обсудили существо человека в ракурсе души и ракурсе духа. Теперь мы дополним это, связав духовную, душевную и телесную точки зрения, и от полученного таким образом всестороннего представления о человеке перейдем к рассмотрению его внешней телесности.

Вначале напомним себе о том, — мы подходим здесь к этому с различных сторон, — что трем основным частям человеческого организма свойственны определенные формы. Мы уже обращали внимание на то, что голова имеет круглую форму и что эта круглость выражает ее телесную природу. Мы также обращали внимание на то, что грудь человека является как бы фрагментом формы головы; так что, если изобразить схематически, голова будет иметь форму шара, а грудь — форму лунного серпа, т.е. фрагмента шара. Эту форму груди можно себе представить дополненной до шара. Вы правильно поймете этот средний член человеческого организма, если будете рассматривать его как шар, у которого видна только часть, в форме лунного серпа. В те давние времена, когда люди лучше чувствовали формы, совершенно оправданно говорили о соответствии голове — солнца, а груди — луны. И как при неполной луне мы видим только фрагмент шара, так и форма груди являет собой только фрагмент. Форма головы человека здесь, в физическом мире, представляется нам завершенной.

Она более или менее такова, какой выглядит. Непроявленное сведено в ней к минимуму.

Грудь человека во многом остается сокрытой, незримой. Это очень важно иметь в виду. Грудь являет нам одну свою сторону, заднюю, свою телесность; спереди она переходит в душевное. Голова — это целиком тело; грудь — это тело сзади и душа спереди. Поэтому в полном смысле телом является только голова у нас на плечах.

Далее, с этими двумя частями организма человека для внешнего рассмотрения, собственно, с грудной частью соединены конечности. Итак, третье — человек конечностей. Понять природу человека конечностей мы сможем, обратив внимание на то, что от шаровидной формы он сохраняет в себе нечто совсем иное, нежели человек груди. В человеке груди сохраняется нечто от периферии шара, а в человеке конечностей — нечто от внутреннего пространства, от радиусов шара, так что внутренние части шара присоединены в виде конечностей.

Мы, как я уже не раз говорил, зайдём в тупик, если будем просто схематически одно приставлять к другому. Нужно все представлять себе в сплетении, ибо такова природа живого. Мы говорим: «Человек конечностей состоит из конечностей». Но, видите ли, у головы также есть свои конечности. Рассмотрев череп, вы найдёте, что с ним соединены кости верхней и нижней челюстей. Они вставлены в него действительно как конечности. Череп имеет свои конечности. Только они деградировали. Вообще конечности человека довольно велики,

но на черепе это попросту костные образования. Другое отличие состоит в том, что в сущности у конечностей черепа, т.е. у верхней и нижней челюстей, основную функцию выполняют именно кости. Для конечностей тела, для человека конечностей существенное следует искать в его облачении, в мускулах и кровеносных сосудах. В систему мышц и кровеносных сосудов рук и ног, кистей и ступней кости, в определенном смысле, просто вставлены. А на верхней и нижней челюстях (конечностях головы) мускулы и кровеносные сосуды деградировали. Что это означает? Кровь и мускулы, как мы уже говорили, представляют собой органическую основу воли. Инструментами воли являются по преимуществу руки и ноги. То, что служит воле — кровь и мускулы, — на конечностях головы в значительной мере редуцировано, ибо их строение должно соответствовать деятельности интеллекта, мыслительного познания. Желая познать, как во внешних формах тела проявляется мировая воля, исследуйте руки и ноги, кисти и ступни. Желая познать, как во внешних формах проявляется мировой разум, исследуйте кости головы, т.е. череп и то, как в него встроены верхняя и нижняя челюсти, а также все прочее, что на голове может напоминать конечности. Внешние формы вы всегда должны рассматривать как откровение внутреннего. Только так их и можно понять.

Я не раз замечал, что особенно трудно людям бывает понять связь между трубчатыми костями рук и ног и пластинчатыми костями головы. В этой связи именно учителям полезно усвоить одно понятие, далекое от обычной жизни.

Здесь мы подходим к трудной главе, возможно, самой трудной в этом курсе лекций.

Вы знаете, что Гете одно время разрабатывал так называемую позвоночную теорию черепа, в которой принцип метаморфоза был применен к человеку и строению его тела. Рассматривая позвоночник, мы видим, что позвонки лежат друг на друге. Можно было бы извлечь один из них (Р.Ш. рисует на доске). Это было в Венеции: изучая череп овцы, Гете пришел к выводу, что все кости черепа суть преобразованные позвонки. Иначе говоря, если одни части представить себе раздувшимися, а другие — сжавшимися, то из позвонковых форм можно получить формы костей черепа. На Гете это произвело сильное впечатление: оказывается, череп — это преобразованный, усовершенствованный позвоночник.

Относительно несложно представить себе, что кости черепа образованы метаморфозом позвонков, но чрезвычайно трудно представить, что и кости конечностей, в том числе конечностей черепа (верхней и нижней челюстей), являются метаморфизированными, видоизмененными позвонками. Гете пытался это сделать, но довольно внешним образом. Почему же это так трудно? Дело в том, что хотя трубчатая кость как таковая и является метаморфозой черепной кости, но метаморфозой особого рода. Увеличивая или уменьшая некоторые части, вы легко можете представить себе, что кости головы — это преобразованные кости позвонка. Однако совсем не так легко из трубчатой кости руки получить пластинчатую кость черепа. Вначале вы должны проделать определенную

процедуру. Точно такую же, какую вы проделываете, выворачивая наизнанку перчатки или чулки, т.е. когда вы внутреннее делаете внешним. Нетрудно представить себе, как выглядит перчатка или чулок, когда внутреннее выворачивается наружу. Но трубчатая кость по толщине неоднородна, она не столь тонка, как чулок, у которого рельеф внутренней и внешней поверхности одинаков. Ее внешние формы отличаются от ее внутренних форм. Если вы сделаете ваши чулки такими, что они, сохраняя эластичность, будут иметь сложную внешнюю форму, с всевозможными выступами и утолщениями, а затем вывернете их наизнанку, то форма, ставшая внешней, уже не будет подобна той форме, которая стала внутренней. Так же и с трубчатой костью: нужно внутреннее и наружное поменять местами — тогда мы получим форму кости черепа; так что конечности — это не только видоизмененные, но, кроме того, еще и вывернутые наизнанку кости головы. Дело в том, что центральная точка головы находится внутри ее; голова — концентрична. Центральная же точка груди находится не в середине шара, но от этой середины далеко в стороне. На рисунке мы видим только фрагмент; для того чтобы изобразить это полностью, понадобилось бы слишком много места.

Где же находится центральная точка системы конечностей? Здесь мы сталкиваемся с новой трудностью. Центральная точка системы конечностей вывернута во всю поверхность мировой сферы. Это в сущности шар, а не точка. Центральная точка находится повсюду, поэтому мы можем

повернуться в любом направлении, и с любой стороны в нас излучаются радиусы, сливающиеся с нами.

То, что находится в голове, распространяется вовне; то, что проходит по конечностям, соединяется внутри. В одной из лекций я уже говорил, что конечности нужно представлять себе как бы вставленными в тело.

рис.12

Мы действительно являемся всем миром, и лишь в самом конце уплотняется и становится видимым то, что стремится в нас снаружи, с периферии. Лишь мельчайшая частица того, чем мы являемся, становится видимой в наших конечностях. Но эта телесность конечностей — всего лишь мельчайший атом действительной системы конечностей человека, обладающей и телом, и душой, и духом. И если тело в конечностях только намечено, то своей душевной, духовной организацией они охватывают весь мир.

Теперь мы можем нарисовать человека несколько иначе. Человек — это, во-первых, колоссальный, охватывающий весь мир шар, затем шар поменьше и затем маленький шар. Только самый маленький шар виден целиком; средний шар виден частично; большой шар виден лишь в месте окончания его лучей — остальное невидимо. Так из мира сформирован облик человека.

В средней системе, в груди, объединяются системы головы и конечностей. Рассматривая позвоночник с исходящими от него ребрами, мы видим, что это попытка замкнуться впереди. Сзади целое замкнуто, впереди же сделана только попытка замкнуться, но полностью она не удалась. Чем ближе ребра расположены к голове, тем более им удастся замкнуться, чем ниже они расположены, тем менее они способны замкнуться. Последние ребра вообще не в состоянии сойтись, ибо этому извне противодействует направленная в конечности сила.

Греки еще имели чрезвычайно сильное чувство связи человека с макрокосмом. Значительным, хотя и несколько абстрактным знанием об этом обладали и египтяне. Эта космическая мысль была запечатлена в египетской и вообще древней скульптуре. Вы не поймете того, что делали скульпторы древности, если не будете знать: они делали то, что соответствовало их вере. Голова — маленький шар, малое мировое тело; конечности — часть большого мирового тела, которое отовсюду пронизывает радиусами человеческую форму. Греки имели прекрасное, гармонически сформированное представление об этом и были хорошими ваятелями, скульпторами. Но и в наше время также невозможно действительно овладеть искусством ваяния человеческого тела, если не сознавать связь человека с мирозданием. Без такого сознания скульптор не пойдет дальше внешнего подражания природным формам.

Итак, дорогие друзья, мы видим, что конечности более принадлежат всему миру, а голова — отдельному человеку.

Конечности более принадлежат миру, в котором человек движется, постоянно меняя свое местоположение. Они связаны с движением мироздания.

То, что передвигается и действует в мире, — это человек конечностей. В каком же отношении к движению мироздания находится голова? Она покоится на плечах. (Я уже говорил об этом в другой связи.) Ее задача заключается в том, чтобы постоянно внутри себя приводить движение мироздания к покою. Перенесемся в духе внутрь головы; для этого представим себя сидящими в железнодорожном вагоне; вагон движется вперед, и мы спокойно сидим внутри. Подобным образом душа «сидит» в голове, которая предоставляет конечностям перемещать себя и, благодаря присущему ей покою, успокаивает внутри себя приходящие извне импульсы движения. Во время езды можно даже вытянуться на полке и расслабиться, хотя чувство покоя будет иллюзорным, ведь вы проносите в вагоне через мир. Подобным же образом голова приводит в вас к покою движения конечностей. Грудь занимает промежуточное положение. Она — посредник между движением внешнего мира и тем, что голова приводит к состоянию покоя.

Представьте себе, мы стремимся с помощью наших конечностей отобразить, вместить мировые движения. Что же мы делаем? Мы танцуем. Все танцы мира — только фрагменты этого великого танца. Истоки искусства танца — подражание движению планет и других небесных тел, движению самой Земли.

Но как обстоит дело с головой и грудью, когда мы, танцуя, подражаем космическим движениям? В голове и груди мы как бы запруживаем движения, которые выполняют конечности. Движения не распространяются через грудь по голове, ибо эта штука сидит на плечах и не дает движениям проникнуть в душу. Душа должна в покое участвовать в движениях. Что же она делает? Она отражает то, что в танце происходит с конечностями. Она ворчит, когда движения хаотичны, она шепчет, когда движения размеренны, она поет, когда конечности совершают гармоничные космические движения. Так танцевальное движение вовне превращается в пение, а внутри — в музыку.

Для физиологии чувственного восприятия способность ощущения будет оставаться необъяснимой до тех пор, пока она не станет рассматривать человека как космическое существо. Она так и будет стоять на том, что снаружи происходит движение воздуха, а внутри человек воспринимает звук. Каким образом движения воздуха оказываются для нас звуком — знать невозможно. Так написано в физиологиях и психологиях, в одних — в начале, в других — в конце; и в этом все различие. Дело в том, что люди, выступающие в качестве психологов и физиологов, не знают, что совершающиеся вовне движения — в душе приводятся к покою и, благодаря этому, преобразуются в звуки. Так же обстоит с ощущениями, соответствующими всем прочим способностям чувственного восприятия. Расположенные на голове органы чувств не принимают участия во внешних движениях, они отражают внешние движения в

грудь и преобразуют их в звуки, в другие ощущения. Это — причина ощущений. На этом основывается также и связь искусств. Музыка возникла как внутреннее соответствие тому, что вовне выражается посредством скульптуры и архитектуры. Музыкальное искусство отражает мир изнутри наружу. Так стоит человек во вселенной. Почувствуйте цвет как пришедшее к покою движение! Внешне вы не воспринимаете этого движения; так, лежа в спальном вагоне мчащегося поезда, вы во власти иллюзии неподвижности. Внешнее движение вы предоставляете поезду. Подобным образом вы предоставляете вашему телу посредством тончайших движений, которых вы не замечаете, отвечать на движения внешнего мира, а внутренне воспринимаете цвета и звуки. Вы обязаны этим тому, что организм конечностей не нарушает покоя, в котором пребывает ваша голова.

Как я уже говорил, здесь мы сталкиваемся с большими трудностями для понимания. Они столь велики потому, что для понимания этих вещей в наше время не сделано вообще ничего. Образование нашего времени позаботилось о том, чтобы человек оставался в неведении относительно того, о чем я сегодня рассказывал. Что же будет благодаря такому образованию достигнуто? Невозможно получить полного представления о перчатках или чулках, если никогда не выворачивать их наизнанку; в этом случае мы останемся в неведении относительно той их части, которая соприкасается с кожей, и будем знать только их внешнюю сторону. Так с помощью современного образования мы знакомимся только с

внешним. Так мы приобретаем понятие только о половине человека. Но конечности остаются недоступными пониманию, ибо они вывернуты духом.

рис. 13

Итак, мы рассматриваем человека в целом, как он является нам в мире. Как человек конечностей, он представляет собой сочетание духа, души и тела. Как человек груди, он представляется нам состоящим из души и тела. Большой шар (см. рис. 13) — дух, душа и тело; шар поменьше — тело, душа; маленький шар — только тело. На Константинопольском (мнимо-вселенском) соборе 869 года католическими епископами человечеству было запрещено что-либо знать о большом шаре. При этом разъяснялось, что такова догма Католической церкви, что существуют только средний и маленький шары, что человек состоит из тела и души и душа обладает некоторыми духовными качествами. Духа для исходящей из католицизма культуры Запада с 869 года больше не существовало. Но, утратив связь с духом, человек утратил и связь с миром. Он загонялся в эгоизм. Соответственно и религия становилась все более эгоистичной. Однако мы живем в эпоху, в которой мы должны, опираясь на духовную науку, снова познавать связь человека с духом и тем самым с миром.

Кто грешен в том, что сейчас господствует естественнонаучный материализм? Главный вклад

принадлежит Католической церкви, отменившей на Соборе 869 года дух. Какие же это возымело последствия? Рассмотрите человеческую голову. В ходе становления мира сложилось так, что она является сегодня старейшим членом человеческого существа. Голова происходит от высших, а в еще более отдаленную эпоху — от низших животных. В отношении нашей головы мы приходим от животного мира. Голова — это только более развитое животное. Желая отыскать предков нашей головы, мы должны обратиться к низшему животному миру. Наша грудь присоединена к голове позднее, ей присуща менее животная природа. Конечности мы получили позже всего, это наше самое человеческое образование. Это — не видоизмененные органы животных, но то, что мы получили позже. Соответствующие органы животных и человека выделились из космоса независимо друг от друга. Католическая церковь наложила запрет на знание о связи человека с мирозданием, т.е. на знание о природе его конечностей; она позволила последующим поколениям знать лишь нечто о груди и главным образом о голове, о черепе. Материализм со своей стороны, придя к тому, что череп человека происходит от животного мира, провозгласил, что и весь человек произошел от животного мира; хотя на самом деле грудь и конечности образовались позже. То, что Католическая церковь утаила от человека знание о природе его конечностей, о его связи с миром, обусловило впоследствии появление материалистических идей, справедливых в отношении головы, но неправомерно распространенных на все тело человека.

Католическая церковь по существу стала основоположницей материализма в области эволюционного учения. В особенности сегодняшним учителям юношества следовало бы знать об этом. Ибо они должны связать свои интересы с тем, что происходит в мире. И то, что происходит в мире, они должны знать до основания.

Сегодня мы познакомились с некоторыми причинами материализма нашего времени, но начали мы с другого: с шарообразной формы головы, с лунообразной формы груди и радиальной направленности конечностей. Значит, чтобы уяснить себе этот великий культурно-исторический факт, мы начали, казалось бы, с совершенно противоположного. Но такие вещи необходимы и особенно важны для учителя, которому, чтобы быть в состоянии что-то сделать для развивающегося человека, необходимо понимать подобные факты в самой их основе. Тогда он будет нести в себе то, что сделает возможным правильное воспитание ребенка на бессознательном и подсознательном уровнях общения. Тогда научится он с должным почтением относиться к тому, как устроен человек. Все в строении человека будет связано для него с мирозданием. Его отношение к строению человека будет иным, чем оно было бы, если бы он видел в человеке просто усовершенствованное четвероногое, усовершенствованное тело животного. Сегодня в общем учителя исполняют свои функции, будучи сознательно убежденными в том, что ребенок это — такая скотинка, зверек, которого предстоит развить несколько дальше, чем это в состоянии сделать природа. Но нужно, чтобы

учитель сказал себе: «Вот — человек, от него протянуты связи ко всему мирозданию, и в каждом развивающемся человеке заключено то, благодаря чему моя работа с ним имеет значение для всего мира». В каждом находящемся в классной комнате ребенке явлен центр мира, центр макрокосма. Классная комната является совокупностью многих центров макрокосма. Представьте себе: действительно живо это чувствовать — что это значит! Как здесь мысль о мироздании и его связи с человеком переходит в чувство, которое освящает все этапы преподавания! Без такого чувства по отношению к человеку и мирозданию мы не сможем правильно вести обучение. В те мгновения, когда это чувство есть, мы подспудно передаем его детям. По другому поводу я уже говорил о том, сколь сильное впечатление должно производить на нас то, что электрический ток по проводам уходит в землю и там, без всяких проводов, распространяется дальше. Приходя в школу с эгоистичными чувствами, вы нуждаетесь во всевозможных проводах — словах, — чтобы дети вас поняли. Но если вы несете в себе величественные космические чувства, развивающие идеи, о которых мы говорим, то между вами и детьми без проводников-посредников возникнут некие подземные связи. Вы станете с детьми единым целым, таинственно связанным целым. Из таких чувств и должно быть построено то, что мы называем педагогикой. Педагогика должна быть не наукой, а искусством. Но существует ли такое искусство, которому можно обучиться без постоянного обращения к своим чувствам? А те чувства, которые нужно испытывать, чтобы овладеть

величайшим жизненным искусством — педагогикой, чувства, в которых мы нуждаемся для педагогики, могут возгореться только благодаря созерцанию величия мироздания и его связи с человеком.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Штутгарт, 2 сентября 1919 г.

Если с представленной в предыдущей лекции точки зрения вы обратите взор от духа и души на телесное существо человека, то для вас не составит труда различать компоненты строения и этапы развития человеческой телесности. Поэтому, прежде чем перейти к описанию телесности человека, мы продолжим его рассмотрение с духовно-душевной точки зрения.

Вчера мы говорили о трех составных частях целого человека: человеке головы, человеке туловища и человеке конечностей. Мы видели, что отношения этих трех составных частей к миру душевного и духовного различны.

Рассмотрим вначале голову. Вчера мы сказали: голова — это преимущественно тело. Человека груди мы определили как человека «телесного» и душевного, а человека конечностей — как «телесного», душевного и духовного. Но мы не исчерпали сути головы, сказав, что голова — это преимущественно тело. В действительности составные части не разграничены, и можно было бы сказать, что голова иначе душевна и духовна, чем грудь и конечности. Голова, уже когда человек рождается, является преимущественно телом, т.е. то существенное, что делает голову головой, получает выражение, запечатлено в ее телесной форме. И то, как голова выглядит (она первой образуется в эмбриональном развитии), объясняется тем, что

качество общечеловеческого духовно-душевно проявляется прежде всего именно в ней. Как связаны с телесностью головы душевное и духовное? Поскольку формирование головы как тела является наиболее завершенным, поскольку все, что необходимо для ее формирования, она уже приобрела на ранних стадиях в животном своем развитии, постольку в телесном отношении она сформирована совершеннее всего. Душевное связано с головой таким образом, что ребенок, родившись, и далее, в продолжение первых лет жизни, все душевное имеет в грезящем состоянии в голове. Дух же в голове глубоко спит.

Итак, в человеческой голове сочетаются весьма совершенно сформированное тело, грезящая душа и глубоко спящий дух. Эти факты нам нужно согласовать со всем развитием человека. Мы знаем, что до начала смены зубов человек — преимущественно подражающее существо. Всему, что он видит вокруг себя, он подражает. Такой возможностью он обязан тому, что дух в его голове спит и может находиться вне тела. Своим духовно-душевным существом, спящим духом и грезящей душой, ребенок находится вне головы. Он пребывает с теми, кто его окружает, он живет их жизнью. Его грезящая душа преисполнена любви к ним и, прежде всего, к родителям. Когда человек проходит через смену зубов и получает вторые зубы, это означает завершение развития его головы. Будучи в телесном отношении вполне завершенной уже к моменту рождения, заключительную фазу развития голова проходит в первые семь лет жизни человека.

Формообразование завершено. В тело вошло то, что дает ему твердость, фиксирует форму. Можно сказать: когда у человека прорезываются вторые зубы, первый этап взаимодействия с миром завершен. Человек закончил то, что относится к его формообразованию, к построению его облика. Но пока, начиная с головы, привносилась форма, с человеком груди происходило нечто иное.

Грудь развивается иначе, чем голова: этот организм при рождении человека является уже телесно-душевым, лишь дух, который она имеет вовне, пребывает в грезящем состоянии. Большая бодрствленность, большая жизненность в области груди по сравнению с областью головы особенно заметна в первые годы жизни ребенка. Было бы заблуждением рассматривать человека как нерасчлененное хаотическое целое.

С конечностями — опять же — все обстоит иначе. В них с первых мгновений жизни дух, душа и тело внутреннее взаимосвязаны, взаимно пронизывают друг друга. Что ребенок бодрствует здесь с самого начала, очевидно для тех, кто воспитывает это неугомонно барахтающееся существо. Здесь все бодрственно, но не сформировано. Это вообще составляет тайну человека: когда он рождается, дух его головы в высшей степени сформирован, но спит. Душа его головы при рождении хорошо сформирована, но лишь грезит. Она пробуждается только со временем. Человек конечностей в момент рождения бодрствует, но совершенно не сформирован, не развит.

В сущности, формировать приходится человека конечностей и отчасти человека груди. Задачей человека

конечностей и человека груди является пробуждение человека головы, это истинная характеристика воспитания и обучения. Вы развиваете человека конечностей и часть человека груди, а они пробуждают другую часть человека груди и человека головы. Ребенок приходит к вам с тем, что он приносит через рождение в своем совершенном духе и относительно совершенной душе, а вам следует заниматься образованием того, что он приносит вам как несовершенный дух и несовершенную душу.

Если бы дело обстояло иначе, то истинные воспитание и обучение были бы вообще невозможны. Представьте себе, что нам предстояло бы воспитывать и обучать весь тот дух, который человек приносит с собой как задатки; тогда вам, как воспитателям и учителям, было бы всегда необходимо находиться на высоте того развития, которое может проделать наш воспитанник и ученик. Вы бы вскоре оставили профессию педагога, ибо вы могли бы воспитывать лишь настолько же умных и гениальных людей, как вы сами. На самом же деле вы в состоянии обучать и воспитывать гораздо более умных и гениальных людей, чем вы сами. Это возможно потому, что вы воспитываете только одну часть человека. Лучшее, что мы можем делать, — это воспитывать волю и, в какой-то мере, чувства. Ибо то, что мы воспитываем посредством воли (т.е. человека конечностей) или посредством чувства (т.е. определенной части человека груди), мы можем довести до той степени совершенства, какую имеем сами. И как слуга или даже бу⁰⁰_{1F}дильник в состоянии разбудить человека более

умного, чем он сам, так и менее гениальный и даже менее добрый человек может воспитать человека гораздо лучшего и умного, чем он сам. Во всяком случае, для нас должно быть очевидным, что в отношении всего интеллектуального нам нет никакой необходимости стоять выше своего воспитанника, а вот, воспитывая волю, в области нашего собственного добронравия мы обязаны стремиться достичь всего, что только возможно. Воспитанник может стать лучше, чем мы сами, но, по всей вероятности, этого не произойдет, если к нашему воспитанию не добавится другое, идущее от мира и других людей.

Я говорил в этих лекциях о гении языка, гораздо более умном, чем мы сами. Мы многое можем почерпнуть, изучая, как благодаря своему строению язык служит вместилищем духа.

Гений живет и в других окружающих нас вещах, не только в языке. Подумайте: человек является в мир так, что в области головы его дух спит, а душа грезит; от самого рождения мы должны воспитывать человека, обращаясь к его воле, ибо без воздействия на волю мы не сможем подступить к спящему духу головы. Однако, если бы мы вообще не смогли найти доступ к духу человека головы, в его развитии образовался бы большой изъян. Когда человек рождается, его дух в области головы спит. Барахтающегося младенца мы не можем учить танцевать или эвритмизировать, а коль скоро он встал на ножки и что-то лепечет — еще не время давать ему музыкальное воспитание. С живописью также пока не подступить. Мы

пока не в состоянии перекинуть настоящий мост от воли к спящему духу. Позже, если мы сможем действовать через волю ребенка, мы будем влиять и на его спящий дух. Собственно, произнося первые обращенные к нему слова, мы уже пытаемся влиять на его волю. То, что мы с помощью голоса вкладываем в эти первые слова, в виде импульсов воли проникает в спящий дух головы и начинает его пробуждать. Однако настоящий мост в первое время не может быть наведен; от конечностей с их бодрствующей волей, бодрствующим духом пока не струится поток к спящему духу головы. Здесь нужен еще один посредник. В первое время жизни человека мы, как воспитатели, имеем мало средств.

И вот на помощь приходит гений, дух, находящийся вне нас. К гению языка в начале развития ребенка мы не можем апеллировать. Однако природа имеет своего гения, своего духа. Если бы она его не имела, люди еще в младенчестве зачахли бы из-за изъяна в развитии. Гений природы создает нечто, благодаря чему может быть наведен мост. В общем процессе развития конечностей, в ходе развития человека конечностей возникает субстанция, которая, будучи в своем развитии связана и с человеком конечностей, содержит нечто от этого человека конечностей; эта субстанция — молоко. Образование молока в женском организме связано с верхними конечностями — руками. Образующие молоко органы — это то, что из конечностей продолжается внутрь сферы тела. В царстве человека и животных молоко — единственная субстанция, внутренне родственная природе конечностей, рожденная из

конечностей и содержащая в себе их силу; оно — единственная субстанция, по крайней мере в существенном, которая пробуждает спящий дух. Молоко несет в себе дух — это, мои дорогие друзья, дух, который находится во всякой материи и который проявляется там, где он должен проявляться; этот дух имеет задачу пробуждать спящий дух ребенка. Это не просто образ, а естественнонаучный факт: живущий в природе гений, в таинственных глубинах природы приготавливающий молоко, пробуждает в ребенке его спящий дух. Мы должны видеть подобные глубоко таинственные связи в мировом бытии. Так сможем мы постичь удивительные закономерности мироздания. Так постепенно мы поймем, сколько невежества заключено в наших теориях о материальной субстанции, где она рассматривается просто как нечто однородно протяженное, состоящее из атомов и молекул. Нет, материя не такова. Она такова, что в виде молока испытывает внутреннюю потребность пробуждать спящий человеческий дух. Как мы говорим о потребностях, т.е. о силах в основе воли у человека и животного, так же можем мы говорить и о «потребностях» материи. Так, при правильном взгляде все вокруг мы видим ожившим. В сущности, мы никогда не бываем свободными от связи с тем, что нас окружает.

Итак, вы видите, что о первом периоде развития ребенка заботится сам гений природы. Продолжая развивать и воспитывать ребенка, мы перенимаем у духа природы его работу. Воздействуя на ребенка посредством воли через речь или деятельность, которой он подражает, мы продолжаем то,

что до нас выполнял гений природы, питая ребенка молоком и используя для этого как средство мать. Вы видите, что природа воспитывает физически-естественно. Ведь питание ребенка молоком — это первое средство воспитания. Природа и воспитывает природно. Мы, люди, начинаем воспитывать ребенка душевным образом, воздействуя на него посредством языка и нашей деятельности. Поэтому важно, чтобы мы сознавали: как воспитатели и учителя, мы не можем многого развить в голове. Тем, чем голова должна стать в этом мире, она является уже при рождении. Мы должны пробудить то, что в ней есть, но мы не можем этого в нее вложить.

Здесь нужно указать на то, что после рождения в физическое бытие может быть внесено только нечто определенное. Всем, что образовалось лишь в ходе культурного развития, в силу внешних условностей, духовный мир не занимается. Это означает, что наши условные средства для чтения и письма (я уже говорил об этом в другой связи) ребенок, естественно, не приносит с собой. Духи не пишут. Они также и не читают. Они не читают книг и не пишут перьями. Это — изобретение спиритов, что духи ведут беседу на человеческом языке и даже пишут. Язык и письмо опираются на культуру условных форм, существующую только на Земле. И добро мы сделаем ребенку лишь в том случае, если не просто передадим ему через голову эту культурную условность чтения и письма, а станем преподавать ему чтение и письмо через грудь и конечности.

Конечно, когда семилетний ребенок приходит в школу, он перед этим не все время пролежал в колыбельке, он что-то делал, он сам развивал себя, подражая старшим, он позаботился о том, чтобы дух его головы в какой-то мере пробудился. То, что он сам успел пробудить в духе головы, мы можем использовать, чтобы научить его читать и писать, опираясь на существующие в этой области условности; но тогда нашим воздействием мы причиним духу головы вред. Таким образом, как я уже говорил, хорошее обучение чтению и письму исходит из художественного, из искусства. Начинать нужно с элементарного рисования, элементарной живописи и элементарного музыкального воспитания. Ибо они действуют на человека конечностей и человека груди и только опосредованно — на человека головы. Они пробуждают то, что заключено в человеке головы. Они не мучают человека головы, как мы его мучаем, когда интеллектуальным образом учим ребенка сложившимся условным формам письма и чтения. Если, предоставив ребенку возможность рисовать, мы из того, что он рисует, выведем формы букв, то развитие будет протекать от человека конечностей к человеку головы. Предположим, мы учим ребенка писать букву «F». Если написанную нами букву он должен сначала разглядывать, а потом копировать, то посредством такой наглядности мы действуем прежде всего на интеллект, а затем интеллект дрессирует волю. Это — превратный путь. Правильный же путь — пробуждать интеллект по возможности посредством воли. Этим путем мы идем, когда к интеллектуальному

образованию переходим от художественного воспитания. В первые школьные годы, когда ребенка только передали в наши руки, подход к обучению письму и чтению должен быть художественным.

Подумайте: ведь ребенок в то время, как вы его обучаете чтению и письму, делает еще нечто совсем другое. Он делает много такого, что не имеет прямого отношения к вашим обязанностям. Ребенок должен расти. Он должен расти, а вы, обучая и воспитывая его, не должны забывать об этом. Занятиями и воспитанием вы не должны мешать его росту, нельзя вмешиваться в этот процесс. Пусть воспитание и обучение как бы сопутствуют росту. Все это особенно важно для школьных лет. Ибо если в период до смены зубов главным является исходящий от головы процесс *формирования образования*, то в школе начальной и средней ступени главным является *развитие жизненных сил*, рост и все, что с ним связано, вплоть до вступления в возраст половой зрелости. Половой зрелостью завершается развитие жизненных сил, исходящее от человека груди. Поэтому в школе начальной и средней ступени вы имеете дело преимущественно с человеком груди. У вас ничего не получится без этого знания: в то время как вы обучаете и воспитываете ребенка, он растет и развивается посредством организма груди. Вы должны стать товарищами природы, ибо она развивает ребенка посредством дыхания, питания, движения и прочего. Вы должны стать хорошими товарищами природы. Но без знания закономерностей природного развития это невозможно. Если вы не знаете, каким образом при

обучении и воспитании вы, воздействуя душевно, можете замедлить или ускорить рост, как сможете вы хорошо воспитывать и обучать? Ведь вы имеете возможность, воздействуя душевно, в известной мере повредить силам роста ребенка. Вы можете так стеснить его рост, что он останется маленьким и тщедушным; вы можете это только до определенной степени, но такая возможность у вас есть. Вы должны знать закономерности роста человека, их телесные и душевные аспекты.

Как можем мы получить представление о душевной стороне закономерностей роста? Тут нам понадобится психология получше той, которой пользуются сегодня. Такая лучшая психология скажет нам, что всё ускоряющее процессы роста, всё направляющее силы роста в человеке так, что он делается выше, — определенным образом связано с формированием памяти. Слишком много требуя от памяти, мы, в известных пределах, делаем человека худым и высоким. Перенапрягая способность воображения, мы сдерживаем человека в его росте. Память и воображение сокровенно связаны с ростом. Мы должны приучить свои глаза видеть эти взаимосвязи.

Учитель должен быть в состоянии проделать, например, следующее. Он должен охватить обобщающим взором своих учеников в начале учебного года — в особенности в начале тех эпох жизни, которые связаны с возрастом девяти и двенадцати лет. Он должен провести для себя как бы смотр телесного развития детей, заиметь, как они выглядят. В конце

учебного года или по завершении какого-то другого этапа он повторяет смотр и отмечает произошедшие в детях изменения. В результате он может прийти к заключению, что тот или иной ребенок не настолько вырос, насколько мог бы, или вырос чрезмерно. Тогда он должен спросить себя: «Что в следующем учебном году должен я делать, чтобы установить равновесие между воображением и памятью, чтобы выправить аномалию?»

Видите ли, очень важно, чтобы ученик на протяжении всех школьных лет находился под наблюдением одного учителя, и обычай каждый год передавать ученика другому учителю весьма нелеп. Должно быть как раз наоборот. Своих учеников учитель узнает шаг за шагом — в начале каждого учебного года, в начале эпох развития (седьмой, девятый, двенадцатый годы). Он выделяет учеников, представляющих тип ребенка с повышенной способностью воображения, которые все внутренне перестраивают по-своему, и учеников, представляющих тип ребенка с преобладающей способностью памяти, которые все замечают. Учитель, благодаря упомянутым двум смотрам, должен их знать и не только следить за внешнетелесным ростом, но и соответственно фантазии и памяти ребенка решать, угрожает ли ему слишком быстрый рост (это может произойти, если ребенок имеет хорошую память) или задержка в росте из-за чрезмерно развитого воображения. Дело не в том, чтобы на словах признавать связь между телом и душой, а в том, чтобы уметь видеть, как именно взаимодействуют в ребенке тело, душа и дух. Дети, одаренные воображением, растут иначе, чем дети, одаренные памятью.

Сегодня психологи описывают все по отдельности: вот — память, вот — воображение. В действительности все взаимосвязано. И мы только тогда поймем эти взаимосвязи, когда им станет соответствовать наша способность понимания. Это значит, что нашу способность понимания мы будем использовать не для того, чтобы все определять, но так, чтобы наше понимание само было подвижным, чтобы понятое могло изменяться, внутренне, понятийно изменяться.

Вы видите, что духовно-душевное само собой приводит к плотско-телесному. Оно приводит к нему в такой степени, что мы можем сказать: посредством телесного воздействия, посредством молока в первое время после рождения гений природы воспитывает ребенка. Затем, начиная со времени смены зубов, в школьном возрасте, мы воспитываем ребенка, делая процесс обучения художественным. К концу школы средней ступени происходит новое существенное изменение: все более заявляют о себе способность самостоятельного суждения, чувство личности, индивидуальная напористость. Формируя учебный план, мы должны это иметь в виду и использовать то, что должно происходить с детьми.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Штутгарт, 3 сентября 1919 г.

Изучать человеческое тело мы должны в связи с окружающим его физически-чувственным миром, ибо оно пребывает в состоянии постоянного поддерживающего его обмена с этим миром. В нашем воспринимаемом физическими чувствами мире мы наблюдаем минеральную, растительную и животную формы существования. Со всеми этими формами существования наше тело находится в родстве. Но ни один из видов родства нельзя установить поверхностным наблюдением: необходимо глубже проникнуть в существо природных царств.

Физическую телесность человека мы воспринимаем прежде всего как совокупность костей и мускулов. Затем мы воспринимаем кровообращение с его органами, воспринимаем дыхание, процессы питания. Мы воспринимаем, как из разных видов сосудов — так их называет естествознание — образуются органы. Мы воспринимаем мозг и нервы, органы чувств; перед нами стоит задача — все эти органы и процессы, которым они служат, связать с внешним миром, в котором находится человек.

Начнем с того, что на первый взгляд кажется самым совершенным в человеке (как дело обстоит в действительности, мы уже видели), — возьмем за исходный пункт нервно-мозговую систему вместе с органами чувственного восприятия. Эта организация в человеке прошла долгий путь развития, часть

которого она совершила в животном мире. Что касается его головной организации, человек, в известном смысле, прошел сквозь животный мир и вышел за его пределы, пройдя от системы животной до системы собственно человеческой, что наиболее явно выражено в самом строении головы.

Вчера мы говорили о том, в какой мере голова участвует в индивидуальном человеческом развитии, в какой мере облик, форма человеческого тела определяются силами, исходящими от головы. Мы видели, что с началом смены зубов, к седьмому году жизни, действие головы в своем роде завершается. Что же происходит, когда голова взаимодействует с органами туловища и конечностей? Какова функция головы? Она постоянно формирует, придает форму. В первые семь лет жизни она изливает мощные формообразующие силы, воздействующие вплоть до физических форм; но и в дальнейшем голова постоянно помогает поддерживать, одушевлять и одухотворять физический облик человека.

Голова связана с общим формированием тела человека. Значит ли это, что она придает нам наш человеческий облик? Нет, этого она не делает. Вам нужно свыкнуться с той мыслью, что голова постоянно втайне хочет сделать из вас нечто иное по сравнению с тем, чем вы являетесь. Есть мгновения, когда голова хотела бы вас преобразовать так, чтобы вы выглядели как волк. Есть мгновения, когда она хотела бы вас преобразовать так, чтобы вы выглядели как агнец или же как змий, как дракон. Все облики, которые вам хотела бы придать голова, вы найдете в природе в виде животных форм.

Рассматривая то или иное животное, вы можете сказать: «Это — я сам; но только в тот момент, когда голова хочет придать мне облик, например, волка, организация моего туловища и организация конечностей преобразуют волчий облик в человеческую форму». Вы постоянно преодолеваете в себе животное начало. Вы преодолеваете его, не давая ему полностью воплотиться, вы метаморфизируете его, преображаете. Итак, посредством своей головы человек связан с животным царством, но, создавая себе тело, он постоянно преодолевает это царство. Что же остается в нас неизменным? Представьте себе, что вы видите человека. Вы можете провести интереснейшие рассмотрения. Подумайте: у него наверху голова, там движется волк, но человек не становится волком; туловище и конечности преобразуют его. Вот движется агнец, но он преобразуется — туловище и конечности растворяют его, делают незримым.

Сверхчувственно-животные формы непрестанно возникают и исчезают в человеке. Что увидели бы мы, если бы сделали сверхчувственную фотографию и запечатлели весь этот процесс на фотографической пластинке или даже на серии фотографических пластинок? Мы увидели бы мысли человека — сверхчувственный коррелят того, что не находит чувственного выражения, того постоянно распространяющегося от головы вниз метаморфоза животного мира, который сверхчувственно действует в человеке как мыслительный процесс. Это — сверхчувственный реальный процесс. Ваша голова — не просто сидящая на плечах лентяйка, она хотела бы сделать из вас

животное. Она придает вам формы животного царства, она хочет, чтобы непрерывно возникали животные царства. Но туловище и конечности не допускают того, чтобы в ходе вашей жизни образовалось животное царство; вы преобразуете это животное царство в мысли. Так связаны мы с животным царством. Мы позволяем ему сверхчувственно образоваться в нас и, не допуская его до чувственной действительности, отбрасываем его обратно в сверхчувственное. Туловище и конечности не допускают в свои владения этих непрерывно возникающих животных. Когда голова обнаруживает слишком сильную склонность производить животное, остальной организм противится этому и, чтобы совладать с ней, прибегает к мигреням и тому подобным направленным против нее средствам.

Туловище также связано с окружающим миром. Но оно связано не с животным миром, а со всем растительным царством. Грудь человека, система органов его туловища, таинственно связана с растительным царством. В системе «туловище—грудь» главными процессами являются кровообращение, дыхание, питание. Они взаимосвязаны с тем, что вовне, в физически-чувственной природе происходит в царстве растений. Но это весьма своеобразная связь.

Начнем с дыхания. Что делает человек, когда он дышит? Вы знаете, что он усваивает кислород, который соединяется в нем с углеродом и образует углекислоту. Углерод появляется в организме вследствие преобразования питательных веществ и, соединяясь с кислородом, образует углекислоту. Но

представьте себе, что эту углекислоту человек не выделяет, а оставляет в себе. И при этом он может отделять углерод от кислорода — что бы произошло при этом? Если бы человек был в состоянии внутри себя освободить кислород, а углерод перерабатывать — что возникло бы в человеке? В нем возник бы растительный мир. Ибо как обстоит дело с растениями? Они не вдыхают все время, подобно человеку, кислород, а ассимилируют углекислый газ. Растения днем поглощают углекислый газ и отдают кислород. (Если бы они этого не делали, нам и животным пришлось бы плохо.) Растения удерживают углерод, из которого они образуют крахмал, сахар и все прочее, что в них есть; так строят они весь свой организм. Растительный мир — это прошедший через метаморфоз углерод, выделенный растениями в процессе ассимиляции углекислоты. Этот процесс соответствует у растения нашему процессу дыхания. Растение также в какой-то мере дышит, но это не то дыхание, что у человека. Только при поверхностном наблюдении может показаться, что растение «тоже дышит». Хотя оно и дышит немного, ночью, но процесс дыхания у растения иной, чем у человека и животного; подобно тому, как лезвие для бритья отличается от столового ножа. Человеческому процессу дыхания в растении соответствует противоположный процесс, процесс ассимиляции.

Видите ли, продолжив в себе процесс, благодаря которому образуется углекислый газ, таким образом, что снова произойдет разделение на кислород и углерод, как во внешней природе, вы вырастите в себе целый растительный мир. Вы

исчезнете, и вместо вас возникнет растительный мир. Человек обладает способностью производить растительный мир, но эта способность не реализуется. Система туловища постоянно испытывает потребность производить растительный мир, но голова и конечности ограждают себя от этого: человек выделяет углекислый газ, не допуская возникновения внутри себя растительного мира — чтобы он возник вновь.

Особенностью связи туловища с окружающим его миром является то, что снаружи находится растительное царство, а человек, чтобы не стать растением, вынужден постоянно, как только в нем начинается вегетационный процесс, переносить этот процесс вовне. Можно сказать: силами груди и торса человек в состоянии создавать нечто, что противоположно растительному царству, своего рода растительное антицарство. Представьте себе, что растительное царство — это позитив, тогда окажется, что человек производит его негатив. Он производит, так сказать, растительное царство наоборот.

Что же происходит, когда растительное царство внутри укрепляется, когда голова и конечности не в силах подавить его в зародыше? Тогда человек заболевает! В сущности, болезни, коренящиеся в организации груди и торса, возникают, когда человеку недостает сил для того, чтобы тотчас подавлять начинающуюся вегетацию. В тот момент, когда в нас, хотя бы слегка, зарождается растительное начало и мы оказываемся не в состоянии этому препятствовать и вынести его из себя, мы заболеваем. Так что сущность болезненного процесса заключается в том, что в человеке «начинают расти» растения.

Они, конечно, не становятся настоящими растениями, ибо внутри человека для лилии, например, не создается подходящей среды, но вследствие слабости упомянутых систем организма тенденция к образованию растительного мира усиливается — и человек заболевает. В известном смысле растительное царство заключает в себе образы всех наших болезней. Такова тайна отношения человека к миру природы: он может видеть в растениях не только — как это было показано в другой связи — образы своего развития до наступления половой зрелости, но и образы своих болезненных процессов, поскольку в растениях заложена способность к плодоношению. Такие вещи некоторым придется не по душе, ибо они любят растительный мир эстетически; впрочем, пока растительный мир осуществляет себя вне человека, их эстетика вполне уместна. Но в тот момент, когда растительный мир возникает в человеке, когда нечто в человеке стремится к растительному бытию и начинает становиться им, тогда то, что вовне предстает как прекрасный мир растений, в человеке оказывается причиной заболевания. Медицина только тогда станет наукой, когда она всем заболеваниям найдет соответствия в растительном мире. Итак, когда человек выдыхает углекислый газ, он для своего существования, в сущности, выдыхает из себя вовне растительный мир, стремящийся образоваться в нем. Поэтому нас не должна удивлять та связь, что существует между болезненными и здоровыми процессами в человеке и ядами, производимыми растениями, выходящими, так сказать, за пределы нормального

растительного бытия. Но сказанное относится, в некотором смысле, и к нормальным процессам питания.

Да, мои дорогие друзья, питание, которое, подобно дыханию, осуществляется — по крайней мере начинается — в организме груди и торса, должно быть рассмотрено весьма сходным образом. В процессе питания, как и в процессе дыхания, человек принимает в себя вещества окружающего мира, но он не оставляет их такими, каковы они есть; он их преобразует. Он преобразует их с помощью получаемого в процессе дыхания кислорода. Вещества, полученные из пищи, он связывает с кислородом. Это выглядит как сгорание, как если бы человек внутри себя постоянно горел. Естествознание считает, что в человеке и в самом деле постоянно совершается процесс сгорания. Но это неверно. Это не настоящее сгорание, у этого процесса — обратите внимание— нет ни начала, ни конца. В самом человеке этот процесс не начинается и не оканчивается, в нем протекает только средняя его стадия. Начальная стадия процесса сгорания, подобного тому, который совершается при созревании плодов, на человеческий организм действует разрушительно; так происходит, например, если человек лакомится незрелыми фруктами. Процесса, подобного сгоранию в его начале, человек не может вынести — он делается больным. Если человек ест много незрелых плодов, как это делают крепкие сельские жители, он должен быть тесно связан с природой; тогда он может переваривать незрелые яблоки и груши не хуже, чем вызревшие на солнце плоды. Итак, человек может вынести только среднюю стадию

процесса. Когда процесс приходит к завершению, когда он становится подобным тому, который ведет к гниению зрелых плодов, тогда человек не может в нем участвовать: он вынужден отбрасывать, выделять питательные вещества. В человеке процессы, совершающиеся в природе, протекают иначе, чем они протекают в окружающем мире: в человеке совершается только средняя стадия природного процесса.

Теперь рассмотрим дыхание. Оно является противоположностью всему тому, что происходит снаружи, в растительном мире. Это, так сказать, антирастительное царство. Дыхание человека — это антирастительное царство, оно внутренне соединено с процессом питания, представляющим собой среднюю стадию внешнего природного процесса. В организме груди и торса совершается двойное: антивегетативный процесс дыхания и средняя стадия внешнего природного процесса. Они взаимодействуют друг с другом. Здесь душа и тело находятся в таинственной взаимосвязи. Когда то, что совершается в процессе дыхания, взаимодействует с тем природным процессом, который в человеке представлен только в своей средней стадии, тогда душевное, т.е. антивегетативный процесс, взаимодействует с тем, что стало человеческой телесностью, т.е. средней стадией природного процесса. Наука не многого достигнет в изучении взаимоотношения между телом и душой, пока она не обратится к исследованию скрытой связи между приобщенным к душе дыханием и приобщенной к телу средней стадией природных процессов. Этот природный процесс начинается вне человека и

завершается, будучи выделенным из человека. Посредством тела человек связан со средней его стадией и одушевляет его в процессе дыхания.

Тонкая ткань совершающихся здесь процессов в будущем должна стать объектом тщательного изучения со стороны медицины и гигиены. Гигиена будущего спросит: как во внешнем мире взаимодействуют различные степени тепла? Как действует тепло при переходе от холодного к более теплomu, и наоборот? И как действует в человеческом организме то, что вовне представляет собой тепловой процесс? Применительно к человеку будет изучаться взаимодействие воздуха и воды в природном процессе вегетации.

В отношении этих вещей современная медицина находится едва ли не в самом начале. Существенное для себя она видит в том, чтобы, столкнувшись с той или иной болезнью, найти бацилл или бактерий как ее возбудителей. Обнаружив их, она испытывает удовлетворение. Однако гораздо важнее понять, почему в какой-то момент в человеке начинается вегетационный процесс и бациллы находят в нем подходящие условия для развития. Наш организм мы должны поддерживать в таком состоянии, чтобы он не становился удобной почвой для какой бы то ни было вегетации, тогда болезнетворные силы не нанесут вреда.

Далее в нашем рассмотрении связи телесной организации человека с внешним миром следует вопрос об участии костей и мускулов в общем жизненном процессе человека.

Здесь мы подходим к тому, что, безусловно, нужно понимать, если вы хотите понимать человека, и на что современная наука почти не обращает внимания. Рассмотрим, например, что происходит, когда рука сгибается в локте. Происходит натяжение мускулов, вызывающее чисто механический процесс. Представьте себе теперь, что сначала вы вытянули руку таким образом. Затем, напрягая связку (с), вы сокращаете ее и приводите этот рычаг в следующее положение.

рис. 14

Это вполне механическое движение. Такие же механические движения вы производите, когда сгибаете колени или ходите. При хождении вся машина вашего тела пребывает в движении, в рычагах непрерывно действуют силы. Вообразите, что с помощью некоего хитроумного фотографирования вам удалось сфотографировать не его, но силы, которые человек использует при хождении. Силы, которые он употребляет на то, чтобы поднять ногу, чтобы ее поставить, чтобы то же самое проделать с другой ногой, — эти силы будут сфотографированы. После проявления на месте действия этих сил вы увидите тень, а хождение предстанет как целая вереница теней. Вы сильно заблуждаетесь, если полагаете, что вы с вашим «я» живете в мускулах. Вы вашим «я», даже когда вы бодрствуете, живете не в мускулах, не в

плоти, но в этой тени, которую вы сфотографировали, в тех силах, которые движут ваше тело. Как ни гротескно это звучит, но когда вы сидите, облокотившись на спинку стула, то вы вашим «я» живете в силе давления вашей спины на спинку стула. Когда вы стоите, вы живете в силе давления ваших ног на почву. Вы всегда живете в силах. Вы вашим «я» живете не в видимом теле. Последнее вы лишь носите с собой от рождения до смерти. И в бодрственном состоянии вы живете только в силовом теле. Что же делает это тело сил? Оно выполняет совершенно особенную задачу.

Питаясь, вы принимаете в себя различные минеральные вещества. Даже если вы не слишком обильно посолили суп — соль всегда содержится в пище, — вы все равно принимаете в себя минеральные вещества. Что же вы делаете с этими минеральными веществами? Ваша голова ничего не может с ними поделать, туловище — тоже. А вот система конечностей препятствует тому, чтобы они могли принять присущую им кристаллическую форму. Если бы заключенные в ваших конечностях силы не действовали, то, употребляя в пищу соль, вы сами стали бы кубиком поваренной соли. Ваша система конечностей, ваши кости и мускулы имеют тенденцию противодействовать земной минерализации, тенденцию растворять минералы. Силы, растворяющие в нас минералы, идут от системы конечностей.

Когда болезненный процесс выходит за рамки вегетативного, когда тело склонно допустить в себе не только растительные, но также минерализационный и

кристаллизационный процессы, тогда развиваются высшие, особенно разрушительные формы заболеваний, например сахарная болезнь. В этом случае тело оказывается не в состоянии силами своей системы конечностей, черпаемыми из внешнего мира, растворить минералы. И если сегодня мы не можем справиться с болезнями, коренящимися в нездоровой минерализации тела, это так или иначе связано с тем, что мы не умеем в должной мере применить препятствующие этой болезни средство, которое все мы должны извлекать из факторов органов чувств, мозга, нервных волокон и тому подобного. Мы должны эти мнимые вещества (я называю их намеренно «мнимыми веществами»), содержащиеся в органах чувств, в мозгу, в нервах, эту распадающуюся материю так использовать, чтобы победить такие болезни, как подагра или диабет. В этой области только тогда может быть найдено исцеление для человечества, когда связь человека с природой будет понята с точки зрения, изложенной мною в этой лекции.

Тело человека возможно понять, только познав происходящие в нем процессы, познав, что человек должен растворить в себе минерал, обратить в противоположность растительный мир, одухотворить животное царство. Все знания учителя о телесном развитии должны основываться на таких антропологических, вернее, антропософских рассматриваниях. О соответствующих им педагогических принципах мы будем говорить завтра.

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Штутгарт, 4 сентября 1919 г.

Постичь связь человека с внешним миром, понять, что мы, имея в виду эту связь, должны делать для ребенка, мы сможем, если положим в основу представления, которые составили себе на протяжении этих лекций. Наша задача — соответствующим образом применить эти представления к жизни. Обратимся к той двойственной связи человека с внешним миром, о которой мы говорим, противопоставляя строение конечностей строению организма головы.

рис.15

голова

конечности

Особенно трудно усваивается представление о том, что формы конечностей являют собой как бы вывернутую наизнанку, подобно перчатке или чулку, форму головы. Это обстоятельство имеет огромное значение в жизни человека. Представим это схематически: форма головы образована так, будто изнутри она выдавлена наружу, конечности же испытывают извне такое давление, какое мог бы испытывать вывернутый наизнанку лоб. Ваш внутренний человек стремится в направлении лба изнутри наружу. В то же время ваши ладони

и поверхности ступней постоянно испытывают давление извне, подобное тому, которое изнутри испытывает лоб. Таким образом, через ваши обращенные к внешнему миру ладони, через ваши стоящие на Земле ступни извне струится то же, что изнутри струится к вашему лбу. Это исключительно важное обстоятельство: мы видим, как духовно-душевное действует в человеке. Это духовно-душевное представляет собой поток. Оно струится через человека.

Чем же является человек для духовно-душевного? Представьте себе плотину на пути потока воды — так и духовно-душевное «запруживается» в человеке. Человек — это плотина для духовно-душевного. Оно хотело бы беспрепятственно протекать через человека, но оно задерживается, замедляется. Это, конечно, весьма своеобразный поток. Действие духовно-душевного в человеке я назвал потоком, но что это означает для человеческой телесности? Это — непрерывное всасывание человека.

Мы противостоим окружению: духовно-душевное постоянно стремится поглотить находящегося в мире человека. Поэтому снаружи мы все время отслаиваемся, отделяем от себя шелуху. Там же, где разрушающий нас дух недостаточно силен, например в ногтях, — там мы сами должны отделять от себя части нашей телесности. Дух разрушает все, а тело сопротивляется его разрушительной деятельности. В человеке должно поддерживаться равновесие между разрушающей силой духовно-душевного потока и восстанавливающей силой тела. На пути этого потока находится грудно-брюшная

организация, препятствующая разрушению и наполняющая человека материальным. Таким образом, вы видите, что конечности — действительно самое духовное в человеке; в них менее всего производится материи. Конечности материальны только благодаря тому, что посылает организм груди и живота в совершающиеся в них процессы обмена веществ. Наши конечности в высшей степени духовны; совершая движения, они питаются от тела. Тело же, может рассчитывать только на себя, на то, к чему человек предрасположен от рождения. Если конечности двигаются слишком мало или неправильно, они недостаточно истощают тело. Тогда организм груди и живота находится в благоприятном положении, — для него благоприятном, — он недостаточно истощается конечностями. Образовавшийся запас он использует для того, чтобы создавать избыточную материальность. Эта материальность проникает в то, что от рождения заложено в человеке, чем он должен обладать как телесностью, ибо как душевно-духовное существо он родился [в телесном мире]. Она пропитывает то, что он должен иметь, тем, чего в нем не должно быть, тем, что он имеет в качестве материи только как земной человек и что не заложено в нем, в настоящем смысле слова, ради духовно-душевного — в нем все более и более образуется жир. Откладываясь в человеке, жир становится препятствием для того духовно-душевного процесса, при котором происходит всасывание, поглощение, — его путь к голове затрудняется. Поэтому поступают неправильно, когда разрешают детям есть много пищи, способствующей образованию жира. При такого

рода питания голова отделяется от духовно-душевного. Жир лежит на пути духовно-душевного, и голова становится пустой. Здесь дело заключается в том, чтобы выработать подход, соответствующий социальным условиям жизни ребенка. У взрослого ожирение может быть обусловлено разными причинами, но детям с нормально сформированным телом, т.е. с телом не склонным к аморфному накоплению жира, нужно помогать, давая им соответствующее питание, не ведущее к ожирению.

Лишь осознав огромное значение этого обстоятельства, мы сможем осознать и меру нашей ответственности; ведь, позволяя ребенку накапливать излишний жир, мы затрудняем течение того мирового процесса, который пронизывает человека духовно-душевным.

Видите ли, в голове человека происходит нечто совсем особенное: духовно-душевное запруживается и отбрасывается назад, подобно воде, натолкнувшейся на преграду. Это значит, что все материальное, несомое духовно-душевным, — подобно тому, как Миссисипи несет песок, — отбрасывается обратно в мозг, так что в мозгу, где запруживается духовно-душевное, образуются как бы скрещивающиеся потоки. В процессе этого отбрасывания, отражения материального в мозгу постоянно разрушается материя. Когда еще пронизанная жизнью материя разрушается, т.е. отбрасывается, как я описал, — образуются нервы. Нервы образуются, когда несомая духом материя разрушается и отмирает в живом организме. Нервы — это отмершая материя. Так в человеке образуются проходящие

повсюду каналы, наполненные отмершей материей, — нервы. По ним в человеке распространяется духовно-душевное, ибо оно нуждается в распадающейся материи. На поверхности тела человека оно становится причиной распада материи, шелушения. Чтобы духовно-душевное могло наполнить человека, в нем сначала должна отмереть материя. По путям нервов, образованных отмершей материей, внутри человека движется духовно-душевное.

Итак, мы видим, каким образом духовно-душевное работает в человеке. Проникая извне, оно действует всасывающе, поглощающе. Оно проникает, запруживается, откатывается, умертвляет материю. Мы видим, как материя распадается, образуя нервы, по которым — изнутри наружу — духовно-душевное подступает к коже, ведь органически-живое непроницаемо для духовно-душевного.

Как можем мы представить себе органическое, живое? Живое принимает в себя духовно-душевное, т.е. не пропускает его. Мертвое, материальное, минеральное мы можем представить себе как нечто, пропускающее духовно-душевное. Так что вы можете получить определение как телесно-живого, так и костно-нервного и вообще минерально-материального: органически-живое непрозрачно для духа, физически-мертвое прозрачно для духа. «Кровь — это совсем особенный сок», в отношении духа она ведет себя как непрозрачная материя в отношении света: она не пропускает дух, удерживает его в себе. Нервная субстанция — также совершенно особая субстанция. В отношении духа она ведет себя как прозрачное стекло в

отношении света. Как прозрачное стекло пропускает свет, так физическая материя, нервная материя, пропускает дух.

Таково различие между двумя составными частями человека: между минеральной, прозрачной для духа частью и более животной, более органически-живой частью, задерживающей в себе дух и побуждающей его создавать формы, составляющие организм.

Все это имеет большое значение для педагогики. Когда человек физически трудится, его члены находятся в движении и он целиком и полностью плавает в духе. Это не тот дух, который запружен в нем, это дух, который находится вовне. Колем ли мы дрова или идем куда-то, всегда, когда мы движемся, когда мы выполняем какую-нибудь работу — безразлично, полезную или бесполезную, — мы купаемся в духе, мы постоянно окружены духом. Это очень важно. Но спросим себя: когда мы работаем умственно, размышляем, читаем, — как обстоит дело в этом случае? Тогда мы имеем дело с духовно-душевым, находящемся в нас. Тогда мы не купаемся в окружающем духе, но духовно-душевное работает в нас и пользуется нашим телом, полностью выражая себя в телесном процессе. Внутри организма, вследствие запруженности духовного потока, происходит постоянное отбрасывание, отложение материи. Когда мы заняты умственным трудом, наше тело пребывает в состоянии чрезвычайно активной деятельности; при физическом труде, наоборот, активно деятелен наш дух. Мы не можем трудиться духовно-душевно без того, чтобы внутренне в этом не

принимало участия наше тело. Если же мы трудимся телесно, внутреннее духовно-душевное участвует только постольку, поскольку нужно думать о направлении движений; в основном духовно-душевное действует снаружи. Трудясь физически, мы вработываемся в мировой дух. Телесная работа духовна, духовная работа телесна. Этот парадокс нужно воспринять и понять. Дух омывает нас, когда мы трудимся телесно. В духовной же работе материя активна, деятельна в нас.

Это следует знать, чтобы иметь правильное представление о труде духовном и физическом, о том, что такое отдых и усталость. Допустим, человек слишком много работает конечностями, слишком много работает физически — каких последствий следует ожидать? Того, кто работает физически, омывает действующий извне дух, который может приобрести слишком большую власть над человеком. Слишком много работая физически, мы становимся чрезмерно духовными, чрезмерно духовными снаружи. Мы слишком надолго должны отдаваться духу, слишком долго спать. Слишком много работая телесно, мы должны слишком много спать. Слишком долгий сон, в свою очередь, предполагает преобладание такой телесной деятельности, которая исходит из грудно-брюшного организма, а не из головы. Она излишне возбуждает жизнедеятельность, мы становимся слишком горячими, лихорадочными. Кровь усиливает свою деятельность и не успевает перерабатываться в теле из-за того, что мы слишком много спим.

А нерадивые люди — они спят так охотно и так много; отчего это происходит? Оттого, что им приходится работать. Нерадивый работник спит не потому, что мало трудится, он должен тоже целый день двигать ногами и шевелить руками. Он тоже что-то делает, делает даже не меньше, чем спорый работник, однако он делает это неосмысленно. Спорый работник обращен к внешнему миру, он действует со смыслом. Вот в чем различие. Неосмысленная деятельность, которой занят нерадивый, скорее склоняет ко сну; трудясь же осмысленно, мы не просто лишь купаемся в духе, но постепенно вытягиваем дух в себя. Производя рукой осмысленное движение, мы соединяемся с духом, и дух не нуждается в том, чтобы слишком много работать во сне, ибо мы работаем с ним в сознании. Поэтому дело не в том, чтобы человек трудился — трудится и нерадивый, — но в том, чтобы человек трудился осмысленно. Трудиться осмысленно. Мы должны понять смысл этих слов, если хотим стать воспитателями детей. Когда же человек трудится неосмысленно? Тогда, когда он действует так, как требует его тело. Осмысленно трудится он тогда, когда его действия согласуются с окружающим. Это мы должны учитывать как воспитатели. Ведь мы можем, например, физическую активность ребенка сводить к тому, что не выходит за рамки телесного, — к физиологической гимнастике, — когда мы спрашиваем у тела, какие нам делать движения. Но у нас есть и другая возможность: движения ребенка должны стать осмысленными, исполненными смысла — так, чтобы своими движениями он не купался в духе, но

следовал духу, направлялся духом. В этом нам может помочь эвритмия. Чем больше дети будут заниматься какого-либо рода физкультурой, тем большая будет у них потребность в сне, тем легче будет в них развиваться склонность к ожирению. И чем лучше мы будем чередовать занятия движением, ориентированным на закономерности тела, — от которых мы, разумеется, не станем вовсе отказываться, — с исполненными смысла эвритмическими движениями, каждое из которых является выражением одного из звуков речи, носителем определенного смысла, тем лучше будут сбалансированы потребности в бодрствовании и сне, тем более здорово будет организована жизнь ребенка в отношении воли, т.е. во внешнем отношении. То, что гимнастика постепенно перестала быть осмысленной и попросту следует за телом, — одно из следствий материалистической эпохи. А то, что из нее хотят сделать спорт, в котором движения уже не просто лишены смысла и значения, но в них вкладывается антисмысл, грозит человеку не просто материализмом в мышлении, но низвержением его на уровень животности ощущений. Чрезмерное увлечение спортом — это дарвинизм на практике. Теоретический дарвинизм доказывает, что человек произошел от животного. Практический дарвинизм — это спорт, который возвращает человека на ступень животного.

Приходится высказываться столь радикально, ведь сегодня воспитателям нужно сознавать все это совершенно отчетливо, ибо они должны не просто воспитывать вверенных им детей, они должны действовать и социально, труд их должен

отражаться на всем человечестве, чтобы не получало распространение то, что делает людей звероподобными. Это не ложная аскеза, а объективный взгляд на вещи, знание столь же достоверное, как прочие естествен⁰⁰_{1E}нонаучные данные.

Как же обстоит дело с умственным трудом? Умственный труд, такой, как мышление, чтение и т.п., всегда сопровождается телесной деятельностью, непрерывным внутренним распадом органической материи, ее отмиранием. Проведя день в ученых занятиях, к вечеру мы оказываемся вместилищем большого количества распавшейся органической материи. Она действует в нас. Она мешает нашему спокойному сну. Чрезмерный умственный труд так же нарушает сон, как чрезмерный физический труд вызывает сонливость. Однако, напрягая духовно-душевные способности — когда мы, например, читаем что-нибудь трудное для понимания и при чтении нам приходится думать, (что недолюбливают современные люди), когда, стало быть, нам приходится, думая, много читать, — мы засыпаем. Слушая не доводы ораторов-демагогов или кого-то, кто повторяет общеизвестные вещи, но того, за чьими словами мы должны следовать своим мышлением, ибо он говорит нам о том, чего мы не знаем, — мы делаемся усталыми и сонными. Это известное явление: люди, не привыкшие следовать за мыслью или не обладающие определенной культурой чувства, пойдя на лекцию или на концерт «ради приличия», засыпают при первой же фразе, при первом же звуке и продолжают спать в течение всего вечера.

Здесь опять нам предстоит различать двойное. Как существует различие между внешней деятельностью осмысленной и бессмысленной, так различны механически протекающая внутренняя мыслительная или созерцательная деятельность и мыслительная или созерцательная деятельность, сопровождаемая чувством. Если духовно-душевная деятельность протекает так, что мы связываем с ней интерес, то этот наш интерес, наша заинтересованность оживляюще влияет на работу органов груди и предохраняет нервы от чрезмерного отмирания. Чем больше вы читаете чисто механически, не заботясь о том, чтобы воспринимать читаемое с подлинным интересом, тем активнее происходит отмирание вашей внутренней материи. Чем с большим интересом и теплом вы следите за тем, что воспринимаете, тем больше стимулируете вы деятельность крови, поддерживаете жизнеспособность материи и препятствуете тому, чтобы ваша духовная деятельность нарушала сон. Заучивание к экзамену — деятельность, противоречащая интересу. Хотя, следуя одному лишь интересу, экзамена не выдержать, по крайней мере при сегодняшних порядках. Следствием зубрежки перед экзаменом бывает бессонница, нарушение нормального течения жизни. Это следует помнить, имея дело с детьми. Поэтому было бы лучше всего (это было бы идеалом педагогики) устранить вообще все, связанное с экзаменами, полностью отказаться от экзаменов, чтобы конец учебного года не отличался от его начала. Педагоги должны спросить себя: «Зачем нам экзаменовывать детей?» Мы постоянно имеем их перед глазами,

и нам отлично известно, что они знают, а чего не знают. Конечно, в нынешних условиях это может быть пока только идеалом; и вообще я вас прошу не выплескивать без удержу свою бунтарскую натуру вовне. Обратите сначала жало вашей неудовлетворенности современной культурой вовнутрь, чтобы постепенно — в этой области можно действовать лишь постепенно — люди учились думать иначе; тогда и социальные отношения примут другие формы, отличные от тех, которые мы сегодня имеем.

Нужно все рассматривать во взаимосвязи. Нужно знать, что эвритмия — это пронизанная смыслом внешняя деятельность, одухотворение физического труда; не банальным же образом пробужденный интерес к обучению — оживление, буквально оживление, кровоснабжение умственного труда.

Наш внешний труд мы должны одухотворять, а наш внутренний, наш умственный труд мы должны сделать полнокровным! Обдумайте это, и вы увидите, что первое важно в воспитательном и социальном отношении; а второе важно в воспитательном и гигиеническом отношении.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Штутгарт, 5 сентября 1919 г.

Рассматривая человека с точки зрения подлинного педагогического искусства, особое внимание мы обращаем на его внешнетелесную трехчленность. То, что связано с головой, мы отличаем от того, что связано с грудью, с туловищем и с конечностями. Мы знаем, что система конечностей гораздо сложнее, чем принято думать, ибо они, как мы видели, образованы извне внутрь и продолжают в глубь человека; мы проводим различие между тем в человеке, что построено изнутри наружу, и тем, что, в некотором смысле, внедрено в его тело извне.

Рассматривая трехчленное строение человеческого тела, мы ясно видим, что голова как таковая уже является целым человеком, возвысившимся над животным царством целым человеком.

Мы можем видеть упомянутую трехчленность в самой голове. Она содержит в себе, так сказать, голову головы. Голова обладает туловищем: это ее срединная часть, то, что относится к носу. Она обладает также конечностями: это — система рта. Так что на примере головы мы можем видеть, как устроено все тело человека. Грудная часть головы, однако, несколько захирела. Она настолько редуцирована, что родственность носа легким проявляется довольно неотчетливо. Но все, что относится к носу, родственно легким. Человеческий нос — это

как бы метаморфизированные легкие. Процесс дыхания он делает более физическим. Было бы заблуждением считать легкие органом менее духовным, чем нос. Легкие построены гораздо более искусно. Они более пронизаны духовным или, по крайней мере, душевным, чем нос, который, говоря по правде, бесстыдно торчит наружу посреди лица; легкие, хотя они и более душевны, целомудренно скрыты от взора.

Рот состоит в родстве с тем, что относится к обмену веществ, к пищеварению, питанию, и с теми силами, которые через конечности вливаются в человека. Таким образом, голова — это человек в целом, у которого то, что не присуще самой голове, захирело. Грудь и нижняя часть туловища также есть в голове, но они редуцированы.

С другой стороны, рассматривая человека конечностей в том, что он представляет собой внешне, мы видим метаморфоз челюстей, верхней и нижней. То, что сверху и снизу замыкает рот, — это попросту редуцированные руки и ноги. Только нужно правильно представлять себе их расположение. Допустим, что руки суть верхняя челюсть, а ноги нижняя челюсть; в таком случае, куда же смотрит то, что пользуется этими своеобразными «челюстями»? В каком месте оно кусает? Где отверстие рта? И приходится признать: [от того места], где плечи переходят в тело, [до того места], где бедра соединяются с телом. Представьте себе здесь [видимое] туловище (Р. Штейнер рисует на доске), тогда где-то напротив находится [невидимая] голова, раздвигающая рот вверх и вниз; так что вы можете вообразить своеобразную тенденцию этой невидимой

головой, запускающей свои челюсти в область вашей груди и живота.

(в тексте рис 15 и 16 совпадают - прим. ред)

рис.16

голова

конечности

Что же делает эта невидимая голова? Она непрерывно пожирает вас, она разевает на вас свою пасть. Здесь, во внешнем облике, вы имеете удивительный образ фактического. И как обычная голова человека — это материально-телесная голова, голова человека конечностей — это духовная голова. Но она обладает материальной частью, чтобы быть в состоянии непрерывно поглощать человека. Когда человек умирает, она поглощает его полностью. Это действительно удивительный процесс: наши конечности так устроены, что непрерывно нас пожирают. Всем нашим организмом мы непрерывно соскальзываем в разинутый рот нашей духовности. Духовное непрерывно требует жертвы, самоотдачи. Эта наша жертва выражена во внешнем строении тела. Мы не поймем самого облика человека, если мы не увидим, как выражена эта жертва духу в отношении конечностей к остальному телу. Так что мы можем сказать: природа головы и природа конечностей в человеке противоположны, организм груди, туловища, находясь посередине, поддерживает равновесие между ними.

В груди человека заключена как природа головы, так и природа конечностей. Природа головы и природа конечностей смешаны здесь друг с другом. Вверху грудь стремится стать головой, а внизу — приспособить свою организацию к направленным вовне конечностям, иначе говоря, принять характер конечностей. Но стать головой верхней части туловища мешает настоящая голова. Поэтому верхняя часть туловища создает только образ головы, можно сказать, зачаток головного образования. Но что же представляет собой этот зачаток головного образования? Да, это — гортань. Гортань человека — не что иное, как редуцированная голова, голова, которая, не будучи в состоянии стать настоящей головой, выражает свою головную природу в речи. Речь — это все снова совершаемая в воздухе попытка гортани стать головой. Когда гортань пытается стать верхней частью головы, она издает такие звуки, которые более всего сдерживаются человеческой природой. Когда гортань пытается стать носом, ей препятствует в этом настоящий нос. Это стремление она выражает в воздухе посредством назальных звуков. Присущее воздушному носу стремление обрести плоть настоящий нос преобразует в назальные звуки. Человек пытается образовать в воздухе те или иные части головы, и вследствие того, что этот процесс сдерживается настоящей головой, образуется речь.

Поэтому к тому времени, когда голова заканчивает свое телесное формирование, примерно на седьмом году жизни, с началом смены зубов возникают условия для того, чтобы исходящую от гортани душевную голову снабдить своего рода

костной системой, душевной костной системой. Она слагается, когда речь ребенка перестает основываться на способности подражания, но обретает грамматические основы. Мы должны сознавать, что после того, как в школе родители вручают нам ребенка, душевно мы выполняем с ним деятельность, подобную той, которую выполняет тело, когда формируются вторые зубы! Поэтому мы укрепляем, душевно укрепляем речь, если в разумных пределах вводим грамматику — то, что из сил языка формирует письмо и чтение. Правильный взгляд на речь предполагает понимание того, что слова, произносимые человеком, в действительности стремятся стать головой.

Грудь человека имеет тенденцию кверху стать головой, а книзу — конечностями. Подобно тому как исходящая из гортани речь — это *утонченная*, оставшаяся воздушной голова, так все, что в торсе идет от груди вниз, приобретая природу конечностей, — это *огрубленная* организация конечностей. Более плотную, более грубую организацию, чем конечности, имеют образования, которые внешний мир некоторым образом спрессовывает [от периферии к центру человека]. И когда естествознание проникнет в тайну того, как [претерпевая метаморфозу,] кисти и ступни, руки и ноги грубеют и сдвигаются внутрь к центру человека ближе, чем руки и ноги, выступающие наружу, — оно разгадает загадку пола. Только тогда будет найден правильный тон для того, чтобы говорить об этом. Поэтому не следует удивляться тому, что вся сегодняшняя болтовня о том, как проводить сексуальное просвещение, столь пуста. Ибо невозможно по существу

объяснить то, чего сам не понимаешь. А понимание может прийти только на том пути, начало которому положено данным рассмотрением связи между человеком конечностей и человеком туловища. Нужно знать, что так же, как в первые школьные годы в душевную область внедряется то, что до седьмого года жизни было направлено на формирование зубов, так в последние годы неполной средней школы в душевную жизнь ребенка внедряются силы органов, происходящих от организации конечностей и вполне проявляющиеся лишь после наступления половой зрелости.

И так же, как в способности учиться чтению и письму в первые школьные годы мы усматриваем прорезывание душевных зубов, так во всех проявлениях фантазии, в проникнутости душевной теплотой возвещает о себе то, что наполняет душу в конце неполной средней школы: на двенадцатом, тринадцатом, четырнадцатом, пятнадцатом годах жизни. Тогда с особой силой раскрываются душевные способности, предназначение которых — проникнуться внутренней душевной любовью, раскрывается все то, что выражает себя как сила воображения. К ней мы должны особенно апеллировать в последние годы неполной средней школы. Когда ребенок на седьмом году приходит в школу, мы можем в значительной мере полагаться на то, что его интеллект будет сам собой развиваться в ходе обучения чтению и письму; однако, когда выступает способность суждения — она постепенно проявляется, начиная с двенадцати лет, — необходимо постоянно дополнять ее деятельностью

воображения. Что бы мы ни изучали с детьми этого возраста, мы должны стимулировать их воображение, в особенности это касается истории и географии.

Например, мы обращаемся в сущности к воображению, когда говорим ребенку: «Смотри, вот линза, собирающая линза; такая же линза находится в твоём глазу. Ты знаешь, как устроен фотоаппарат? Таким фотоаппаратом является твой глаз». Показывая, как благодаря органам чувств внешний мир встроен в организм, мы, таким образом, также апеллируем к воображению ребенка. Ведь то, что встроено в тело, можно воочию видеть только мертвым, извлеченным из тела, в живом же теле оно невидимо.

На занятиях геометрией и даже арифметикой мы не должны упускать случая обращаться к воображению. Нужно не просто дать рассудочное понятие поверхности, но саму природу поверхности сделать столь понятной, чтобы ребенок мог применить воображение также к геометрии и арифметике. Поэтому я сказал вчера в практически-дидактической части курса, что меня удивляет, что никому не приходит в голову объяснять теорему Пифагора следующим образом. Предположим, что в объяснении участвуют три ученика. Первый насыпал столько песка, что покрыл им один квадрат, — другой покрыл песком второй квадрат, третий покрыл песком наименьший квадрат. Стимулировать воображение ребенка можно, показав, что количество песка, покрывающего малый квадрат, вместе с песком, покрывающим средний квадрат, равно количеству песка, которым покрыт большой квадрат.

Тогда хоть и не математически точно, но с привлечением воображения ребенок применит свою способность суждения к рассыпанному — в упражняемой фантазии, не в реальности — песку. Он исследует поверхность с помощью воображения.

В этом возрасте нужно постоянно заботиться, чтобы от учителя к ученикам переходило то, что возбуждает их воображение. Нужно, чтобы учебный материал жил в учителе, чтобы учитель пропитывал его воображением. Это значит, что учебный материал должен быть насыщен переживающей волей. В последние годы неполной средней школы чрезвычайно важна совместная, протекающая в едином ключе, в созвучии жизнь учителя с учениками. Не может быть хорошим школьным учителем тот, кто не дает себе труда оформлять весь учебный материал с помощью воображения, кто не придает ему все новые и новые формы. Ибо справедливо следующее: если спустя несколько лет повторить то, что некогда было сделано с воображением, это окажется рассудочно-холодным. Воображению необходима неиссякающая жизнь, иначе его порождения рассудочно леденеют.

Это бросает свет на то, каким должен быть сам учитель. Он никогда не может быть кислым. И еще, если жизнь не должна стоять на месте: учительство и педантизм — две вещи несовместные. Если когда-нибудь сойдутся профессии учителя и педантизм, этот брак породит большую беду, чем любое другое дитя жизни. Полагаю, дорогие друзья, это совершенно неприемлемый абсурд — сочетать профессию учителя и педантизм.

Вы видите, что существует сопутствующая обучению своего рода внутренняя мораль, внутренний долг. Это подлинный категорический императив для учителя. Он таков: пусть твое воображение всегда остается живым. И если ты замечаешь, что становишься педантичным, ты должен сказать: «Педантизм может быть лишь недостатком для других, для меня же он низок, аморален!» Вот образ мыслей учителя. Если же подобный образ мыслей учитель не разделяет, то, мои дорогие друзья, ему следует подумать о том, как те знания, которые он приобрел, желая стать педагогом, научиться применять в другой профессии. Конечно, этот идеал не может быть вполне воплощен в жизнь, но все же следует о нем знать.

Вы не сможете развить в себе правильный энтузиазм по отношению к педагогической морали, если в вас не будет жить коренное знание о том, что голова сама по себе — это уже весь человек, только его конечности и грудь захирели, что каждый компонент нашего существа представляет всего человека, только у человека конечностей голова совсем захирела, а у человека груди конечности и голова находятся в равновесии. Усвоив это фундаментальное положение, вы обретете ту внутреннюю силу, которая наделит вашу педагогическую мораль необходимым ей энтузиазмом.

То, что человек развивает как интеллектуальность, имеет сильное тяготение к лени, вялости. Она становится ленива до крайности, если все время питать ум материалистическими представлениями. Ум же, который мы питаем представлениями, почерпнутыми из духа, испытывает

окрыленность. Их же можно заполучить в нашу душу лишь на окольном пути, посредством воображения.

Как только ни сопротивлялась вторая половина XIX века проникновению воображения в дело преподавания! В его первой половине жили такие светлые личности, как, например, Шеллинг, которые здраво рассуждали также и в области педагогики. Прочтите прекрасную, вдохновляющую работу Шеллинга «О методе академического образования» (она посвящена не общеобразовательной, а высшей школе), в ней живет дух педагогики первой половины XIX века. Во второй его половине этот дух был по сути, в замаскированной форме, оклеветан. Тогда поносили все, что душа могла приобрести с помощью воображения, — ибо душевной жизни стали бояться, считая, что, если где-то проявляется фантазия, человек тотчас оказывается во власти недостоверного. Уже не имели мужества быть самостоятельными, свободными в своем мышлении и все же сочетаться с истиной, а не с заблуждением. Боялись любого свободного движения мысли, полагая, что так в душе воцаряется неистинное. Поэтому учитель должен не только насыщать учебный материал воображением, но и обладать мужеством [выбирать] истину. Без него ему не хватит никакой воли на занятиях, в особенности со старшими детьми. Да, дорогие друзья, мужеству для истины должно сопутствовать развитое чувство ответственности в отношении истины.

Потребность в воображении, чуткость к правде и чувство ответственности — вот три силы, три главных нерва педагогики.

И тому, кто хочет быть подлинным педагогом, пусть послужат девизом следующие слова:

*Проникнись силой воображенья,
имей мужество для истины,
развивай чувство душевной ответственности.*

Примечания

Данный курс лекций был прочитан Рудольфом Штейнером преподавателям Свободной вальдорфской школы в Штутгарте (школа начала свою работу 7 сентября 1919 года). Эти лекции читались утром и одновременно с ними днем — лекции по методике и дидактике, а вечером проводились семинарские обсуждения.

Стр. 9. Незастенографированная часть курса позднее была записана по памяти некоторыми его участниками. Ниже приводится запись Каролины фон Гейдебранд:

Давайте мыслить таким образом, чтобы сознавать:

За каждым из нас стоит ангел [хранитель судьбы человека. — Ред.], нежно возлагая руки на голову; он дает необходимую нам силу.

Над нами парит хоровод архангелов [духи общности. — Ред.], несущих от каждого из нас то, что мы можем дать другим. Они связуют ваши души. Это сообщает вам надлежащее мужество. (Из мужества образуют архангелы некую чашу.)

Свет мудрости даруется нам вышними существами архав [духи Времени. — Ред.]. Архав не замыкаются в круг, они несут свое откровение из пра-времен и исчезают в даях веков. Они вступают в это пространство лишь каплей своего

существа. (В чашу мужества ниспадает капля света эпохи, даруемая духом Времени.)

Стр. 10. ...нашего дорогого господина Мольта. Эмиль Мольт (1876—1936) — предприниматель, директор сигаретной фабрики «Вальдорф-Астория». Основал для сотрудников своего предприятия общеобразовательные курсы; из этого затем появилась идея об основании школы для детей сотрудников. Мольт обратился к Р. Штейнеру с просьбой о руководстве и помощи в обустройстве школы.

Стр. 20. ...психологию Гербарта. Иоганн Фридрих Герbart (1776—1841) — немецкий философ и педагог. Педагогические идеи Гербарта были чрезвычайно популярными в европейской педагогике второй половины XIX — начала XX в. См. *Герbart. Психология.* СПб, 1875; *Он же. Избранные педагогические сочинения.* М., т. 1, 1940; *Идеи эстетического воспитания.* М., т. 2, 1973, стр. 322—334.

Стр. 21. ...последней эпохи... Эпохи души рассуждающей.

Стр. 21. «Cogito ergo sum» — «Мыслю, следовательно, существую». Положение, выдвинутое Рене Декартом (1596—1650), известным французским философом, математиком, астрономом и физиком, в его сочинении «Начала философии» (ч. I, § 1, 7, 11—14).

Стр. 27. Кровь — это в самом деле «особенный сок». Ср. «Фауст» Гете, ч. I, “Рабочая комната”:

Мефистофель

Кровь, надо знать, совсем особый сок

Пер. с нем. Б. Пастернака

Стр. 32. ...церковного догматического постановления 869 года... В 869 году в Константинополе состоялся Восьмой собор христианских церквей, признаваемый в католичестве «вселенским», в православии же — нет. На Соборе, в частности, было признано, что человек не несет в себе духа (как самостоятельного члена своего существа), но имеет лишь душу, наделенную некоторыми духовными свойствами.

Стр. 34. Майер, Роберт Юлиус (1814—1878) — врач, естествоиспытатель. Исследования ученого, о которых идет речь в лекции, опубликованы на русском языке в кн.: Р. Майер. Закон сохранения и превращения энергии. М.—Л., 1933.

Стр. 37. В философии Лотце... Рудольф Герман Лотце (1817—1881) — немецкий философ. Речь идет о его сочинении «Микрокосм» (русский перевод: М., 1870).

Стр. 44. ...одна идея Эдуарда фон Гартмана. Эдуард Гартман (1842—1906) — известный немецкий философ. Имеется в виду его труд «Философия бессознательного» (русский перевод: СПб, 1902).

Стр. 51. ...последователи Вундта... Вильгельм Вундт (1832—1920) — немецкий психолог, физиолог, философ и языковед. См., например, его книгу «Введение в психологию». М., 1912.

Стр. 53. ...классическому для него примеру. Пример использован известным психологом К.Г. Юнгом (1875—1961) в книге «Die Psychologie der unbewussten Prozesse». Zürich, 1917.

Стр. 66. ...психологом Францем Brentano и логиком Зигвартом.

Франц Brentano (1838—1917) — известный немецкий философ, невоспрямленный предшественник феноменологии. Профессор философии в Вене. Идеи Brentano оказали влияние на многих известных философов XX века, таких, как Гуссерль, Шелер, Хайдеггер.

Кристоф Зигварт (1830—1904) — немецкий теолог и философ. Профессор философии в Тюбингене.

Стр. 68. ...в лице Эдуарда Ганслика. Эдуард Ганслик (1825—1904) — музыкальный критик и писатель, профессор музыки Венского университета. Р. Штейнер рассматривает сочинение Ганслика «О музыкально-прекрасном» (Leipzig, 1854, русский перевод: М., 1895) в лекции от 3 декабря 1906 г. (GA 283).

Стр. 87. Бенедикт, Мориц (1835—1920) — врач, профессор невропатологии, основатель (вместе с Ломброзо)

криминальной антропологии. Речь идет о его труде «Die Seelekunde des Menschen als reine Erfahrungswissenschaft». Leipzig, 1895 («Учение о душе как чисто опытная наука»).

Стр. 87. Мюллнер, Лоуренц (1848—1911) — профессор философии теологического факультета, ректор Венского университета.

Стр. 90. Маутнер, Фриц (1849—1923) — чешский немецкоязычный романист и лингвофилософ, предтеча Л. Витгенштейна. Речь идет о его работах, посвященных «критике языка». Используемый пример описан в кн.: Mauthner F. Wörterbuch der Philosophie. Neue Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd 1. (1910), Art. «Geist».

Стр. 112. Бар, Герман (1863—1934) — австрийский писатель и критик.

Стр. 126. На Константинопольском соборе 869 года... См. прим. к стр. 37.

Стр. 152. «Кровь — это совсем особенный сок». См. прим. к стр. 27.

Стр. 164. ...работу Шеллинга «О методе академического образования»... Шеллинг (1775—1854) — великий немецкий философ.

Имеется в виду сочинение «Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums».

Стр. 165. Ниже приведен текст изречения на языке оригинала:

*Durchdringe dich mit Phantasiefähigkeit,
habe den Mut zur Wahrheit,
schärfe dein Gefühl für seelische Verantwortlichkeit*

А. Куцын

Р. Штейнер

Общее учение о человеке
как основа педагогики

Редактура перевода: *А. Куцын*, при участии *С. Казачкова*

Литературный редактор *Е. Огарёва*

Редакция рисунков *А. Демидов*